

**10
2009**

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Основан в 1922 году

ПРОЗА

- Юрий ЩЕРБАКОВ. **Рос по имени Ахилл.** Повесть 26
Михаил ЗУБАВИН. **Письма.** Рассказ 162

ПОЭЗИЯ

- Андрей ШАЦКОВ. **Я шаги твои слышу.** Стихи 15
Владимир ШЕМШУЧЕНКО. **Рисует зима.** Стихи 21
**Стихи лауреатов Всероссийского поэтического конкурса
имени С. Есенина**
Александр НИКИТУШКИН. **Рябиновые бусы.** Стихи ... 68
Мария МАКАРОВА. **Лесной полустанок.** Стихи 72
Алексей ШОРОХОВ. **Осеннее счастье.** Стихи 76

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- Михаил ЛЕМЕШЕВ. **Неотложные задачи сохранения
русской цивилизации** 3
Игорь ГУНДАРОВ. **Преодоление демокатастрофы
в России** 121
Сергей КАРА-МУРЗА. **Давайте перестанем
врать друг другу** 138
Валерий ПОЗДНЯКОВ. **Афганистан и Россия** 144
Сергей ХОЛОДОВ. **Героин – союзник демократии** 166

В.П. ЛЫСОВ. Измена	173
Михаил ХОДАНОВ. Зависть как генератор глобализации	179
Константин ЗАТУЛИН. Передача Крыма Украине несправедлива и незаконна	199
Сергей РОДИН. Украинский волапук: цель и методы создания	204

ДОСЬЕ «МГ»

Марат КАЛАНДАРОВ. Виза в пучину. Продолжение	80
Валерий ШЕВЧЕНКО. Забытые жертвы октября 1993 года (Продолжение расследования)	108

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Василий ШУКШИН. Алеша бесконвойный. Рассказ	186
--	-----

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Юрий БОНДАРЕВ, Владимир ЮДИН. Бесконечное терпение – смертный грех	244
---	-----

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Михаил ГОДЕНКО. Просветление	21
Владимир ДЕСЯТНИКОВ. Дневник русского. Продолжение	254

НЕОТЛОЖНЫЕ ЗАДАЧИ СОХРАНЕНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В последние 20 лет, начиная с насквозь лживой перестройки, идут непрерывные восхваления так называемой «западной цивилизации». Нет, пожалуй, ни одного политика-демократа либерального толка, ни одного служителя оголтелых средств массовой информации, кто бы не призывал Россию к вступлению в этот «рай».

По недоразумению вторят им и многие ученые и практические работники. Когда они говорят каждый о своем деле, о своих трудностях и проблемах, о путях их преодоления и решения, то, как правило, видят эти пути только в следовании западной «цивилизованной» практике жизни.

Но ведь это явная нелепость, несуразность. Нелепость эта состоит уже в том, что в действительности никакой единой западной цивилизации просто нет. Это убедительно разъяснено в трудах выдающегося русского социолога Николая Яковлевича Данилевского (1822—1885) и английского историка Арнолда Тойнби (1889—1975).

Не менее основательно доказано учеными и подтверждено практикой исторического развития существование тысячелетней русской цивилизации. Именно русский православный народ, это несравненное сокровище человечества, совершил беспример-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ный исторический подвиг, создал уникальный суперэтнос — многонациональное государство, во многом определяющее ход мировой истории на протяжении многих веков.

Россия потому и оставалась в течение многих веков великой державой, что русский народ свято хранил православную веру и осуществлял самостоятельное независимое духовное, культурное и материальное развитие. Именно народ в его многомиллионной массе оставался их хранителем, тогда как просвещенные «водители» в лице аристократии и интеллигенции нередко отступали от отечественных ценностей, предпочитая им призрачные блага зарубежного образа жизни.

К несчастью, в наше смутное время недалековидные политики и продажные СМИ вновь и с еще большей настойчивостью заывают народ в эфемерную «западную цивилизацию». И это не просто пустая демагогия. Увы, она приобретает форму государственной стратегии, выражающуюся в погружении России во мрак глобализации.

Что же такое глобализация? Какова ее суть и каковы ее цели? Это не надуманная «западная цивилизация», а реальная, крайне агрессивная, человеконенавистническая технократическая (цифровая) цивилизация, внедряемая на основе информационных систем финансово-банковским капиталом стран «золотого миллиарда» и прежде всего США. Цель глобализации состоит в разрушении, с помощью мирового рынка, политического, экономического и национального суверенитета всех «неблагополучных, неприспособленных к рынку стран», овладении их ресурсами и дешевой (рабской) рабочей силой и установлении «нового мирового порядка» под компьютерным, финансовым и военным контролем «мирового правительства».

Угроза разрушения России и ее уникальной русской цивилизации, а, следовательно, и многоцветья и благополучия всего человечества, слишком близка и слишком реальна, чтобы народу и государству оставаться беспечными. Напомню мудрые слова Николая Яковлевича Данилевского, обращенные к нам — современникам — с заветом о непрестанном хранении чести, достоинства и независимости народа в любых исторических условиях. Вот они: **«Если нация по каким-либо причинам утрачивает самостоятельное развитие своих начал, то ей придется вообще отказаться от всякого исторического значения и опуститься на ступень этнографического материала для чужих целей».**

Первейший патриотический долг всех честных работников отечественной науки, служителей православной церкви, общественных и государственных деятелей — не допустить

уничтожения русской цивилизации посредством затягивания страны в сети зловещей, сатанинской глобализации.

Автор отнюдь не призывает к автаркии, к замкнутости от мирового хозяйства, к отказу от расширения экономических и культурных связей со всеми заинтересованными странами и народами. В то же время я выражаю свое глубокое убеждение в том, что Россия самодостаточна в своем материально-ресурсном и интеллектуальном потенциале для эффективного научно-технического, социально-экономического и духовного развития и противостояния погибельным замыслам глобализации. Уберечь мир от опутывания этой удушающей паутиной — это не просто краеугольный камень геополитики современной России, это великая миссия уникальной русской цивилизации.

Каковы же неотложные задачи российского государства и народа, решение которых способно обеспечить сохранение и развитие русской цивилизации и этим противостоять всесветному распространению зла и грядущему порабощению человечества посредством бездуховной (компьютерной) глобализации, навязываемой миру в угоду личным интересам «мирового правительства»? Назову важнейшие из этих задач.

В области идеологии

Первая. Законодательно провозгласить православие государственной религией России как неперемнное условие воскрешения Святой Руси. Такое решение не противоречит существованию и развитию традиционных для России религиозных вероисповеданий — исламу и буддизму. Вместе с тем, оно позволит объединить усилия государства и русской православной церкви для активной борьбы с разрушительным влиянием на мировоззрение и духовно-нравственное состояние населения страны со стороны агрессивных по отношению к России и ее народам католицизма, иудаизма и, особенно, непрерывно умножающихся сект самого различного толка.

Вторая. Ввести жесткую цензуру на античеловечную, аморальную деятельность средств массовой информации, театральные, концертные и другие зрелищные программы, пропагандирующие преступность, насилие, порнографию, разврат, наживу, презрительное отношение к труду, к гражданскому долгу, к истории и культуре родной страны, к защите Отечества. Закрыть детские и юношеские дискотеки, игровые (на деньги) залы, клубы, киоски и другие места проведения азартных (денежных) развлечений. Запретить работу ка-

---

зино, публичных домов и подобных притонов, насаждающих разврат, наркоманию, пьянство.

Третья. Запретить антиправославную и антирусскую лживую пропаганду и клевету на славную историю страны и, особенно, русского народа, ведущуюся иудейско-масонскими средствами массовой информации. Уважение к славному прошлому — залог и нравственный источник движения общества к достойному светлому будущему. Необходимо законодательно установить, что распространение злостной клеветы о том, что великая царская Россия была «тюрьмой народов», а ее преемник — Великий Советский Союз — «империей зла», является тяжким преступлением против государства, подлежащим суровому уголовному наказанию.

Не располагая подлинной свободой, государствообразующий русский народ не мог бы создать величайшую в мире культуру, равно как и другие коренные народы, проживающие в России, не могли бы сохранить и развить свою самобытную национальную культуру. Убедительное доказательство справедливости этого утверждения — уничтожение неповторимой индейской цивилизации в США.

В области экономики

Первая. Отменить принятые федеральные и иные законы и подзаконные акты об открытой и закамуфлированной под аренду продаже земли, лесов, водных объектов, недр, рыбопродуктивных морских акваторий, заповедных и рекреационных территорий, угрожающие разграблением национального достояния нынешнего и будущих поколений России. Запретить неконтролируемый вывоз за рубеж природных ресурсов.

Вторая. Организовать изъятие в пользу государства природной ренты. Сделать эти средства основным источником формирования федерального и консолидированного бюджетов страны вместо фискальных налоговых и иных платежей, тормозящих развитие экономики. Такая прибавка позволит иметь собственные инвестиции и полностью финансировать охрану природы, фундаментальную науку, образование, здравоохранение, культуру, ВПК, армию, флот.

Третья. Разработать и принять государственную программу возрождения гибнущего российского села, которое, при действенной финансовой и материально-технической поддержке, способно обеспечить продовольственную безопасность России не только в смысле производства необходимого количества доброкачественных пищевых продуктов, но и,

---

что особенно важно, в смысле недопущения ввоза из-за рубежа опасных для здоровья и жизни людей генетически модифицированных продуктов питания.

В сельском хозяйстве России допустима многоукладная экономика, но приоритет должен быть отдан коллективным (общинным) формам хозяйствования.

Общинный характер труда и организации производства — это уникальное, исторически проверенное объединение таланта и энергии людей, направленное на плодотворное решение их общих целей. Такое единение усилий людей во всех верованиях, во все времена рассматривалось как единственный оплот их общего преуспевания. Призывы нынешних «реформаторов», пропагандирующих эгоизм и индивидуализм в труде и распределении его результатов, в корне чужды русскому мировоззрению и должны быть решительно отвергнуты.

Православные монастыри России — эти очаги веры, просвещения, высочайшей духовной и производственной культуры неслучайно назывались общинами. В них всегда царили не просто «послушание», а взаимопомощь и активное сознательное сотрудничество. То же можно сказать и о веками существовавших русских трудовых артелях, покрывших необъятные просторы нашей Родины дивными храмами и не имеющими равных в мире по красоте городами. Животворное зерно человеческого труда усыхает без живительной влаги взаимопомощи и общности интересов, что мы с горечью наблюдаем в наши мрачные «постреформенные» дни. Сотрудничество и взаимопомощь есть единственно достойный путь жизни.

«Реформаторы» развернули беспрецедентную преступную деятельность по разрушению колхозов и совхозов. На протяжении последнего десятилетия прошлого и начала текущего веков эти хозяйства были полностью лишены государственных инвестиций, поставок техники, электроэнергии, минеральных удобрений, горючего, стройматериалов, свернуто дорожное, мелиоративное, производственное, жилищное, культурно-бытовое строительство. Вместо развития общественного производства был провозглашен заведомо лживый лозунг: «Только фермер накормит страну». В результате, сельское хозяйство было приведено в страшный упадок. Особенно пострадала его наиболее уязвимая отрасль — животноводство. От полного его краха спасают только выжившие общественные предприятия.

О перспективах возрождения общественного производства на селе свидетельствует опыт работы передовых хозяйств. Если в целом по всем категориям хозяйств Центральночер-

---

ноземного района удой молока от коровы составляет 2765 кг, то в колхозе им. Фрунзе Белгородской области с 1997 г. по 2002 г. удой возросли с 3054 до 5696 кг. от одной коровы. В результате при том же поголовье производство молока в этом хозяйстве увеличилось на 36%, а рентабельность достигла 40%. Такова плодотворность коллективного труда. Подобные хозяйства не исключение, они имеются во всех регионах страны, и именно ориентация на умножение и поддержку таких общественных высокоэффективных хозяйств должна составлять суть и основу современной аграрной политики.

Чрезвычайная важность реализации такой политики состоит еще и в том, что именно у крестьян сохраняется русское православное мировоззрение — трудолюбие, доброта, щедрость, взаимопомощь, сострадательность, любовь к земле, к Родине — эти животворные источники русской цивилизации, тогда как у современной городской так называемой интеллигенции они во многом утрачены.

Четвертая. Впредь до подлинного оздоровления российской экономики и обретения ею реальной конкурентоспособности, на что потребуется не менее 4—5 лет, не допустить вступления России во Всемирную торговую организацию — ВТО, поскольку такое вступление неизбежно приведет к закреплению за нашей страной губительного для природы и общества, особенно его будущих поколений, статуса сырьевого придатка экономически развитых стран и мировой свалки смертоносных ядерных и высокотоксичных отходов.

В социальной сфере жизни

Первая. Упразднить устанавливаемый правительством Российской Федерации социальный стандарт, ориентированный на вымирание населения России, — так называемый «прожиточный минимум», размер которого вдвое ниже оцениваемого социологами «уровня нищеты». Вместо этого издевательского норматива ввести практику планирования и анализа благосостояния народа в качестве минимального социального стандарта «рациональный потребительский бюджет семьи», как это практиковалось при социальном планировании в Советском Союзе. В такой бюджет должны входить не стоимость пресловутой «продовольственной корзины», а необходимые минимальные затраты на питание семьи, на приобретение одежды, обуви, мебели, хозяйственной утвари, на оплату коммунальных услуг, транспорта, культурных потребностей, отдыха, воспитания детей.

Без организации такого социального планирования невозможно преодолеть демографическую катастрофу в стране, порожденную преступными «реформами».

Вторая. Восстановить в основном бесплатное образование и здравоохранение, воспитание детей в детских учреждениях, летний отдых школьников в лагерях, содействие массовому развитию физкультуры и спорта среди молодежи, значимую материальную помощь одиноким и многодетным матерям и весомые пособия на каждого родившегося младенца. Создать разветвленную сеть благоустроенных приютов для одиноких престарелых пенсионеров и инвалидов.

Третья. Предотвратить отъезд талантливой молодежи в зарубежные страны, обескровливающий интеллектуальный потенциал отечественной науки, промышленности и экономики страны в целом. То, что наиболее способные выпускники лучших вузов страны покидают Родину и отдают свои знания и энергию враждебным России государствам, нельзя оценить иначе как преступление современной власти перед страной.

Эта национальная трагедия берет свое начало с того, что студенту-отличнику выплачивают оскорбительную так называемую «повышенную» стипендию в размере 600 рублей, то есть 10 рублей по паритету 1990 года. Напомню, что рядовая стипендия в то время составляла 40 рублей, эквивалентных нынешним 2500 рублям.

Чтобы прекратить интеллектуальное ограбление России необходимо:

- 1) повысить государственную стипендию студентам-отличникам и аспирантам до 10 тысяч рублей;
- 2) для наиболее талантливых выпускников создавать специальные научные лаборатории, центры и КБ;
- 3) гарантировать оплату труда не ниже зарубежного уровня;
- 4) предоставлять нуждающимся благоустроенное жилье.

Убежден, что при таком отношении к юному дарованию ситуация в корне изменится. А тот из одаренных молодых людей, кто на такую заботу со стороны государства не отзовется, пусть ищет себе новую или «историческую» родину — о таких нам и печаловаться не стоит.

Власти защиты Отечества

Первая. Отказаться от порочного замысла перевода службы в Вооруженных силах России на так называемую контрактную основу. Навязывание наемной армии России в условиях возрастающей агрессивности НАТО и прежде всего

США, нельзя рассматривать иначе как радикальное разрушение ее обороноспособности, базировавшейся на протяжении веков на высоком патриотическом долге служения Отечеству не только ее воинов, но и всех ее сынов и дочерей. Это не просто неверие в это святое чувство русских людей, но и издевательство над ним.

Всегда русский человек, тем более воин, защищал родную землю, родное Отечество из любви к ним. Любовь есть верховный закон жизни существа разумного. Русские воины всегда побеждали врагов потому, что беспредельно, бескорыстно и свято любили Родину. А любовь не знает страха! Любовь изгоняет страх из человеческой души. Величайший русский поэт и мыслитель А.С. Пушкин выразил эти чувства русских людей предельно кратко и столь же предельно глубоко и точно:

*Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу.
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

Это ведь сказано на века. Это наша национальная заповедь! И насколько же чужда русскому духу идея защиты отечества за деньги. Как тут не вспомнить непреходящее наставление Иисуса Христа: «Никакой слуга не может служить двум господам» (Лк; 16, 13). Для либеральных демократов, навязывающих России наемную армию, деньги — это их господин, это их бог — мамона. Ему одному и призывают они поклоняться, его одного и любить. Эти самозванные учителя нашей нынешней трудной жизни очень «мудры». Но Господь наш Иисус Христос просвещает нас о том, что «мудрость мира сего есть безумие перед Богом. Господь знает умствования мудрецов, что они суетны» (1-е Коринф. 3; 19-20).

Упомянутые «учители» настойчиво требуют от нас следовать примеру могущественных США. Но эта несчастная, бездуховная и агрессивная страна — в буквальном смысле современный Капернаум. О его библейском тезке, погрязшем в немыслимых грехах, Иисус Христос пророчески предрек: «И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься» (Матф. 11, 23).

Совершенно нетерпимо охаивание нашей доблестной армии, недоверие к высокому патриотическому чувству и бескорыстию ее солдат и офицеров. Преклонись, русский человек, перед святым долгом защитника Отечества, восславь его и полюби его, прояви подлинную заботу о нем и тогда:

---

*Ты в каждом ратнике узришь богатыря:
Их цель — иль победить,
Иль пасть в пылу сраженья
За Русь, за святость алтаря.*
(А.С. Пушкин)

Вторая. Не допускать продажи любым зарубежным странам новейших образцов оружия, разрабатываемых нашими конструкторами, до их серийного производства оборонной промышленностью страны и снабжения ими вооруженных сил в необходимых размерах, обеспечивающих надежную безопасность Родины.

Успешное решение этих жизненно важных задач невозможно без радикальных преобразований в области государственного устройства будущей России. Эти преобразования таковы:

Во-первых, заменить прямые выборы в государственные органы представительной власти на ступенчатые, с соблюдением национальной и сословной пропорциональности населения России.

Во-вторых, изменить федеральное устройство государства на унитарное. Упразднить псевдонациональные республики, провозглашенные по так называемым «титულным» нациям. Нелепость такого административного деления государства очевидна из такого факта: более 56% марийцев живет за пределами республики Марий-Эл, 64% башкир — за пределами Башкортостана, 70% мордвы — вне Мордовии, калмыки в республике Калмыкия составляют 37% населения, коми и коми-пермяки в республике Коми — 23%, карелы в республике Карелия — 10%.

На смену этому надуманному вредному членению России должно прийти традиционное губернское управление.

В-третьих, осудить лицемерную и лживую задачу «поиска» русской идеи. Такая идея давно не просто сформирована, но и рождена самой жизнью русского народа и прошла многовековое испытание на ее плодотворность и незаменимость. Это — Православие, Самодержавие, Народность. В этом лаконичном и всеобъемлющем виде она была предложена президентом Петербургской Академии Наук, министром народного просвещения России, графом С.С. Уваровым (1786—1855) в 30-е годы XIX века. Сергей Семенович, обосновывая эту великую триаду, писал: «Без любви к вере предков народ, как и частный человек, должны погибнуть, а самодержавие является краеугольным камнем нашего государственного бытия, имеющего целью благоденствие народа, сохранение и умножение его творческих сил».

Сформулированная Уваровым русская идея — это не плод умозрительных размышлений автора. Она глубоко исторична. Ее общенациональный смысл и характер был предопределен деятельностью великих русских государственных деятелей — святого князя Владимира (963—1015), крестившего Русь в 988 году, первого державного правителя Руси, святого князя Андрея Боголюбского (1010—1074), святого великого князя Московского и Всея Руси Иоанна III (1440—1505) и первого русского царя Иоанна IV Грозного (1530—1584).

Неукоснительное следование этой незаменимой идее — залог возрождения и будущего процветания России как великой мировой державы — спасительницы человечества от грядущего мрака глобализации.

И, наконец, в-четвертых, самое решающее — восстановление в будущем монархического строя в России. О возрождении России в наши дни говорят многие. Среди них и нынешние ее губители — либеральные «демократы-реформаторы». Разглагольствуя о возрождении России, они видят путь к решению задачи до примитивности просто, а именно — в создании так называемого «правового государства». Я, конечно, убежден, что на самом деле они так не считают, поскольку они скорее злонамеренно хитры, чем наивны. Возрожденная Россия им не нужна, да и возродить ее им не позволят их западные хозяева — «стратеги-мудрецы». Вся эта возня вокруг проблемы создания правового государства по типу западных стран, и прежде всего США, — очередной обман, имеющий целью увести русских людей от истинных целей и путей возрождения России.

Слов нет, жизнь в обществе должна строиться в соответствии с законами и юридическими нормами, защищающими права каждого гражданина и интересы общества в целом. Это — аксиома. Но ясно и то, что «голое» право, не основанное на духовно-нравственных ценностях, не оберегает людей от опустошения их души. Бездуховный человек не может быть добродетельным. Об этом наглядно свидетельствует американский образ жизни, где при разветвленном и, казалось бы, всеобъемлющем законодательстве общество поражено преступностью, наркоманией, проституцией, коррупцией, эгоизмом, расистской ненавистью, самодовольством, низкопробной массовой культурой. Чего стоят один только наглый диктат и постоянная агрессивность в отношении неугодных стран и народов, не желающих следовать предписаниям финансовой верхушки США, организуемой разбойный поход за мировое господство.

По поводу правовых отношений в Священном писании сказано: «Закон дан через Моисея; благодать же и истина

произошли через Иисуса Христа» (Ин. 1, 17). На этом фундаментальном положении всегда основывалось русское православное мировоззрение. Выдающийся русский мыслитель святой Иоанн Кронштадтский (1829—1908) в своих проповедях и публикациях взывал: «Научись, Россия, веровать в правящего судьбами мира Бога Вседержителя и учись у твоих святых предков вере, мудрости и мужеству. Россия будет сильною внутри и извне лишь своею внутреннею правдою, единодушием и взаимопомощью всех сословий, беззаветной преданностью Церкви, Престолу Царскому и Отечеству». Нам, современным русским людям, необходимо четко осознавать, что право является лишь низшей гарантией нравственности. Подлинную нравственность способно обеспечить только православное государство, деятельность которого благословляется Церковью и управляется православным государем — монархом. Русские люди всегда видели в монархе не только своего Царя, поставленного над ними Богом, но и родного отца, к которому относились не только с высочайшим доверием, но и с подлинной сыновней любовью.

Не случайно о людях лицемерных, продажных, лживых, да и просто легкомысленных и недалеких в народе говорили «без царя в голове». Православный Царь — это душа русского народа. Единение Царя и народа — основа процветания и непобедимости русского государства. Сила государя — в верности Богу, а сила государства и народа — в верности и преданности своему государю — православному Царю.

Подлинное возрождение России как великой православной державы, способной противостоять погибельному рабству глобализации, возможно только при условии избрания на престол самодержавного Царя — Помазанника Божия. Задача эта трудная, на ее решение потребуется значительное время. Неизбежна подготовительная организационная работа, суть которой, по моему убеждению, состоит в следующем. Первоначальную основу перехода к монархии должны составить выборные органы местного, уездного, губернского самоуправления, при которых формировались бы исполнительные органы — земские управы. Состав представительных и исполнительных органов власти должен определяться свободными выборами на пропорциональной основе, определяемой национальным составом населения указанных административных единиц. Высшим органом управления на этих уровнях управленческой иерархии должны стать Земские собрания. На этих собраниях избираются члены Всероссийского Земского Собора — Верховного органа власти Русского государства, определяющего политику, стратегию и

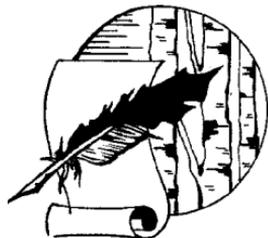

тактику развития страны и важнейшие вопросы духовной, культурной и социально-экономической жизни российского общества. Всероссийский Земский Собор принимает новую Конституцию и избирает Царя.

Сложность осуществления этих радикальных преобразований государственного устройства России состоит в том, что активных сторонников восстановления самодержавия в современном обществе немного. Но это не препятствие на пути к реализации единственно реального спасения и возрождения России. Иисус Христос, наставляя своих немногочисленных учеников и последователей, говорил: «Не бойся, малое стадо, ибо Отец благословил дать вам царство» (Лк. 12, 32). Почти столетие Россия идет по навязываемому ей ложному пути. Настало время вернуться ей на свою историческую благодатную дорогу. Великий русский гений А.С. Пушкин, почти двести лет спустя, напоминает нам:

*Но краски чуждые с летами,
Спадают ветхой чешуей:
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой.*

Закончу изложенные здесь соображения с надеждой на то, что «Ночь прошла, а день приблизился: итак отвергнем дела тьмы и облечемся в оружия света» (Рим. 13, 12).

Андрей ШАЦКОВ

Я ШАГИ ТВОИ СЛЫШУ

ЧАБРЕЦ

В Богородичный день, утопающий в ласковой сини,
Осенин, облаченных в сентябрьский, кровавый багрец,
На бескрайних полях, на безмолвных полянах России
Богородской травой возрастает пахучий чабрец.

Что за дивные сны с чабрецом навевает подушка!
С тем, которым иконный оклад украшали в Престол.
И прекрасной царевною станет простая лягушка,
И не станет помехою кречетам ясный сокол!

Сколько сложено сказок о сем на людскую потребу.
Как причудлива их златотканая, мудрая вязь...
Рождество Богородицы — лествица в чистое небо.
Рождество Богородицы — осени топкая грязь.

А из грязи, хвостатый бунчук на скаку поднимая,
Смертным мороком явятся тысячи волчьих сердец.
И падут ковыли, в полный рост, под пятою Мамаю,
Но пригнется к земле, распрямившись, Непрядвы чабрец!

И навстречу врагу, под хоругвою «Ярого ока»,
В Богородичный день, богородской любимой травой,
Вылетают засадные вершники князя Боброка,
Созываемы в битву Архангела звонкой трубой!

И усееся поле коростою ратного спора —
Куликово,
                                заветное,
                                в поросли из чабреца.
Расточится туман, и заря, словно плат омофора,
Ниспадет на траву —
                                и не будет России конца!

Здравствуй, август... За синюю гранью стекла
Притаившись, предтечей дождей — горемыка,
Ты глядишь на меня, и рассветная мгла
По пустынным углам расточается тихо.

Снова смутное время по душу мою...
Снова падает долу грозы огневица.
Здравствуй, август. Сокрыто печатью семью,
Что там будет — журавль иль в ладони синица?!

Скоро праздник, и верю, своих не предаст,
Не отдаст их дела на разор и поруху
Спас Медовый, Нагорный, Ореховый Спас.
Триединый, славянский по плоти и духу.

По высокому звездному следу в ночи.
По призывному, трубному лебедей клику..
Жизнь заставит порою жевать калачи,
До сведения скул, до оскомины крика.

Месяц серпень... Тревожного лета закат.
Ожиданье зимы мировой катастрофы.
И за братией птичьей, глядишь, отлетят
Прямо в небо последние горькие строфы.

И покуда такие творятся дела,
Что нельзя разрешить без крутого запоя,
Буду свечи у «красного» ставить угла
И у Бога просить хоть на месяц покоя!

И приснится под утро: с пустою сумой,
Прихватив засапожник, на узкой дороге
Встал две тысячи август восьмой...
И змеиная тень замерла на пороге!

* * *

Вернись, я шаги твои слышу.
Такими уходит судьба...
А небо все ниже и ниже
И значит — скорее мольба

Дойдет, долетит, достучится
В закрытые рая врата.

Души белокрылая птица
Над месивом снега и льда

Забьется в немом исступленьи,
Не в силах покинуть июнь.
И ладана дымом, как тенью,
Замглитися церковный канун.

Свечой опаленные руки
Выводят уставной строкой:
«Господь, упаси от разлуки,
А если конец — упокой...»

И эти неровные строки,
Как помыслы детства чисты.
И встанут на крае дороги
Процветшего древа кресты.

И будет рассыпано брашно
Печалью
                  поминной кутьи
И лягут легко и нестрашно
На плечи ладони твои.

ГОДИНЫ

Сколько раз ты молилась на этот киот.
Припадая к нему головою в косынке...
Минул год без тебя, нескончаемый год.
Отошли, растревожив бывшее, поминки.

Стало пусто в груди — это вместе с тобой
В поднебесье душа поднимается паром.
И бушует сирени процветшей прибор
За притвором Ваганьковской церковки старой...

Но порою почудится странное мне:
Что минувшего года вовек не бывало,
Что апреля луна, отражаясь в окне,
Ясным бликом легла на твое покрывало.

Ты пророчишь себе непреложный уход.
И струится твой волос серебряным светом.
И открыто тебе, что всего через год
Сын твой станет известным в России поэтом.

А когда ты покинешь земную юдоль,
Разорвется на части любви пуповина.
И останется боль, безнадежная боль.
И молитва Заступницы с неба за сына.

И весна — не весна, и зима — не зима.
И окончено с прошлым, безоблачным, сходство.
И сгустилась вокруг одиночества тьма —
Первогодье печального слова «сиротство»...

ДЕКАБРЬ

Уходят дымом в небо декабри —
Ровесники мои и обереги.
Гори звезда высокая, гори.
Пока глаза не запорошат снега.

Покуда глина не простыла вглубь
На две казной предписанных сажени,
Приветствую тебя, декабрь —
друг
В последнем неоконченном сраженье:

Стихов и прозы, лазов и пути,
Где каждый шаг возможен стать судьбою.
Веди меня, Введение,
введи
В свой храм, захлопнув двери за собою.

Чтоб за порогом жизни суеты,
В лампадном свете ангелами рея,
В морозных окнах чудились цветы,
Процветшие на Зимнего Андрея!

И чтоб дубов железная листва,
Опавшая покровом плащаницы,
Мостила путь к началу Рождества,
И выводила души из темницы!

Пусть в мельтешенье скоморошных дат
Незыблемо пребудет та, что свята,
Пришедшим в журавлиный снегопад,
Когда метель по-птичьему крылата!

И ВЫПАЛ СНЕГ

А снег упал, и так давно лежит,
Сомнениям и мукам неподвластный,
Что кажется — белесый саван сшит
Любви неповторимой и прекрасной,

Бушующей о пору осенин —
Прозрачную и яблочную пору,
Когда Всевышний дланью осенил
Тех, кто пришел к венчальному престолу!

Российский быт мятежен и суров.
Ни для кого с младенчества не ново,
Что сменится октябрьский Покров
Пуховым платом зимнего покова...

Под Новый год земля опять бела.
Опять в промерзших колеях дорога.
Здесь было много света и тепла.
Хотя их не бывает слишком много.

Весной забьют хрустальные ключи.
Но чтоб дожить до Пасхи причащенья,
Есть таинство Рождественской ночи
И Иорданской проруби Крещенье.

И есть любовь, которая была
Иконной «нерушимую стеною».
И выпал снег... Земля опять бела.
Как два крыла, простертых надо мною!

СКАЗ О КРЕЩЕНИИ

От дневного и ночного страха,
Боже, в этот вечер упаси...
Береги с младенчества рубаху,
В коей ты крещался на Руси.

Караулит храмы строгий ельник.
Переметы снега вдоль дорог.
Ты мне в этот сказочный сочельник
Подари «крещенский вечерок».

Говори приветливые речи.
На полоке разбери постель...
Темнота. Во тьме пылают свечи,
И гудит крещенская метель.

Кислою капустой и грибами
Пахнет так, что напрочь выноси...
Отразились звезды в Иордане,
Отразились в Истре на Руси.

И грядет нечаянная встреча.
Крестный ход застынет у ворот:
Уж не сам ли Иоанн Предтеча
В валенках по улице идет?

И ворон не устранившись стаи,
На крыло опершись, не спеша,
Кроткий голубь к проруби слетает.
Чтоб бессмертной сделалась душа!

И бредя в крещенском снеговее,
Только скажешь: «Господи, спаси.
Хорошо живет в Галилее.
Широко живет на Руси!»

ЧАС СУМЕРЕК

Владимиру Фирсову

Час сумерек... Клеймена, но чиста,
Россия спит под ватным одеялом
Порош,
    укрывших землю снежным палом
В преддверии рождения Христа.

Час сумерек... Уже не ждешь гостей.
Вот-вот огонь затеплит печи дома.
Сиренева полоска окоема.
И в рамках окон нежная постель.

Час Родины,
    раздумий о судьбе
Насельников бескрайнего простора,

Наследников Величья и Позора,
Неистовых в работе и гульбе.

Грязь Родины — не Божия роса.
Противовес крестов и обелисков.
Наград посмертных и расстрельных списков,
И ангелов России голоса!

Час сумерек...Вечерняя заря
Открыла в небо Горние ворота
Душе,
    что ждет канун солнцеворота,
Терзая горло песней снегиря!

Владимир ШЕМШУЧЕНКО

РИСУЕТ ЗИМА

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ВАЛЬС

Белой кистью рисует зима
Неземные свои акварели...
Звезды ярко когда-то горели
И кого-то сводили с ума.
Белым снегом заносит дома
И колодцы дворов засыпает.
И листает, листает, листает
Календарь новогодний зима.

Охраняя огни берегов,
Зябнут вечные львы на канале.
Распахнулись балтийские дали,
И в снегах утонул Петергоф.
Мой неожиданный единственный друг,
Я давненько по свету скитаюсь,
Но тебе я сегодня признаюсь:
Я тебя полюбил, Петербург!

Я люблю твой подсоленный снег..
Заживает — и это не странно —

Не тобой нанесенная рана...
Я сегодня — живой человек.
И когда мой закончится век,
Разреши мне остаться с тобою.
Пусть кружит этот вальс, словно снег,
Над несущейся в вечность Невою.

* * *

Когда богатством были три рубля,
Я жил в краю с ковыльными морями.
Мальчишкой залезал на тополя
И видел я не парус корабля,
А вышки над степными лагерями.

Я взрослым стал. Я вижу корабли,
Изъеденные ржавью у причала.
Отнюдь не притяжение земли —
Сковали флот уплывшие рубли,
И нет Петра, чтоб все начать сначала.

Слова, слова... Какой в них нынче прок?!
И все-таки возьму перо, бумагу...
Я напишу всего лишь пару строк,
Вложу их в перекрестье двух дорог
И честь отдам Андреевскому флагу!

ГОРОД ГАМЛЕТ

1
Дождь на Неву опустился с утра.
Пушка ударила в небо.
Дремлет страна, а в кармане — дыра,
Значит, не будет хлеба.

Не удалось ничего накопить
Выходцам из барака...
Смирно «АВРОРА» сидит на цепи,
Словно больная собака.

2
Отступили дожди, навалились снега.
Город стреляной птицей притих на болоте.
Ах, как хочется нынче пуститься в бега
На машине, на поезде, на самолете!

Шалый ветер-дворняга обшарил квартал,
Треплет полы пальто и хватает за руки.
Я стихи о любви киоскерше отдал,
Пусть зеваает в метро, изнывая от скуки.

Ветер пьяную девку целует взасос.
Утонула в заливе луна, как монета...
Город Гамлет!

Ты задал простейший вопрос,
На который никто не придумал ответа.

* * *

Слышащий — да услышит.
Видящий — да узрит.
Пишущий — да напишет.
Глаголящий — повторит.

Всяк за свое ответит.
Каждому — свой черед.
Слово, если не светит, —
Запечатает рот.

Пуля — она не дура,
А провиденья рука.
Да здравствует диктатура
Русского языка!

* * *

Все никак не привыкну к лесам и болотам —
Не хватает простора глазам степняка.
Здесь поют соловьи по невидимым нотам.
Здесь в Балтийское море впадает река.

Я завидую тем, кто родился у моря.
У людей в Петербурге особая статья.
Я стою на мосту в одиночном дозоре
И учусь по слогам этот город читать.

Свирепеет зюйд-вест, и вода прибывает,
Застонали деревья в окрестных лесах...
Я представить не мог, что такое бывает:
Город в море выходит на всех парусах!

---

* * *

Золотые слова растащило по норам ворьё,
И аукнулась нам бесконечная наша беспечность.
Поспешаем за веком и в души несем не свое,
На сегодняшний день обменяв православную вечность.

Разрастается зло, выползает из темных щелей,
Погремушками слов азиаты гремят на рассвете...
Встань за Родину, друг мой! Молись и себя не жалея —
От безбожных отцов не рождаются русские дети.

* * *

Третий день черный кот намывает гостей
И в истоме глаза закрывает...
Ниоткуда не жду я хороших вестей,
И гостей у меня не бывает.

Барабанят по лужам и крышам дожди.
В водостоках то всхлипы, то стоны.
Кот мурлыкает мне: «Подожди, подожди...»
Оплывает свеча у иконы.

Месяц в небе висит, словно в ухе серьга.
Чья-то тень замерла на пороге.
Возлюблю, коль послал мне Всевышний, врага
Или друга с большой дороги.

* * *

Я просыпаюсь. Мой костер погас.
Лишь уголек в золе едва мерцает.
Звезда, сгорая в небе, созерцает
Меня и этот мир в последний раз.

Трава в росе. Выходит из тумана
Осина и чуть слышно шелестит.
Повремени... Прошу... Еще так рано...
Еще дорожка лунная блестит.

Еще волна песок не разбудила,
И чайка не расправила крыло,
И тайну мне ромашка не открыла,
И воду не тревожило весло.

Еще чуть-чуть... Настраивают скрипки
Кузнечики... К травиночке-струне
Прильнула нотка маленькой улитки
А я ее не слышу в тишине.

Еще мгновенье... И среди ветвей
Защелкает, раскатится, зальется,
Вступая из-за такта, соловей,
За ним другой... И рассмеется солнце!

О, утро, несравненный музыкант!
Как можешь ты рождать такие звуки!
В отчаянье заламываю руки...
Вот мне бы на секунду твой талант!

РОС ПО ИМЕНИ АХИЛЛ

ПОВЕСТЬ

Виссарион Белинский писал в свое время, что «Ахилл выше всех других героев «Илиады» Гомера целую головою. Ахилл представляет совокупность субстанциональных сил народа». Русского народа, как утверждает вслед за академиком Василием Васильевским и писателем Алексеем Юговым астраханский писатель Юрий Щербаков. Троянская война для него — одна из множества трагедий, когда русские люди сходились в братоубийственных сражениях за чужие интересы.

1

Море злилось. Под его косматой шкурой бугрились и опали тугие мышцы волн. Когтистые лапы тянулись к берегу, норвя с размаху вцепиться в скалистую гряду. С воем отдернув ушибленные конечности, чудовищный зверь, не жалея, снова и снова бросал их на приступ. А там, где в полуверсте от берега угрюмо чернели беспощадные зубья Проклятия Кормщиков, творилось и вовсе не-сусветное. Рыча и захлебываясь от бессильной злобы, все в пене неутолимого бешенства, море вгрызалось в неодолимый островок, и, не в силах уцепиться за его гладкую

ПРОЗА

твердь, рушилось в пучину, закручиваясь в исполинские воронки, где, как в бездонных котлах, перекипала свинцово-серая вода. В ней, будто в настоящем вареве, беспомощно кружились оглушенные рыбины.

— Разошелся плешивый! Видно, на всех богов хлёбово варит!

Белокурый атлет, сказавший эти слова, улыбочиво сощурился. Северный ветер, льдистой пятерней трепавший распахнутый ворот его холстинной рубахи, норовил пролезть в запазушное тепло, поближе к пылкому сердцу, безустально гонящему горячую кровь по могучему телу. А богатырю все нипочем — ноги его, обутые в кожаные постолы-кичиги, будто вросли в дремучий береговой камень. Любо ему, видно, глядеть синими лучистыми глазами на необузданную морскую мощь, вдыхать терпкий водорослевый аромат расходившейся пучины да подставлять лицо обжигающим соленым брызгам.

— Не кощунствуй, Ахилл! — Низкорослый спутник атлета даже присел от страха, съжившись под просторной — шерстью наружу — козьей безрукавкой. — Ты ведь и сам Посейдону родственник. А ну как огневается он за насмешку? Это моя плешь для таких невеж. Плати — и шути!

Скинув лисий малахай, он звучно, будто назойливого комара припечатывая, шлепнул себя по лысине. Тот, кого называли Ахиллом, поморщился поначалу недовольно, потом добродушно рассмеялся:

— Хомарос! Хомарос! Не бей так-то крепко себя по голове, а то и остатки роскости из нее, бедной, вылетят! Ну, какой я тебе Ахилл? Забыл, что сам с младенчества Ильей звал? А свое имя зачем иначишь? В нем название нашего племени! Им величаться надо! А ты? Гомер... Тьфу!

— Ну, вот, опять в воду плюнул! А если дедушке своему да на маковку? Царь морской Нерей...

— Неводом деда моего звали, Не-во-дом! — сердито перебил Хомароса Илья. — Потому что рыбак был самый искусный, куда в пучине не сгинул. Может, он там Посейдону и приглянулся, да в подручные к нему попал? То смертным ведать не дано. Насочиняли небылиц! Даже настоящее дедово имя забыли! Я помню! Я, рос Илья, сын Полея, внук Доброслава!

Хомарос сокрушенно покачал головой.

— Ну, чего ты упрямишься, Илюша? Знаю, в родовичах твоих до десятого колена богов не было, герои — были. Ну и что! Ахейцам-то это неведомо! Они уже и сейчас по моим песням держат тебя за полубога. Как дети малые, право слово! Ахилл быстроногий и стрелоподобный, в сраженьях неистовый и непобедимый! Красивая правда, а?

Богатырь в ответ досадливо повел плечами.

— Не морщись, Илюша. Твоя слава — это слава нашего племени — народа Рос! Беда наша — не умеем хвалиться и величаться. Зато ахейцы умеют и любят. Вот пусть и славят твои подвиги!

— С твоих слов?

— С моих, сынок, с моих. Сегодня с завистью и скрежетом зубовным, завтра — с почтением и трепетом, а в будущих веках — с любовью!

— Мы не услышим.

— Другие услышат! И память о славном нашем народе сохранится и умножится! Пускай стараниями алчных и злонаправленных ахейцев, которые, иначе как мирмидонянами, — племенем муравьев — нас не называют. Доблесть и храбрость народа Рос достигнут неведомых наших потомков. Мы будем жить в их горячей крови, в их новых подвигах и новой славе!

Хомарос распрямылся, и голос его гремел над берегом, заглушая зловещий вой свирепого Борея. Не зря, видно, помимо воли заслушивались его песнями и на берегах черного Росского моря, и в Беотии, и в Афинах, и в Коринфе, и в Микенах, и на малых и больших островах, и по другую сторону теплого Ахейского моря — на Троянской земле!

В немом восхищении уставился на сказителя третий собеседник, добродушный льноволосый гигант, не успевший, пока, вставить в разговор ни словечка. Для него новый переход Хомароса от величальной торжественной к обыденной речи был таким неожиданным, что зубы его самопроизвольно клацнули, вновь замыкая раскрытый рот.

— Не у Посейдона — студено! — деловито произнес певец, потирая уши. — Вон, и Прок уже зубами от холода стучит. Мы-то с другом твоим простые смертные. Погреться бы... И не спорь! — поспешно домолвил он, видя добродушную усмешку Ильи. — А-то начнешь рассказывать небылицы о своей мудрой матушке Светине, которая смладу купала тебя в горной речке, держа за розовую пяточку. Оттого, дескать, ты и вырос таким здоровяком. Не старайся зря. Все равно все давным-давно знают, что родительница твоя — богиня Фетида, дочь морского царя, и окунала она тебя по воле Зевса в волшебный ручей, и оттого стало тело твое неуязвимо. Кроме левой пятки, конечно. Или правой? Забыл!

Хомарос сокрушенно развел руками.

— То-то, я гляжу, мне теперь в битвах по ногам целят. Твоя работа!

Илья притворно-сердито сдвинул брови.

— Пяткам веселей — голова целей! — лукаво подмигнул ему певец и заныл жалобно. — Окоченел, в тепло хочу! Тебе-то, заколдованному, что! Хоть морозом, хоть мечом — все ни-почем! Богоравному мужу и доспех не нужен! И зачем только ты его хромцу заказал?

— Ага, зачем? — согласно прогудел великан Прок. — Все равно копыя и стрелы мимо летят!

— И ты туда же! — досадливо вздохнул Илья. — Не враги промахиваются — я уворачиваюсь!

2

Гордость росов — Керчийная Слобода — лежала в каменистой ложбине за городом, которому и дала звучное, как удар молота по ковадлу, имя — Керчь. С утра до вечера над гнездом умельцев, спрятанном за высокой, из белого пилёного камня, стеной, стоял черный едкий дым от согласного дыхания десятков мехов, раздувающих пламя в ненасытных глотках горнов. За общей стеной — малые крепости керчийных дворов, куда без доброй воли хозяев можно попасть только штурмом. Да и то еще как повезет! В давние годы несолоно хлебавши откатывались от слободы набеглые шайки морских разбойников. А с тех пор, как воинским начальником всей окружающей равнины — Крома был избран Полей, а потом его сын Илья, Росским стали море, и росским — порядок на его берегах, как и на всей земле народа Рос, вольно живущего меж двух могучих рек, рожденных в дремучих северных лесах. Боятся враги силы дружного племени, которое за хлопотливое многолюдье и умение постоять за родовичей ахейцы прозвали мирмидонянами. Они же прозвали Тавридой этот южный рубеж, кромку, Кром, оберегающий морскую границу росов. Едва только сменяют свирепонравного брата Борея теплые ветры Нот и Зефир, устремляются сюда ахейские корабли за дорогим товаром — полновесным росским зерном. Из крепких холстинных мешков в толстостенные пузатые амфоры пересыпают золотую пшеницу, скудно родящую на каменистых берегах Эллады. Зато на жирных черноземах росских междуречий и степного сердца Тавриды буйно колосится главное богатство народа, вдосталь напоенное соленым потом оратаев, и впрямь с муравьиным упорством лелеющих землю. Дальними пращурами заповедано: подними пашню, брось зерно и береги всходы. Тогда ты — человек, тогда ты — рос. Тогда ты — зерно рода. Род вберет и сохранит твой след на земле, если не дано тебе будет убрать урожай, если насмерть встанешь на пути нежданного врага.

А чтобы не застали врасплох охотники до чужого добра, держат росы наготове воинские дружины. Не по родству, знатности или богатству избираются их начальники, а по боевой сноровке и ратному таланту. Сначала народное коло, потом совет старейшин утверждают вождем достойнейшего. С такого общего согласия уже пятый год Илья главенствует над южной дружиной. Шутка ли — три тысячи латников, сто ладей — в одном кулаке! Не зря суетные ахейцы величают его то архонтом, то базилеем, то есть царем. У них-то — что ни островок — то царство. А за душой у того царя — стадо коз да десяток воинов! Потому и невдомек ахейцам, что не самовластный он правитель, а просто главный защитник и охранитель русской Тавриды. Ни один чужой корабль без догляду его зорких воинов не пройдет мимо Крома. Надзирают они, чтобы торг шел честно, чтобы мена была равной.

С охотой меняют росы свое зерно на оливковое масло, вино, диковинные южные плоды. В прежние годы брали и бронзовое ахейское оружие, да отвадили умельцы-керчии, научившиеся доспехи ковать крепче и краше заморских!

Теперь уже торговые гости норовят прикупить изделия русских мастеров. А уж для своей-то дружины не жалеют керчии сил и умения! Потому в особом почете их слобода, соседствующая с главным воинским лагерем Ильи.

Так что не только от неожиданного вражьего набега прячутся мастера за высокими стенами и крепкими запорами, а по незыблемому древнему обычаю таить секреты от посторонних глаз.

Не зря керчии у всех народов почитаются за колдунов. Разве без помощи духов превратишь серый кусок металла в блистающий шлем или разящий меч? Русские умельцы рабов у молота и ковадла не держат, тайны ремесла передают из рода в род, чужих в подмастерья не берут. Но и среди таких колдунов-молчальников Гаврила-хромец — наособицу! Он-то уж точно с духами связан напрямую: сработанные им доспехи и оружие — самые крепкие и к долгому бою способные. И лицо, и руки, и грудь Гаврилы изрыты шрамами и язвами, а хромцом он стал, когда, рассерженный неумной пытливостью мастера, демон запустил ему в бедро раскаленной поковкой...

3

Вот к нему-то, знаменитому мастеру и отправились воинский вождь Илья, его неразлучный помощник Прок и лукавый рос по прозвищу Хома. В просторный двор Гаврила вы-

---

шел, как работал, — в тяжелом кожаном переднике. И рыжие вихрастые волосы его, и жесткие завитки бороды были подпалены по краям своевольным хозяином и рабом ремесленника — огнем. Приласкав двух страховидных молосских псов, взлаявших было на Прока и Хомароса и тут же смолкших при появлении Ильи, Гаврила приветственно поднял руку. На его чумазом, словно прокопченном лице белели в нежданной улыбке зубы.

— Ну, чем тебе не бог Гефест! — пхнул Хомароса в бок Илья. — И хром, и лицом безобразен, зато все тайны металлов постиг!

— Не все, Илюша, ой, не все! — пискляво пропел мастер, раскоряченным крабом семени навстречу гостям. — Это ты у нас небожителева родня! Вон собачки мои на тебя даже голос подать бояться! Враги от одного имени твоего зловонные ручьи пускают!

Славный Гефест хромоногий... И дружок закадычный Хома Именем этим Гаврилу назвать никогда не решится!

— Только не пой, приятель, — в притворном ужасе прикрыл ладонями уши сказитель, — и я назову тебя хоть...

Хомарос многозначительно ткнул пальцем в серое небо.

— Вы мне еще состязание аэдов-горлопанов устройте! — насмешливо перебил Илья. — Заказ готов?

Отвечать Гавриле не пришлось, потому что, теснясь и громяхая металлом, подмастерья выволокли во двор подобие здоровенной куклы из обрезков жердей и гибких виноградных прутьев. На ней закреплены были доспехи латника: похожий на диковинную рыбину шлем с позолоченным гребнем, просторный нагрудный панцирь, наручни, наплечники, поножи и пятислойный щит, в центре которого простер надменные крылья бронзовый орел. Отдельно, на широкой деревянной скамье положили тяжелый обоюдоострый меч, топор и два копья на толстых ясеневых ратовищах.

Посерьезневший Гаврила вымолвил коротко:

— Пробуй!

Примеряясь к узорной рукояти меча, Илья отступил на шаг, готовясь к удару. Таков стародавний обычай у росов: проверять прочность нового доспеха новым же клинком. А что до царапин и вмятин — так они оружие только украшают. Бронза с лязгом обрушилась на бронзу, и приметный рубец лег поперек выпуклого нагрудника. А в руке у могучего воина — уже копьё. Хищное острие ужалило в самое опасное место, как пели сказители — меж стыдом и пупком. От удачного удара доспешная кукла с гулким грохотом рухнула наземь. Взоры присутствующих метнулись к копьё, и груди их

исторгли восхищенное: «Ох!». Наточенный рожон не сумел просадить металл насквозь, а только вмял его. Наступила очередь щита. Подмастерья проворно закрепили его на толстой колодине, прочно врытой в землю. Гаврила остановил Илью, уже протянувшего руку к новому копыю:

— Возьми это.

Вождь наметанным глазом оценил оружие, по виду мало чем отличимое от бронзовых собратьев — разве что вытянутое острие отливало иным, холодным блеском.

«Серебро, что ли?» — прошло мимолетно в сознании. А тело, будто само по себе, уже вершило привычное дело. Мощный размах — и копые намертво пригвоздило щит к вздрогнувшей колоде, до самого держака уйдя в древесную плоть.

— Воистину Ахилл — щиторушитель! — восторженно завопил Хомарос, первым нарушив недолгое благоговейное молчание.

А Гаврила, светясь радостью на чумазом лице, уже протягивал богатырю еще один меч — давай, мол, продолжай.

— Дозволь мне, друже! — умоляюще пробасил Прок, завороченно уставившийся на волшебный клинок. И так похож он был на дитятю, самозабвенно тянущего руки к полюбившейся игрушке, что Илья поневоле улыбнулся, передавая ему оружие. А через минуту они оба с восхищением разглядывали чисто разрубленную с одного удара новую поножу.

— Ничего, Гаврила тебе ее заново скует, и — владей доспехом! — Илья хлопнул друга по плечу и повернулся к сияющему керчию. — Ну, удивил так удивил! Может, и впрямь Гефест тебе помогал?

— На что мне ахейский бог! Сварогу огненосному молюсь! Он, видно, и надоумил не бронзу — уклад-камень ковать. А что в сплав добавлял — не скажу, тайна. Одно знаю: кончается старинный век, побьет его новое время, как мое железо эту вот бронзу.

Мастер в задумчивости повертел в пальцах кусок поножи, повернулся к спутникам Ильи:

— Шли бы вы в дом погреться, хлеба преломить.

Когда Прок с Хомаросом потянулись вслед за подмастерьями в жилище — приземистое каменное здание в дальнем углу двора, — хромец твердо глянул в глаза вождя:

— Давно спросить хочу. Почему тебя в бою оружие не берет?

— И ты туда же! — обреченно махнул рукой Илья. — Опыт, умение, сноровка спасают!

— Не сердись, — неотступно продолжал мастер, — разве не было, что и сам свое везение объяснить не можешь?

Илья нехотя кивнул.

— Вот. Что-то помимо воли движет тобой. Несет, толкает направляет.

— Воля богов!

— Память! Умение предугадывать события, действия противников. Оно живет в твоей крови, как в моей — секреты ремесла. Я ведь не выдумываю, а будто вспоминаю забытое! А откуда у твоей матушки дар наложением руки исцелять открытые раны?

— Ну, по наследству от бабки перешло... — неуверенно протянул Илья.

— Правильно! Наследство, след пращуров! Носим мы его в себе, даже того не зная. А потом просыпается оно вдруг! Хотя и не вдруг и не сразу... — Мастер испытующе глянул на Илью. — А, чего там! Ночами не спал, все думал, как уклад-камень переплавить и крепче всего на свете сделать. Так раздумался, что начались у меня видения. Будто из яви да в навь попадаю! Вижу какую-то страну, людей красивых и могучих, на тебя похожих. Руку на отсечение даю, никогда в тех местах раньше не бывал. А чувствую: не чужая то страна, и я ей — не чужой! Будто кто за руку меня водит и разные места и показывает. Пока до нужного — плавильных печей и керчей — не довел. Много я там не понял, а что постиг, вот. — Гаврила кивнул на копье, так и не вынутое покуда из пробитого щита. — Люди там как боги! Силой мысли тяжелые камни движут, могут невидимую стену в защиту от врагов возвести и колесницу летучую построить... — Керчий снизил голос до шепота. — Не подумай только, что свихнулся Гаврила-хромец на старости лет. Просто сподобился я увидеть прародину росов — счастливую Арктиду. Незапамятные предки наши постигли природу вещей, а потому жили добром и справедливостью.

4

Илья потрянул головой, будто прогоняя наваждение. С детских лет слышал он о легендарных пращурах, чтивших народоправство и свободу и из рода в род передававших завет: «Чтобы никто не был выше других!» Золотой век Арктиды кончился в один день, когда небо рухнуло на землю и день стал, как ночь. Моря вышли из берегов и хлынули на сушу. От счастливой страны остался горный хребет — Великий Камень. В его лесах и пещерах спаслась часть народа Рос. И это было чудом, потому что в иных местах земли многие страны и народы ушли под воду без следа и остатка. Хаос и ди-

---

кость воцарились в перекореженном мире. Остатки разных племен одичали и ожесточились, исповедуя закон кулака и дубины. Стремление выжить за счет других у некоторых быстро превратилось в жажду власти. Только потомки жителей Арктиды по-прежнему исповедовали добро и справедливость. Они и смогли выжить росам на самом севере — в суровой Гиперборее, в которую превратилась их цветущая родина. Прошли поколения и поколения, покуда племя умножилось в числе и двинулось на юг, оседая на новых местах. Самые неутомимые заселили берега теплых морей, освоили плодородное междуречье Непры и Танаиса. Вбирая в себя остатки чужих племен и народов, стали они забывать прародину, ее обычаи и законы. Те же троянцы, к примеру, русского корня люди, а уподобились со временем безжалостным меднолатным ахейцам, которые несколько веков тому вторглись с запада во владения приморского племени пеласгов, истребив его мужчин и пленив женщин. Народоправству и свободе остались верны степные росы да жители Крома.

Не зря прозвали их воинственные соседи народом муравьев. Не покладая рук, трудятся они для общего блага. И сила их — в незыблемости этого уклада. И горе тому, кто возьмется извне разрушать эту крепкую общность, вторгшись во владения росов. Ахейцы сунулись было себе на беду, да быстро смекнули, что трогать соседей куда страшнее, чем ворошить муравейник либо лезть голой рукою в пчельник! Ибо и на крепкую пчелиную семью, хлопчущую вокруг матки-вождей, похожи росы ладным устройством своей жизни. Почесывая синяки да шишки, уразумели ахейцы, что торговля с соседями выгоднее войны. Тем более, что и росам обмен товарами нужен, ибо застой опасен не только току крови в жилах. Но другая опасность подстерегает открытых душою потомков жителей Арктиды. Как коварные осы обманом забираются в пчельник, чтобы, убив матку, разграбить мед, как хитрые жучки потчуют сладкой отравой доверчивых муравьев, чтобы овладеть их припасами и жилищем, так и зараза обогащения, жажда скорой лихвы и стремление стать выше соплеменников не умом и трудом, а хитростью и богатством, начала исподволь проникать в сердце росов, подтачивая родовую сплоченность.

Вон, троянцы не то что заветы предков — язык родной скоро забудут! Даже град свой на ахейский манер — Илионом назвали. Осильнели троянцы, но не на правду — на кривду пустили ту силу. Откуда и когда появились там в советниках вождей лукавые иноплеменники, убедившие их, что выгоднее не пахать и сеять, а жить за счет пошрины с торговых

кораблей, которым не миновать прохода меж Эгейским и Росским морями? На удобном месте возвели свою столицу троянцы, перегородив могучим флотом узкое место. С каждым годом все злее становятся поборы с купцов. Шутка ли — не пито, не едено — а четверть стоимости товара отдай! А что товар этот — русских братьев достоиние, что не только по ахейской мощне, но и по росскому достатку бьет прямой грабеж, — троянцам до этого будто и дела нет! Сколько раз совестили их росы, а все без толку. Голос крови, голос рода заглушают голоса настырных советников, давно уже дочерей своих научившихся пристраивать в жены троянским вождям. Да и не вожди они, как прежде, народом избранные, а самовластные цари. Не лучшим теперь вручается власть, а потомкам жадных и бесчестных, на крови несогласных сородичей построивших царские хоромы. Не своим хребтом, а рабским трудом живут теперь троянцы. По ахейскому примеру, в смрадных эргастулах томится здесь двуногий скот, годный для ремесел и хлебопашества. Побережья теплых морей стоном стонут от пиратских набегов троянцев. Но последний царь Приам и его многочисленные отпрыски превзошли в жестокой наглости своих предшественников. В рабство они обращали сотнями и тысячами. А любимец царя Трояды, красавец Парис совершил и вовсе неслыханное: воспользовавшись отсутствием царя Спарты Менелая, напал на его столицу, похитил сокровища, а заодно и супругу Елену. Правда, злые языки утверждали, что украденная жена такому исходу была рада-радешенька, что томилась она десять лет с мужем — большим поклонником прелестных юношей. Ограбленный супруг, хоть и обрадовался втайне такому семейному исходу, обратился за помощью к брату, царю Аргоса Агамемнону. Тот, хоть и пылал гневом на подлых троянцев, но в немедленном содействии отказал, объяснив, что готовит иной поход — на Фивы. Надо, мол, раз и навсегда смирить этот город — вечный рассадник мятежей и раздоров в Элладе.

Для этого он, главный вождь по праву владения священными Микенами, собирает по весне объединенное войско ахейских царей. Пусть Менелай подождет, дойдут когда-нибудь руки и до проклятого Илиона. Слова Агамемнона, нарочито сказанные не для одних ушей, изрядно повеселили троянцев, приготовившихся было к немедленной войне после Парисовой пакости. Воистину слабы ахейцы, если такой позор безропотно проглотили! Презрительное высокомерие — не лучшая добавка к вероломству и жестокости. Поэтому троянцы и не сообразили, что для усмирения Фив вовсе не обязательно собирать всеахейское ополчение да еще звать

на подмогу дружину мирмидонян. Не за этим гонял своих посланцев по всей Элладе мстительный царь Микен! Не за этим бороздила Русское море перед началом зимних штормов лучшая триера Агамемнона. С тайным предложением — идти вместе с ахейцами в поход на Илион — приплыл в Кром седовласый Нестор. Совет старейшин в стольном городе россов Непре приговорил: брани быть! На народное коло тайностей выносить не стали, прилюдно и явно обсуждалось участие в походе на Фивы. После споров и крика всем миром решили готовить дружину. А куда ей идти по весне, пока, кроме старейшин, знал один Илья.

«Может, и Гаврила что проведал? — подумал вождь. — Ишь куда клонит».

— Вот я и говорю, — вывел его из задумчивости голос керчия, — не для того нам с тобой от пращуров такое наследство досталось, чтоб против родовичей его пускать.

— А если они в лютых врагов обратились? — Илья и не пытался разыгрывать недоумение. — Если не осталось в них и капли братской любви?

— Все равно, — упрямо склонил голову мастер, — нельзя родовичам кровь отворять по слову жадных ахейцев! Стравят они нас, а сами — в кусты...

— Ладно! — сердито прервал его Илья, которому и самому не по душе будущий поход. — Славные доспехи ты сковал. Проку подарю. А для меня сделай из уклад-камня. Если б такое оружие да всей дружине дать!

— Сделаю, друже, — пообещал Гаврила, — и станешь ты воистину неуязвим! Об одном прошу: оставайся Ильей, не топпись в Ахиллы...

5

Минуло три месяца. Злобный Борей, теряя силу, все чаще призывал на помощь коварного брата Эвра, чтобы единым северо-восточным дыханием пенить черную воду Русского моря, мешать кораблям, идущим в Тавриду. Да и мало в такую пору сыщется охотников спорить с соединенной силой могучих ветров. Зато мореходам, держащим путь из Крома, — подмога. Не надо буравить тяжелыми веслами холодную весеннюю воду — до отказа раздуваются широкие груди парусов.

По древнему преданию, зацепилась однажды пышная борода Посейдона за скалистый берег Трояды. Плыл владыка вдоль каменистой гряды, и все расправлялся и натягивался непокорный завиток, прихваченный острыми зубьями уте-

---

сов. Не выдержал Посейдон, дернул в гневе бороду, проклял упрямую расщелину, и остался между Пропонтидой и Фракийским морем ее длинный седой клочок. С тех незапамятных пор в этой злополучной узости волноваться и гневаться приходилось всем без разбору храбрым мореходам.

Не волосами — товаром и монетами покупали они у прибрежных племен право беспрепятственного плавания. Троянцы, прочно перехватившие горловину Геллеспонта, и все превратили его соленый поток в золотой ручей. Они первыми среди жителей теплых морей научились строить большие корабли, оснащенные, кроме парусов, и двумя, и тремя рядами весел, первыми усадили рабов на скамьи гребцов, первыми вооружили свои триеры страшными таранами, обшитыми медными листами. Поэтому встреча с троянским флотом не сулила ничего хорошего ни мирным купцам, ни иноплеменным воинам.

Вон они, знаменитые корабли Трояды, выстроились долгой шеренгой поперек пролива. Полуденное солнце жарко горит на начищенной бронзе лат и шлемов, издали слепя огненными бликами.

— С почетом встречают! — усмехнулся Илья, стоявший на носовом помосте передней росской ладьи.

Он повернулся к Хомаросу, зачарованно глядевшему на великолепие чужого флота.

— Ну-ка, сложи что-нибудь про шлемоблещущих героев ряды!

Черные от крепкого смоления ладьи сторожким треугольным косяком скользили по гладкой воде к недвижному троянскому строю. Могучие гребцы почти без плеска ворочали в уключинах тяжелые весла. И вот уже вожак северного флота едва не вплоть придвинулся к передовой триере, выставившей навстречу бивень тарана. С ее высокой палубы раздалось приветственное:

— Эйе, Ахилл!

Илья, из-под козырька ладони взглядевшись в лицо рослого воина в позолоченных доспехах, поднял руку в ответ:

— И тебе здравствовать, Гектор!

Вождь росов в знак мирных намерений снял шлем, на котором вместо привычного чешуйчатого гребня красовался остроконечный шишак. То же самое сделал и троянец. В эту минуту светловолосые атлеты были разительно похожи. В гордом развороте их плеч, в прямой богатырской стати проступало что-то неуловимо роднящее, как в облике кровных братьев. Может, потому и глядели они друг на друга с невольной теплотой и приязнью. Первым заговорил троянец.

— Чем будешь платить за своих мирмидонян? У тебя пять десятков хеландий.

— Видно, слух бежит быстрее наших ладей, если знаешь наперед их число, сын Приама! А ведомо ль тебе, что не с войны — на войну идем?

— То-то дрожат в страхе драчливые фиванцы, — в голосе Гектора слышалась усмешка, — аж вся Беотия трясется! Поди, в Пирейской гавани яблоку негде упасть — весь ахейский флот собрался. Раздавят смутьянов, как муху, и без вашей помощи!

— Коло решило и совет старейшин, — твердо ответил Илья, — или, как там по-вашему, — агора и буле.

— По-нашему, — опять усмехнулся Гектор, — все решает царь. А советы пусть остаются при советниках! Так как насчет платы?

— Будем с добычей возвращаться — тогда и спросишь. А сейчас, кроме мечей, взять с нас нечего. Может, попробуешь?

— Мне сестра Кассандра предсказала, что рано или поздно нам суждено встретиться в бою. И с тобой, Патрокл. — троянец кивнул насупленному Проку, глыбящемуся за спиной вождя. — А случится это, если пропущу вас через Геллеспонт. Потому и пришел сюда сам, чтобы сказать: возвращайтесь домой! Не хочу брани меж героями одного корня!

Илья затрудненно молчал. Не мог знать Гектор наверняка о тайной цели их похода, а в точку попал! Разбередил троянский царевич душу, на которой и так муторно от необходимости вершить назначенное. Да и сам Приамид понравился ему мужественной прямоотой. Хоть и встречались до этого всего один раз — три лета тому на великом торжище в Афинах, куда провожал с дружиной купцов-аттийцев, опасавшихся морских грабителей, а друг дружку крепко запомнили. Редко, но бывает такое, когда доверяешь человеку с первого взгляда и знаешь твердо, что не сподличает он ни в друзьях, ни во врагах твоих. Такое вот неложное чувство испытывали оба вождя. И кто знает, как повернулось бы дальше, если бы не владело душой могучего роса еще одно чувство — чувство долга.

— Пропусти, Гектор, — попросил Илья, — пусть судьба рассудит.

— Она уже рассудила, — с нескрываемой горечью ответил троянец, — клянусь Посейдоном-пенюгонителем, хотел, как лучше. Только не мне, смертному, спорить с безжалостными сестрами. Видно, скоро неотвратимая Атропос оборвет нити, которые успела нам с тобою напрясть неутомимая Клото. Плывите, братья! Путь чист...

По знаку Гектора шеренга троянских триер раздвинулась. Пеня маслянистую воду длинными веслами, могучие корабли нехотя освободили дорогу росским ладьям — роковую дорогу к неизбежности.

6

Верно угадал троянец — в обширной бухте Пирея корабли теснились, как поутру теснится рыба в бочке у знаменитого афинского торговца Клеона. Но для росских ладей место у вымола сразу же нашлось. Видно, с нетерпением ждали здесь северных союзников. Не успели мореходы толком поставить и закрепить корабли у причальной стенки, как на палубу их вожака спрыгнул самый нетерпеливый встречающий. Даже среди росов — мощных, как на подбор, он выделялся могучей статью. Сходу, без лишних слов он облапил Илью.

— Задушишь, медведь саламинский! — взмолился тот.

— Тебя задушишь! — прогудел великан, отпуская вождя, и снова распахнул объятия. — Патрокл!

Хомарос, поначалу предусмотрительно отступивший в сторону и опасливо взиравший на дружеское приветствие, больше похожее на схватку, произнес себе на беду:

— Привет тебе, мощный Аякс, всех на свете борцов победитель!

И, не успев спрятаться за спинами улыбающихся воинов, он тут же попал в богатырские объятия.

— Гомер! Дру! Какую песню ты обо мне сложил!

С трудом освободившись из лапищ друга, Хомарос прохрипел полузадушенно:

— Геракл недоделанный! Как с тобой только женщины спят!

— Да они сами кого хочешь задушат! — под общий хохот простодушно ответил великан. — Поэтому, чуть что, я — сразу на спину!

— Кто Аякса победил? Только бабы да Ахилл! — Хомарос будто масла плеснул в костер смеха.

Три года назад Илья и в самом деле посрамил прославленного силача Эллады. В палестре, куда любопытства ради зашел он тогда с неразлучными Проком и Хомаросом, пыхтя и обливаясь потом, состязались лучшие борцы Аттики. Зная железную хватку Аякса, никто из них с ним соперничать не дерзал, охочие до зрелищ афиняне подзуживали атлетов, науськивая их на непобедимого богатыря, благодушно дремлющего на солнышке. Завидев чужеземцев, зрители затеяли новую игру, выкрикивая наперебой:

-
- Проснись, лежебока!
  - Сжалились боги — соперников тебе прислали!
  - Хороши бойцы!
  - Особенно вон тот, плешивый, клянусь Гермесом!

Вот тогда, отодвинув набычившегося было Прока, Илья спокойно шагнул к борцовской яме. Трижды кряду вздымал он в воздух исполинское тело Аякса и швырял оземь с такой силой, что, если бы не толстый слой опилок, кончилось бы все тяжким увечьем. К чести побежденного, он не затаил злобы на северного гостя, а, наоборот, проникся дружеским восхищением, каждому встречному-поперечному рассказывая о доблести роса. Так что первое гостевание в Афинах было для Ильи скрашено искренней дружбой могучего атлета. По достоинству оценили афиняне и сказительский дар Хомароса, воспевавшего отвагу Ильи и его воинов в сражениях с морскими разбойниками. Тем более, что подлинность этих событий, во сто крат преувеличенная благодарными за спасение купцами, не вызвала сомнений. Одним словом, очень скоро мирмидонянин Ахилл и в Аттике, и в других ахейских царствах стал чуть ли не легендарным героем. Как тут не поверить в божественность его происхождения! Простодушный Аякс был здесь в числе первых.

Вот он склоняется к Илье и шепчет, щекоча тому ухо завитками русой бороды:

— Я за тобой. Цари ждут в Афинах, у Менесфея, для пира и беседы. Я тоже корабли привел. Двенадцать!

Пир в царском дворце был в разгаре. Гостевая мегара встретила Илью и Аякса нестройным гулом приветствий ахейских вождей, возлежавших на низких ложах или шкурах. От огромного очага в дальнем углу зала, где на вертеле исходила жиром свиная туша, наносило дразнящим запахом жареного мяса. Радостные выкрики гостей заглушил могучий бас Агамемнона:

— Привет тебе, славный Пелид, любимец богов!

Главный ахейский царь, которого по заочью называли «Микенским Быком», и впрямь был похож на злонравное животное. Необузданной, упрямой силой веяло от его могучего, густо поросшего черными жесткими волосами тела, от широко расставленных серых глаз, от тяжелого, воистину бычьего загрохота. Даже смоляная борода воинственно задиралась при каждом слове, выдавая буйный нрав хозяина. Небрежным движением согнав с ближнего ложа брата Менелая, который походил на его точную, только изрядно уменьшенную копию, он хлопнул ладонью по упругой коже лежанки:

— Иди сюда, Ахилл! Менелай не обидится. Братцу лестно будет, что ты невзначай ощутишь тепло его седалища!

Под хохот сотрапезников, оценивших грубую шутку вождя, Илья, не чинясь, устроился между Агамемноном и главным его советником, кефаллинянином Одиссеем. Подвластные ему острова лежали по другую сторону Эллады, и потому теплую часть года царь Закинфа, Самы и Итаки проводил у покровителя — в древних Микенах.

С Ильей, которого мельком видел три года назад, Одиссей повел себя, как старый друг. Не дожидаясь виночерпия, сам наполнил для него объемистую золотую чашу, заботливо подвинул кувшин с родниковой водой. Потом, в притворной досаде хлопнул себя по лбу:

— Забыл, что мирмидоняне не разбавляют вина, как художочные ахейцы!

Потом нарочито громко выкрикнул:

— Выпей крепкого хиосского за победу над троянскими разбойниками!

От неожиданности Илья чуть не поперхнулся терпким напитком. А Одиссей, хитро подмигивая, продолжал сокрушенно:

— Ну, вот и разбавленным упился! Чего мелю? А-а, что фиванцы, что троянцы, — все равно упрямы!

Под общий смех гостей рос незаметно пихнул разговорчивого соседа локтем — молчи, мол, кругом же слуги, а на каждый роток не накинешь платок. Одиссей ответил веселым, но абсолютно трезвым взглядом. При этом голос его остался по-прежнему хмельным. Он приблизил толстые красные губы, похожие на жирных червей, ползающих между завитками смоляной бороды и вислым носом, к уху Ильи:

— Во имя воительницы Афины! Разве ты еще не знаешь о нашем хитроумном замысле? Мы идём на Пергам! Только тс-с...

Одиссей заговорщицки приложил палец к губам. То же самое, к удивлению вождя росов, проделали и другие. От нарочитых усилий сохранить серьезность на их лицах блуждали пьяные ухмылки.

— Ну да. Идем заступаться за наших поселенцев в Элее. Оттуда и посланцы были с жалобами на пергамцев! — царь Итаки с притворной опаской оглянулся по сторонам. — А Троя припелели для отвода глаз...

Пир меж тем шел своим чередом. Все больше пустых амфор выстраивалось у стен, а их прежнее содержимое дурманило головы и развывало языки. В мегаре стоял неумолчный разноголосый шум, в котором захмелевшие цари умудрялись хвастаться былыми подвигами, обниматься и спорить, мириться и ссориться. Сцепились было старые соседи-

---

недруги — властитель Аркадии Агапенор и царь Элиды Поликсен, да подоспели вовремя дюжие слуги и выволокли упирающихся вождей во двор — гасить ледяной водой боевой задор.

Илья, опруживши вначале с досады две объемистые чаши хиосского, дальше вино едва пригубливал, вняв предостерегающему знаку Одиссея. Царь кефаллинян, искусно притворяясь крепко пьяным, к своему кубку едва прикоснулся. Точно так же вели себя те, кто входил в совет царей — Нестор из Пилоса, Идомоней с Крита, Диомед из Арголиты, Аякс, Менесфей и злополучный Менелай. Зато Агамемнон вливал в себя чашу за чашей, будто решив расплатиться с обидчивым богом Дионисом за притворство сподвижников. Вождь от вина не пьянел, только кровью наливались глаза.

Таким вот малым кругом собрались они после пира во внутреннем покое царя Менесфея.

— Ждешь объяснений? — Агамемнон тряхнул кудлатой головой, в которую олимпийский владыка виноградных лоз сумел-таки влить сладкого дурмана, и беспомощно махнул рукой. — Сам запутался!

На помощь вождю пришёл Одиссей, шутивший ласковые миндалевидные глаза:

— Дня троянцев мы кто? Тупые звероподобные ахейцы. Предкам нашим боги помогли завоевать Элладу и острова, а пьяницы-потомки ни на что не способны! В поход собратся — и то толком не умеем. Секреты у нас — как вино в бочке с худым дном. Поди, не один уже доброхот-соглядатай известил Илион, что цари-козопасы пыжятся втайне сохранить войну с Пергамом, и потому распускают слухи, что исполчаются на Трои!

Илья покачал головой.

— Ты сам-то бы в это поверил?

— Я — нет. Только ведь там, — Одиссей ткнул пальцем за спину, — царит не жалкий сыродел с Итаки, а богоравный Приам с многомудрыми отпрысками!

Агамемнон гулко, как в бочку, расхохотался. Даже слезы потекли из красных глаз, так потешил его любимый советник. Отсмеявшись, пробасил:

— Вот. Идем в Адрамиттийский залив. Там троянский флот.

— Прямо Минотавр на рога?

— Микенский бык — троянскому? — снова развеселился Агамемнон. — Кто кого перебодает? Не-е-т, нас там как союзников встретят!

— У Илиона свои счета с Пергамом, — вкрадчиво вмешался Одиссей, — а мы к троянцам, честь по чести, посла отправили. Помощи просить. Без вашего непобедимого флота, мол, никак! Вот соединим в заливе корабли — и напрямик в Элею.

— Неужто Приам...

— Согласился! Да и как откажешь такому послу?

Цари засмеялись, а Одиссей пояснил:

— Есть у меня такой храбрец — Терсит. Его в детстве лошадь несколько стадий по камням волокла. Нос стерся чуть не до ровного места, пяточок остался с распахнутыми ноздрями — как у вепря! Один глаз закрылся, а другой будто бы подмигивает все время. Ему — беда, а всем — потеха! Вот его и послали.

Одиссей посерьезнел.

— Но главного, конечно, ни Терсит, ни другие цари, кроме нас, не знают. Помогут боги — утопим в Адрамитте илионский флот. И сразу — на Троию!

Илья с сомнением покачал головой.

— Неужели получится?

— Скоро узнаем. Через три дня уходим. Да ниспошлет нам Афина удачу!

— Обсудим подробности, — пророкотал Агамемнон, — и выпьем еще хиосского, а то я что-то совсем протрезвел...

Допоздна в тот вечер засиделись цари, воздавая наконец сполна хмельному напитку Диониса. Один Илья пил по-прежнему скупно, и потому всё непереносней и тошнотворней казались ему пьяные разговоры, в которых за хвастливым враньем о победах и подвигах все явственнее проглядывали нахрапистая жадность и неутолимая алчность. Даже перебравший неразбавленного хиосского Одиссей отбросил обычную свою осторожность. Ухватив цепкой волосатой лапой золотую чашу, он брызгал на вождя росов вином и слюной с выпяченных красных губ.

— Во дворце Приама в тайных местах врыты в землю пифосы ростом с человека. Там вот этого, — он кивал на чашу, — как гальки на берегу! Помогите мне, Ахилл, и все золото будет наше!

Когда хитроумного царя Итаки развезло окончательно, он, утробно икнув, высказал сокровенное:

— Для нас поход — как торговля для купца! Главное — выгоду получить. А вот вам что за дело до тех троянцев? Ну, жадные они, лишку берут, так и вы дерите с купцов три шкуры! Долг, говоришь? Странные вы люди, народ Рос! Может, у вас судьба такая — жить для других, а не для собственной пользы? О, Ананке, богиня неизбежности, вразуми северных варваров! Может, поймут...

Язык Одиссея заплелся окончательно, и он мирно захрапел.

7

Адрамиттийский залив дремал, подложив под щеку ладонь низкого берега. Разомлев от долгожданного тепла летней по-

---

ловины года, он мерно дышал, шурша гладкими галечными кругляшами. И не добудиться его даже громкоголосым ахейцам, шумно разгружавшим свои корабли, которые широкой цепью охватили могучие троянские триеры. Издали скопище судов на груди залива казалось похожим на стадо скотины, окруженное сторожевой собачьей сворой.

— А что? — Одиссей, наблюдавший, подбоченясь, за бесконечной суетой юрких лодок, сновавших между берегом и флотом, лукаво прищурился. — Славное местечко для Аполлоновой жертвы! Заодно и Синебородого подмажем, чтоб и дальше тихим был. Как в походе...

Плаванье через Эгейское море на этот раз и впрямь выдалось удивительно спокойным. Ни штормов, ни туманов, ни качки. И ветром попутным наградил Посейдон! Одно только отравляло размеренную походную жизнь вождю росов — назойливое внимание Одиссея. Не в радость смолистое дыхание моря и упругий бег ладьи, когда гостит на ней хитроумный ахеец. За привычку взял царь Итаки переправляться спозаранку на корабль архонта мирмидонян. Закон гостеприимства свят — не выгонишь лукавого нахлебника! Да и за что выгонять-то? Любому другому — честь и радость принять такого любезного гостя. Только не лежит у Ильи душа к хитрецу, набивающемуся в друзья. Все-то у него с подковыркой, зловредностью, лукавым тайномыслием. Отравы — не отравы, а злой горечи сумел напустить он в душу Ильи, и так-то угнетенной необходимостью вершить воинское дело обманом и хитростью.

— В том и доблесть, — убеждал Одиссей, — чтобы обвести врага вокруг пальца, подмять, ошеломить, обезоружить!

— Предательство — не доблесть, — хмуро отвечал Илья.

— Красивые слова! — Ахеец хмуро раздул крылья породистого носа. — Каждый норовит ударить в спину. Даже боги! Только не у всех получается. Вот они, — царь махнул рукой в сторону идущей впереди троянской триеры, — они ведь спят и видят сделать с нами то же самое. Союзнички!

Одиссей зло сплюнул за борт.

— А как же клятва? Ведь уговорились вместе погромить пергамских разбойников.

— Так и будет! А потом их так, — царь сжал толстые пальцы в кулак. — Запомни, простец: клятвы только для своих! С чужаками можно все! Любую пакость простит Зевс Стоногий, если она на пользу твоему роду! Не хочешь, чтоб исчез он с подноса земли, — живи обманом в походах и по справедливости — дома!

— Мы все одного рода дети! — упрямо мотнул головой Илья. — Люди...

— Люди! — зло передразнил Одиссей. — Двуногий скот! А мы — погонщики. Вы, росы, могли бы всей Ойкуменой владеть, когда бы жили по такому закону. А так рано или поздно оседают вас хитрые чужаки и погонят себе на пользу, а вам на разорение!

— У нас иной закон — закон Прави. Будем по нему творить Явь — не стыдно будет перед навьими. И самим не будет стыдно уйти туда — в вечную Навь. — Илья поднял глаза к безоблачному небу.

— Ну да, — ахеец презрительно поморщился, — сказка про счастье и справедливость! Ради них, мол, только и стоит жить! Зачем они мне в царстве теней? Земное богатство и воля получить это богатство любым способом — вот смысл отпущенного богами срока! И одно будет греть меня в царстве Аида — что оставлю потомкам в наследство эту заповедь. Они будут хозяевами жизни. Всегда и везде!

— Слушаю тебя и думаю, — Илья через силу усмехнулся, — а не повернуть ли мне ладьи домой? Чтoб пример показать своим внукам-правнукам. Может, тогда у твоих потомков ничего и не сладится!

— Сегодня повернешь, — пожал плечами Одиссей, — а вот он завтра не повернет! — Царь кивнул на Прока, как всегда молчком слушавшего разговор. Тот только ресницами белевыми захолопал.

— Ну, как, Патрокл, хочешь горячей драки, победы, славы?

— Ага! — Прок трудно сглотнул.

— Вот! — Одиссей назидательно поднял палец. — Справедливость твоя — что виноградный сок: брось хмель — заиграет, запенится! Рано или поздно задурят вам светлые головы, заставят жить по-другому. Или умирать...

Ахеец накрыл широкой ладонью запястье Ильи, продолжил вкрадливо:

— Хвала небожителям! Они избирают и покровительствуют героям. Но и народы боги избирают! Чтобы владели миром или явью, как ты его называешь. Мой народ из их числа. Твой тоже, если... пойдет с моим. Что наши судьбы — песчинки во времени! Но из песчинок складываются горы. Троя — начало великого пути к вечной славе! Честь, совесть и прочие бредни надо оставить у ее порога.

— Все равно в спину бить не буду!

— И не потребуется. — Одиссей выпятил красные губы. — Ты, главное, не мешай. Твое дело воинское, вот и воюй. Мы из одной породы победителей. Потому только и наговорил тебе столько. Хочу, чтобы победы были у нас общими...

Ни в чем не убедил Илью за дни плаванья хитроумный ахеец. Одного только добился: досады и тревоги на душе. А

еще словил себя вождь на том, что тянет его к необычным речам Одиссея. Как в детстве, когда смутно и пакостно от запретного подглядывания за купальщицами, но интересно! Неужто червоточину сомнения занес лукавый царь Итаки в прстой и ясный мир Ильи, где главное — жить по Правде, избегать Кривды, чтить Рода небесного и свой род? Да разгонит Светобог-Аполлон соблазны сомнений!

Меж тем все шло по задуманному. Встретившись по уговору в открытом море, троянский и ахейский флот широкой облавной сетью перехватили горло Адрамитгийского залива, безжалостно давя переполошившихся пиратов и их островные гнезда. Пергамцы — те еще разбойнички! Сколько они к Владыке Пучин людей отправили — о том только сам Посейдон и знает. И ахейским поселенцам от них житья не было, Элею год назад напрочь разграбили!

Чисто перепахали пиратскую пашню мстители, успокоили неприкайнные души несчастливцев великой искупительной жертвой, умилиствовали Собирателя Вод и Сотрясателя Земли. Сколько забубенных головушек запахали в голубовато-зеленые пенные борозды.

— Хорошо, что у троянцев походный вождь — женоподобный Ликаон, — с ленивой насмешливостью произнес Одиссей. — С Гектором было бы куда труднее.

Илья только хмуро кивнул в ответ.

— Возвращаюсь в общество прекрасного сына Приама. Да продлят боги его дни до завтрашней ночи! — хохотнул ахеец и тут же согнал с лица улыбку. — Увидите зарево над морем — значит, получилось. Ты знаешь, что дальше делать. Да хранят вас Вечноживущие!

8

Крепости берут по-разному. Миды одолевают числом, когда волна за волной выплещивается их неисчислимое воинство на штурмовые лестницы и заливаает, топит отчаянное мужество защитников. Но и сами миды страдают порой от набегов восточных соседей. Оттуда, из жаркого степного марева накатывается на их пограничные твердыни неудержимая конница. Без промаха бьют ее злые отравленные стрелы, и уцелевшие осажденные, попрятавшись за зубцами стен, обреченно ждут, когда прогорят створки ворот, подожженных лютыми новонаходниками, и когда хлынет в улицы и переулки безжалостная конная лава. Хвала Богу войны Аресу, что нечасто напускает на города мидов ядовитую степную саранчу, что не хотят они охипить всю чужую землю до теплого Эгейского моря. Пока не хотят...

Говорят, в незапамятные времена крепости брали измором, когда истомленные голодом и жаждою осажденные сами впустили победителей. Ахейцы на своих шипастых дубинах принесли с севера привычку идти напролом, врываясь на плечах застигнутого врасплох неприятеля в чужие чертоги. Так они утвердились в стране береговых людей-пеласгов. Так воевали и между собою. Если внезапное нападение не удавалось, по тому же вековому обычаю ахейцы разбивали лагерь, оставляя между ним и крепостью поле, на котором сходились осажденные и осаждающие. И день, и два, и три... Полной победы здесь ждать было нечего, но и полного позора — тоже...

Адрамиттий застали врасплох. Разбойничье гнездо не успело захлопнуть створки ворот, втянуть за раковину стен людские ручейки. Росы, а за ними и ахейцы с троянцами вломились среди бела дня в город, не готовый к отпору. Раздругой плеснуло навстречу победителям бесполезное оружие да и сгнуло под могучим напором атакующих.

В одном только месте — на площади у дома разбойничьего вождя Телефа — нападающие встретили организованный отпор. Два десятка успевших оборуужиться адрамиттийцев решили дорого продать свои жизни. Много грехов было за душой у каждого из них, и на милость врага они не рассчитывали. Сомкнув щиты, адрамиттийцы раз за разом отбрасывали троянцев и ахейцев, которые совсем и не жаждали глотать отточенную бронзу разбойничьих копий. Тем более, что на соседних улицах уже творилось веселое дело, ради которого и затеваются войны. Во имя сладких мигов полного торжества над чужой волей, плотью, имуществом, жизнью стоит терпеть и тяжесть лат, и зуд от укусов назойливых насекомых, глотать пыль, пот и кровь походов и сражений!

Поэтому после нескольких неудачных сшибок союзники охотно уступили место в первых рядах росам. Илья, который и меча-то пока толком не обнажал, вышел вперед, знаком требуя равного боя. Раздвинув своих, навстречу ему шагнул могучий детина, и ростом, и шириной плеч превосходивший даже Прока. В руках разбойника грозно покачивалась устрашающих размеров боевая секира.

— Телеф-дровосек! — с опасливым восхищением пробежало по толпе воинов. Много слышали они о знаменитом разбойнике, разваливающем противников, как дубовые колоды, — одним ударом. Слышать — слышали, а видеть — не видели, потому что те, кто встречался с гигантом в бою, зрели напоследок одно — смертный размах страшного топора.

Безлишних слов и церемоний, крякнув и впрямь, как лесоруб, он ринул загудевшее оружие в роса. И едва устоял на

ногах, ибо вместо трепетной плоти страшное лезвие разрубило пустоту. И раз, и два, и десять раз со свистом крестила воздух без промаха бившая прежде секира. Илья был неуловим, непостижимым образом в последний миг ускользая от верных вроде бы ударов. Озверевший Телеф, хрипя и выкапывая покрасневшие белки, махал топором все чаще. И вдруг, словно битый громом, замер и рухнул навзничь, уронив на каменистую землю верную секиру и раскосмаченную, с открытым в немом крике ртом голову, покинувших навсегда оплошавшего хозяина.

— Во имя Афины щиторужительницы! Вот это удар! — Царевич Троил, предводитель троянского отряда, опомнился первым.

— Сдавайтесь, свиньи! — Он катнул кровавый обрубок к ногам разбойников. Те угрюмо переглянулись и опустили щиты.

— Зрите, о боги, как, уstraшенные храбрым Ильею, сдались пираты на милость ахейцев, троянцев и росов! — пропел вынырнувший неведомо откуда Хома.

— Чего ж ты нас на ахейский манер не кличешь? — насмешливо прищурился Илья.

— А вот как благородному царю, а не такому страхолюдую голову снесешь, так сразу и станешь ты у меня непобедимым Ахиллом — архонтом мирмидонян!

Вечером того же дня, когда разбойничья столица вычищена была подчистую привычными к грабежу ахейцами и троянцами, а на тесных улочках навеки остались самые зловредные адрамиттийцы, объединенное войско двинулось лесной дорогой ко второй твердыне — Лирнессу. Троил, проникшийся после победы Ильи над Телефом особенным восхищением к россу, не отставал от него ни на шаг. Легкий и незаботный, он стрекотал без умолку, словно неутомимая цикада, не давая перемолвиться росу с предводителями ахейцев Аяксом и Диомедом. Те только морщились досадливо, слыша, как воодушевленно царевич описывает тайные качества своих любвеобильных землячек, и красноречиво поглядывали на Илью: когда же он наконец освободится от этой смолы липучей?

Однако предводитель росов, которому и самому уже порядком надоела праздная болтовня троянца, не торопился обрывать назойливого собеседника. Близилась та роковая минута, против которой ярилась его прямая душа и которой все-таки нельзя было избежать. Чая отодвинуть, отдалить то мгновение, когда придется обратить оружие на нынешних союзников, Илья делал вид, что его занимает развязная до неприличия болтовня Троила.

— Воистину, что Приам, что Приап, — одно и то же! Видно, крепко батюшка наш приложился смолоду к любовной пене — наградила его Афродита сладкоумильная неутомимой жадой! Нас, сыновей, у него пятьдесят, а сколько незаконных — один Эрот знает! Ну, и мы в отца пошли — тянет к бабам, как пчелу на цветок! Парис — у того и вовсе последний ум между ног вытек. Это ж надо додуматься — жену с брачного ложа умыкнуть! И у кого! — Царевич опасно покосился на роса: не лишку ли наговорил.

Скоро, однако, совсем других богов поминал болтливый троянец, призывая беспощадных Эриний отомстить бывшим союзникам за вероломство. А случилось это, когда отряд стал на ночевку на обширном каменистом плато, и близкие мохнатые звезды стали жадно принохиваться к вареву в походных котлах. Да отпугнуло их зарево, вставшее вдруг на полнеба внизу за лесом. То огромным погребальным костром пылал мертвый Адрамиттий. Троянцы радостно галдели, силясь что-то разглядеть в вечерней темени и не замечая, что берут их в кольцо ахейцы и росы. Но вот чей-то тревожный возглас разрезал радостный гул. Троянец указывал рукой совсем в другую сторону — туда, где подпалило небо еще одно зарево. Только было оно куда слабее первого, потому что занялось гораздо дальше — там, где остался Адрамиттийский залив...

— Смотрите, смотрите, троянцы! — зазвенел над недоуменно притихшей толпой насмешливый голос Диомеда. Он по уговору должен был попробовать вразумить обманутых союзников. — Это горят ваши корабли! Слава Одиссею хитроумному! Хвала сыну Кроноса, прародителю царей, вещей и богов!

Вот тут и прорвало вдруг царевича Троила. Захлебываясь словами, он визгливо стал поносить меднозрых ахейских хряков и тупых мирмидонских скопцов, призывая на их головы кары всех богов разом. Куда пропала его капризная женственная красота! В отвесах костров лицо троянца с перекошенным ртом казалось уродливой маской. Он так и умер в ней, в личине яростного обличителя, когда Диомед, взбешенный тем, что Троил обозвал его вонючим фармакосом, коротко взмахнул мечом.

— Этих — к тому! — Дрожащий от злости ахеец указал своим на глухо зароптавших троянцев.

— Нет! — вмешался Илья, с хмурой отчужденностью наблюдавший за происходящим. Претило ему убийство безоружных даже по воинской необходимости, восставала душа против такого исхода.

— Не рубить — так отпустить? — недоуменно прогудел молчавший до того Аякс. — Глупо же!

С честью выйти из тупика Илье помог вездесущий Хомарос.

— Клянусь Аресом беспощадным, когти Эриний-мстительниц нам на загривках ни к чему! И этим молодцам умирать, как жертвенным баранам, неохота! Вот пусть и падут завтра со славою в бою. А не погибнут — значит, путь им чист! На небеса или с небес путь один — через Лирнесс!

Выход нашелся, и на душе у росов полегчало. Одно дело — добить врага на поле боя милостивой скорой рукой, и совсем иное — казнить тех, кто и не виноват-то ни в чем. К тому же троянцы росского корня люди. Прок, молча переминавшийся за спиной Ильи, шумно выдохнул и проорал вдруг ахейское приветствие:

— Хайретэ!

И такая детская восторженность была на его круглом добродушном лице, что, помимо воли, заулыбались все вокруг, и к небу, подсвеченному зарницами пожаров, взметнулось дружное:

— Хайретэ! Хайретэ! Хайретэ!

В Лирнесе разбойники огрызались, как крысы, загнанные в угол. На крепостную стену, сложенную из дикого серого камня, первыми забрались не троянцы, которым только перед штурмом вернули оружие, и, бережения ради, стерегли сзади ахейские гоплиты, а росы. Свирепое упорство защитников, ливших на головы нападающих крутой кипяток, отпихивавших шестами штурмовые лестницы, швырявших вниз камни и дротики, они сломали, сметя врагов со стены дружным потоком стрел. Илья и Прок, будто соперничая в скорости, одновременно прынули с лестницы на заборолы. За ними густо посыпались свои, и скоро бой кипел уже на внутренних переходах и на тесных улицах. Разбойники дорого продавали свои забубенные головушки, резались отчаянно в домах и во дворах, но устоять против дружного напора не могли. Росы, а за ними и троянцы с ахейцами, в свой черед перевалившие через крепостную стену, неудержимым потоком разливались по городу. И везде, где движение этого потока замедлялось отчаянной волей защитников, появлялись русский вождь с неразлучным Проком и прокладывали, проламывали дорогу своему воинству.

Илья, как всегда в битвах, дал волю своему телу, которое привычно вершило необходимое, нанося удары и уходя от ответных. Порою чужое оружие бессильно скрежетало об укладку камня его новых доспехов и отлетало прочь вместе с душою незадачливого хозяина. Мысли Ильи витали над бучилом боя, чудесным образом охватывая и подчиняя все происходящее.

Было все, и не осталось ничего. Потому что явилась Брисеида.

Она вышла к нему навстречу из гинекея — женской половины дома знаменитого разбойника Ферамена. Меж ними корчился на земляном полу хозяин, силящийся лишней глоток воздуха словить располосованным горлом, лишнюю горсть грязи выцарапать черными ногтями из земляного пола. Легко отбирал чужие жизни Ферамен, а до своей оказался жаден. Только не видел его мучений Илья и хрипа предсмертного не слышал, потому что не стрела, не меч, не копье — трепетный девичий взгляд пробил панцирную броню и вонзился прямо в сердце! Но и девушку поразил вольный Эрос, да так, что шатнулась она от незримого удара. Дымный, кровавый, обугленный мир встал вдруг на ребро да так и остался — видно, на удачу двоим метнула игральный кубик капризная судьба.

Не одна женщина пленяла до этого сердце Ильи. Добродетельная жена с сыновьями-погодками дождалась дома. Ровным рассудительным вниманием отвечал он на ее преданную заботу. Но походы — они и есть походы. Были и иные жонки: и податливые излиха, и неприступные с виду, и такие, что заставляли биться разбуженную кровь глухими тяжелыми толчками. Но никогда еще не бывало, чтобы душа его целиком и без остатка перелилась в иную душу, чтобы узнала, испытала она вдруг, как умирают не умирая в краткие миги полного счастья, что миги эти — единственные между рождением и смертью, когда человек не одинок.

И нет ему никакого дела до прошлого светловолосой и голубоглазой лады. Да и нет его, этого прошлого, испоганенного разбойниками. Нет больше Брисеиды! Для него, Ильи, возродилась к новой жизни прекрасная дева Доброслава. Он жил теперь, как во сне, когда все вокруг творится помимо его воли. И об одном жалел: что не умеет, подобно Хомаросу, облечь мысли цветистой тканью звучных слов. Потому что не о походах и сражениях — о красоте мира, освященной любовью, хотелось ему теперь говорить. Он и говорил, непривычно запинаясь и робея:

— Корова Земун пошла в моря синие есть траву и давать молоко. И потекло то молоко по хлябям небесным, и звездами засветилась над нами в ночи. И мы видим, как то молоко сияет нам, и это Путь Правы, по иному пути мы идти не должны.

Они стояли, запрокинув головы, на берегу моря, и бездонное небо отражалось в ее бездонных глазах. Колдовка, ворожея, нимфа, в чем сила и неодолимость твоя? Шуршат в ответ теплые волны. Ласковые, как поцелуй, солёные, как слезы...

Илья не помнил толком, как отпустил с миром обезоруженных троянцев, как пылал Лирнесс, как вернулись к Адрамитийскому заливу. Скользом, мимо сознания, прошли тошнотворно-хвастливые рассказы ахейцев о том, как поджигали корабли беспечных илионцев, как безжалостно топили их, умоляющих и проклинающих. Переложив все заботы о дружине на Мену и Прока, имена которых союзники упрямо переименовывали на Менетида и Патрокла, Илья уединялся с Доброславой, насколько это было возможно в воинском лагере. Наваждение продолжалось и тогда, когда, покрыв море парусами, двинулись они наконец к Трое, когда завиднелись ее башни и стены, усыпанные многочисленными защитниками. В сердце, полном любви, не было места ненависти и боевому пылу. Холодно и безразлично, как по докучливой необходимости, творил он потребное, устраивая лагерь. Мена и Прок свое дело знали. Одно только от себя добавил Илья к их стараниям, велел отгородиться частоколом не только от возможных илионских вылазок, но и от союзников — ахейцев. Все бесцеремоннее и назойливее становились они, пытаясь вовлечь росов в попойки, где хвастливо обсуждали удачное начало войны. Росы, спаянные крепкой родовой дисциплиной, отмалчивались. А чего зря языками трепать?

Рати вышли на каменистое поле между крепостью и ахейским лагерем. Воинства постояли, оценивая друг друга. Потом из троянских родов вышли в разных местах на ристалище богатыри-поединщики. Так оказались на разных концах обширного поля золотоволосые гиганты Илья и Гектор. А в самой его середине сошлись лютые враги — Менелай и Парис. Долго, кряхтя и ухая, долбили они по щитам, тупя бронзовые мечи. Да так и разошлись, погрозивши напоследок противнику кулаком. В отличие от них, Гектор с могучим Аяксом после равного боя не грозилась друг дружке, а подняли руки в уважительном приветствии.

Дорвавшийся наконец до горячего дела Прок быстро одолел троянца Сарпедона, который перед началом поединка призывал на помощь отца своего, Зевса непобедимого.

Вечером у костров только и разговоров было, что о богатстве снятых доспехов да о неудаче царя Протесилая, чей золоченый шлем достался после поединка троянскому царевичу Энею. Прок, которого ахейцы зазвали к себе, глядел героем. Оттуда, из-за частокола долетали в лагерь росов взрывы хохота и пьяные крики пирующих. Не мог слышать Илья, как обхаживал Одиссей захмелевшего Прока, раз за разом призывая осушать чаши за великого мирмидонского героя Патрокла.

— Твой архонт тоже славный воин, — втолковывал росу царь Итаки, — только благородством войны не выигрывают!

— Обабился! — заржал Агамемнон, поводя вокруг налитыми кровью и вином глазами. — Показал бы, что ли, свою разбойничью подстилку! Поделился бы! Я вот своих баб от друзей не прячу. Эй, кто там, приведите Хрисеиду!

Микенский Бык пьяно икнул.

— Тут селеньице рядом. Там я ее и прихватил. Брыкалась, кричала, что девственница, что Артемиде посвящена! И ведь не врала, коза, правда, нетронутая, — он ухмыльнулся, — была!

Переждав взрыв хохота и непристойных шуток, самый старый из пирующих, царь Мессении Нестор встревоженно переспросил:

— Во имя всех богов! Ты сделал порной священную девственницу?

Агамемнон досадливо поморщился.

— Если бы все бабы оставались непорочными, кто бы Афродите служил?

Но Нестор не расположен был шутить.

— Так ты ее от алтаря храма оторвал?

— Ну, была там какая-то хибара, — нехотя пробурчал царь Микен.

— Горе нам! — ахнул Нестор. — Ты тронул святилище Аполлона — Артемиды...

Пирующие растерянно примолкли.

— Святотатство! — шипящее слово змеей поползло по рядам, выгоняя хмель ледяным прикосновением.

— Ну и что! — Бурая краска поползла по лицу Агамемнона от бороды к бровям. — Я не теленок из того Аполлонова стада. Я Микенский Бык! Хочу беру, хочу дарю!

Он схватил за руку девушку, которую подвел к костру расторопный раб, и толкнул ее к Проксу:

— Бери!

Тот, трезвея на глазах, растерянно обнял незнакомку, с разлету уткнувшись ему в грудь. Ощувив, как судорожно вздрагивают под хитоном хрупкие плечики, как обреченно колотится сердце, он растерялся еще больше. Да так и остался стоять, оглаживая спину девушки, лица которой не успел разглядеть.

— Бери ее прямо здесь, герой!

— Потом наша очередь! — закричали наперебой любимцы Агамемнона Талфибий и Эврибат. И — будто кнутом стегнули роса. Он отстранил девушку, и с закипающей злобой глядя в бычьи глазки ахейца, глухо сказал:

— Ее надо вернуть.

— Кому? — царь Микен насмешливо прищурился. — Приходил тут старый козел, бляял что-то, грозился. Ну, я его и отправил!

— Жреца Хриса? — ужаснулся Нестор. — Клянусь цепями Прометея и камнем Сизифа, ты навлечешь на нас беду!

Старик встал, и, отмахиваясь от уговоров, решительно зашел к палаткам своего отряда.

— Святоша! — бросил ему вслед Агамемнон. Но уже и другие цари, притихшие, начали расходиться восвояси. Ушел и Прок, унося на холстинной рубашке слезы Хрисеиды, а в сердце — жалость, стыд и злость.

Впрочем, злость он тут же излил, рассказав о бесчинстве вождя ахейского войска своим товарищам. Мена только мрачно супился и теребил русую бороду. Хомарос печально вздыхал и произнес нараспев без тени улыбки:

— Не убоявшись отмщенья стремительной дочери Зевса, Царь Агамемнон сразил златорогую лань Артемиды!

— Красно сказал! — покачал головой Илья и домолвил со злостью. — Бык он и есть бык!

Но и тут не оставил русского вождя долгий сон наяву. Ему бы прыгнуть на ноги да потряхнуть за грудки тупого святотатца, чтобы извергла его ненасытная утроба все съеденное и выпитое, а заодно — и слова прощения и покаяния. Но чары Доброславы были сильнее! Чем она взяла? Голосом грудным, очами голубыми, волосами серебряными, поступью плавной, манящими изгибами тела? Всех этих женских прелестей он видел-перевидел! Млада пляшет, Юница песни поет, Ярица цветы сеет! Три дивные сестры, три дочери Великой Матери — Ма — слились, видно, в Доброславе воедино на счастье тому, кто ее полюбил. Вот пробежала по зеркальной воде алая дорожка и ласково ткнулась в руки Доброславе.

— Зарок я положила: разлюбишь меня, или иное зло нас разлучит, уйду по этой дорожке, кану в воду, как та заветная голик-звезда, у которой и счастья всего — один миг.

Сладкий морок оставил Илью, когда пришел к нему на завтра тот самый жрец Хрис. Плача и стона, попросил он заступиться за обиженную дочь. Боги накажут виновного сами. Пусть оскорбитель вернет девушку, которой жрицей уже не быть. Хрис и выкуп готов дать за дочь.

Не вершителя священных обрядов — несчастного, убитого горем отца увидел и пожалел Илья. И полынная горечь жалости и возмущения вытеснила в его душе сладкую безмятежность. Поэтому с Агамемноном разговаривал он прямо и непреклонно.

— Не позорь воинство. Верни девушку.

— А не верну? — поднял на него злые глаза непохмеленный еще царь Микен.

Илья только желваки перекатил по лицу.

— Вернешь!

— Эту верну, — вдруг неожиданно легко согласился ахеец, — другую хочу. Твою Брисеиду!

И, не давая росу опомниться, заорал, брызгая слюной:

— Я — главный вождь! Первая добыча моя! Ты нарушил закон, утаил пленницу! Теперь отдай!

Илья, остолбеневший поначалу, глядел на Агамемнона с брезгливым любопытством. Откуда ему было знать, что уведавший о мольбе Хриса Одиссеей недавно только нашептывал в заросшее сивой шерстью ухо Микенского Быка:

— Девку он не отдаст. И хвала Зевсу! Я его подговорю — и пусть уматывает со своим сокровищем! Нам не Ахилл — воины его нужны! Патрокл — глина. Заменит своего архонта — вылепим нужное. Куда телку — против быка! А Хрисеиду отдай сегодня же...

Илья дослушал ахейца до конца и отрубил:

— Приди и возьми!

Весь пыхая нерастраченным боевым гневом, он рассказал все Проку и Мене. Те только вздохнули сокрушенно на его слова.

И не видел никто, как в другой половине шатра прижала в отчаянии руки к щекам бледная — ни кровинки в лице — несчастная Доброслава. А когда он хватился ее, было уже поздно. Видели воины, как брела она по берегу вдалеке от лагеря. И сколько ни искал, ни звал Илья, только волны отвечали ему тихим печальным шорохом.

10

Говорят, сердце — не камень. Может, оно и так. Иначе разорвал бы его лед отчаяния, как раскалывает, замерзая, вода, самые крепкие валуны. Если, конечно, найдет трещину и заползет внутрь. В сердце Ильи, в самой сокровенной его глубине лютый холод поселился с той минуты, когда понял он, что любимой больше не будет, что ушла она, как зарекалась, по вечной зоревой дорожке. Навсегда. Без возврата.

Меж тем война шла своим чередом. Каждый день в поле между фалангами ахейцев и троянцев сорежновались поединщики. Но от общей битвы противоборствующие войска благоразумно воздерживались. Агамемнон и рад был дать сражение. Однако росы из лагеря не выходили, а без них исход

битвы был очень неясен. Чего только не делали ахейцы, чтобы выманить союзников из-за частокола. И Одиссей, и старец Нестор, и Аякс с Диомедом каждый на свой лад пытались уломать русского вождя, склонить к участию в бою. Но Илья был непреклонен. Его тысяча упражнялась в стрельбе из луков, в метании копий, в рубке мечами не в чистом поле, а за частоколом лагеря. Кое-кто из охочих до настоящей драки, вроде Прока, вздыхал и супился украдкой, поглядывая завистливо на поединщиков, добывающих под горячим июльским солнцем воинскую славу.

Приходил благодарить за дочь жрец Хрис. То ли он рассказал троянцам о затворничестве Ильи, то ли иные соглядатаи донесли, но осажденные решились на то, на что не отважился Агамемнон. В полдень, когда, помахав на жаре мечами, разошлись с миром очередные поединщики, троянская фаланга двинулась разгонистым шагом на разомлевших на солнцепеке ахейцев. Те не успели выровнять строй и попятились, теряя воинов. Вот уж потешились наконец кровожадные спутницы Ареса керы, выхватывая души из трепещущих еще тел! В клубах пыли, духоте и тесноте шла яростная свальная резня. Здесь уже не до красоты боя, не до состязания в ловкости, не до благородства. Озверевшие воины добивают павших, топчут поверженных. Троянский клин все глубже вонзается в ахейскую фалангу, с ревом и хрустом разрывая ее неподатливое тело. На острие смертельного клина — могучий Гектор. Сегодня он не бережет силы и умение. Косой удар сорвал с его головы гребенчатый шлем, и пшеничные волосы вольно перекатываются в такт могучим размахам. Торжествующий рев проносится по рядам троянцев, когда Гектор первым вламывается в открытые ворота ахейского лагеря.

Бой кипит между палаток, неумолимо приближаясь к лениво дремлющим на катках тушам ахейских кораблей. Нападающие мечут в них заранее припасенными факелами. Еще немного — и займется жарким пламенем смоленный залог возвращения домой.

Судьба войны на весах у великого Зевса — распределителя времен и мгновений. А, может, и не на горней выси — гораздо ближе, в ста шагах всего, за бревенчатым частоколом лежит заветный ахейский кош-жребий? Лежит, как распростершийся перед Ильёю ниц царь Итаки Одиссей. Будто растеряв остатки жадного хитроумия и лукавой настырности, молит он униженно о помощи и спасении. А, может, в этом и есть сугубое хитроумие — рухнуть в побитых доспехах, в чужой и своей крови к ногам смертельно оскорбленного союзника, и не к чести и долгу его воззвать, а к жалости и милосердию.

В том и беда, и слабость, и величие Правды, что заслоняет она лукавую сестру Кривду от общей беды себе на горе. Хотя знает и ведает наперед, что за доброе дело обманут ее и оболгут, а потом и нож в спину предательски вонзят. Нож — не нож, а удавку и рабское ярмо держит за пазухой Кривда, чтобы властвовать над прямодушной спасительницей.

Много злых и горьких слов мог бы метнуть сейчас Илья, будто увесистые камни, в повинную голову Одиссея. Припомнить ему лукавые речи о своих и чужих. Чего, мол, ради вступаться росам за бессовестных союзников? Какая им в том выгода? Самое время спросить об этом у ахейцев. А потом поторговаться вволю, будто не слыша предсмертных криков за частоколом, да и отказать в помощи! Если бы не совесть...

«Верно тогда толковал пьяный Одиссей: странные мы люди — народ Рос. Не другим на шею сесть норовим, а чужой топор от шеи этой отвести! А потом — глядь — и уже на своем горбу таких вот хищников тащишь к их пользе и выгоде...»

Илья горько усмехнулся. За частоколом взвился к небу столб пламени, будто подброшенный радостным ревом нападающих. Видно, троянцам удалось поджечь один из кораблей. Пора было спасать ахейцев.

Вождь перехватил взгляд Прока, в который раз восторженно озирающего новые доспехи Ильи, распяленные на шестах в углу шатра.

— Надевай! — коротко сказал он другу, и, отменяя возражения, повторил. — Надевай. И пошли...

11

Росы ударили, как умели только они, — слитно, одним кулаком. А сила того кулака — не только в воинском умении, воспитанном на ратных учениях. Держать строй, бить фалангой обучены и иных языков дружины. А вот обучить идущей от сердца родовой сцепке нельзя. Когда воин в строю не увертывается от удара, ведая, что может подставить под него товарища, когда каждый бьется за родную кровь, — одолеть такое войско невозможно! Разве что истребить его поголовно...

Дружина Ильи ударила открыто, не исподтишка. Боевой клич «Рос! Рос! Рос!» далеко опередил наступающее воинство, покрыв неистовый рев сражения. Огромным бронзовым катком, ощетиненным копиями, росская фаланга надавила на левое крыло троянцев. Пятившиеся к кораблям ахейцы, почуяв долгожданную помощь, остановились и в свой

черед двинулись вперед. Противоборствующие рати, как сцепившиеся насмерть поединщики, не в силах одолеть друг друга, затоптались, норовя хоть на шаг отбросить настырного врага.

Вот тут и вынесло Прока на разозленного неудачей Гектора. Долгого поединка не получилось. Радостно взревев, рос обрушил несколько могучих ударов на щит троянца. Гектор, ощутив как смертно онемела от них левая рука, ткнул в свой черед наугад мечом. Но, видно, сам беспощадный Арес — покровитель Трои — направлял его десницу! Хищно блеснув на солнце, бронзовое лезвие скользнуло над щитом и верхней кромкой панциря в беззащитную ложбину меж ключицами, — туда, где бьется главная, станова я жила жизни.

И почти тут же перед Гектором встал Илья. Сбылось предсказание вещей Кассандры: лучшие сыновья одного народа сошлись в смертельной схватке. В душе у роса не было злобы к противнику. Не разгорелась она даже после гибели Прока. Может, потому, что разум отказывался принимать очевидное: распростертое тело друга, подплывающее кровью, и беспомощные руки его, в последнем судорожном усилии вкогтившиеся в каменистую троянскую землю. Не было в сердце и боевого гнева. Ничего там не было, кроме пустоты и печали. А тело меж тем вершило привычную ратную работу, уходя от чужих ударов и нанося свои. В равном бою побеждает тот, кто дольше сумеет вытерпеть этот, кажется, бесконечный обмен ударами и дождетя наконец последней оплошки противоборца.

«Зачем жить? — холодно и безразлично думал Илья. — Опустить чуточку щит — и все кончится. А там обрету навых, и Доброславу, и Прока»...

Не яростью — жарким стыдом смыло эту мимолетную мысль, едва пронеслось в сознании имя павшего друга.

«Боги уже наказали меня смертью Прока! Паду — сколько еще росов ляжет? Так не бывать тому! Ну, держись, троянец!» Все стало просто и ясно. Дорога домой лежит через тело Гектора. И вождь росов шагнул на эту дорогу. Удары его стали чаще и злее, и троянец дал наконец слабину. Умер он, как и Прок, не сумев отбить меч, летящий под горло...

Илья дал троянцам унести тело царевича. Битва преломилась. Илионцы начали отступать к крепости, преследуемые ободрившимися ахейцами. Правда, когда со стен и башен Трои густо полетели стрелы и камни, они благоразумно остановились, с жадностью глядя, как втягивается в ворота измотанное вражеское войско. Сил на немедленный штурм у ахейцев уже не осталось.

...Погребальный костер росы приготовили к вечеру, и звезды жалостливо глядели на печальный обряд. Но нет в сердцах воинов нарочитой скорби — суровая торжественность царит на берегу Троицы, откуда взвываются, очищенные огнем, на небесную твердь души павших. В последнее плавание на суд навьих* доставит их верная ладья. Тесно, плечом к плечу, как в ратном строю, лежат они на палубе своего последнего корабля, будто и сейчас ведомые Проклом, посаженным Ильей у мачты.

Завтра поутру, когда остынут угли, росы соберут священный прах в амфоры, чтобы упокоить его на родине. Окопают они тот курган кольцами рвов и сядут на тризну и оставят места для незримых братьев и иных навьих, невестимо прилетевших на скорбный пир. Смерти нет, пока живые помнят ушедших, а ушедшие помнят живых. В этом и есть священное коло, вечный круг жизни росов. Там, за морями — на родине. Здесь, на чужом берегу, осталось последнее — поднести факел к смоленому боку погребальной ладьи.

Илья медлил, будто надеясь отодвинуть неизбежное мгновение. За его плечом кто-то всхлипывал, по-ребячьи шмыгая носом. Вождь повернул голову:

— Ты, Хомарос? Значит, остаешься?

Тот, утирая лицо рукавом рубахи, придвинулся ближе:

— Остаюсь. Кому воевать, кому героев славить! А про тебя ахейские аэды и забыть могут.

— Лучше б забыли! Об одном прошу: сложи песню, что погиб, мол, вождь мирмидонян, что сразили его троянцы!

Хомарос от удивления даже всхлипывать перестал.

— Не поверят! Ты ж неуязвимый!

— Вот и наплети, что и у меня нашлось слабое место.

Он помолчал, добавил горько:

— Кривды в том нет. Боги свидетели, архонт Ахилл умер. Остался рос Илья!

И он протянул руку за факелом.

---

* Н а в ь и — умершие предки (Ред.).

ПРОСВЕТЛЕНИЕ

КАЗНЬ

Гнетущая неопределенность...

Пятьдесят седьмой год пекусь о судьбе моего старшего брата Ивана. Говорят, он ушел на фронт вместе с добровольцами Харьковского университета. Ушел с пятого курса. Их эшелон направился в сторону Чугуева. Но куда же он подевался? Ни слуху, ни духу. Некоторые уверяют, что эшелон разбомбили. «Ни петлички, ни лычки с гимнастерки моей»? Так, выходит? Да была ли у него гимнастерка? Может, не успели даже обмундировать? А где список добровольцев? Его нет. Неужели не успели составить? Человек нигде не значится. Никем нигде не засвидетельствован. Ни в убитых, ни в раненых, ни в пропавших без вести. Растворился во Вселенной... Розыски ничего не дали. Отец писал во многие места. Брат Петька. Я писал. Несколько раз ездил в Харьков. Бывал в парткоме ХГУ. Обещали найти какую-либо зацепку, какую-либо ниточку, кончик. Но...

Чувствую, он не похоронен, кости не преданы земле. Потому мне так мучорно, тревожно. Его душа мечется, хочет заявить о себе, но не может. Он часто снится мне. Довольно странно видеть его то в каком-то балахоне, то в одном нижнем белье, то в офицерском обмундировании, то

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

в цивильном костюме. Запросто является в дом, как будто ничего такого не произошло. Я упрекаю его, мол, как же так, почему столько времени молчал, не подавал весточку? Столько времени прошло. Мать и отец давно в могиле. Петя-ка, наш младший брат, тоже умер. Я совсем-совсем состарился. А ты все молчишь.

Он постоянно уходит от ответа, озабочен какими-то непонятными для меня делами...

Конечно, не предан земле. Потому будет казнить меня до конца дней моих.

МОЯ ВИНА

Ругал себя, корил себя, обвинял в тяжком грехе. Это я виноват, что любимая так изменилась, так подурнела. Потемнела лицом, губы припухли, ноги отекли, движения замедлились. Особенно выдавал живот.

Я убил ее красоту, я убил. Нет мне прощения!

Когда негодовал вслух, она касалась моих губ теплыми пальцами, еле заметно улыбалась, как бы говоря: «Дурачок, ничего-то ты не понимаешь!..» Глаза ее были наполнены ожиданием.

Роды выдались тяжелыми. Это усугубляло мою вину. Решил: если что — наложу на себя руки.

Шторм, как обычно, утихает к утру.

В полдень я привез ее домой. Она взяла дитя, села на диван, растегнула кофту, освободила лифчик. Во всех ее движениях сквозила уверенность, ладность. Казалось, ей передан многовековой опыт женщин-рожениц.

Я залюбовался, видя ее с ребенком, прижатым к груди.

Мать Божья, так вот где настоящая красота!

ДУРНОЙ СОН

Все, что происходит сегодня «со мной и моей страной», кажется невероятным. Дурной сон — иначе не назовешь. Меня не покидает надежда: пройдет немного времени — и я проснусь. Вновь обрету Великую Родину — СССР. Воссоединюсь со своей Малой Родиной — Украиной. Дурман, окутывавший вся и всё, рассеется. Глаза по-прежнему увидят жизнь, которой жил до «перестройщиков» и «реформаторов». Снова услышу милые моему сердцу украинские и русские народные и советские песни. Ощущу широту (от Земли Франца-Иосифа до Крымской земли) страны, снова поверю в ее беспредельность — от Измаила до острова Итуруп. Увижу

родной дважды Краснознаменный флот, базирующийся по всему побережью Прибалтики. Буду, как и прежде, ежегодно (ко дням цветения садов) ездить в Новоспасовку, чтобы подправить могилки моих отца и матери. Буду снова...

Период правления «меченого» и «беспалого» стану вспоминать, как дурной сон.

НЕДОУМЕНИЕ

Как-то, будучи в селе, в гостях у родителей, я заторопился с отъездом в Москву.

— Чего так спешить? — заметила мать. — Без тебя там вода не освятится?

— Важный писательский пленум.

Отец, после некоторого раздумья, подал голос:

— И часто у вас случаются пленумы?

— По мере надобности.

— Не понимаю: не пашете, не сеете, комбайнов не ремонтируете... О чем же там можно говорить!

ПРОСВЕТЛЕНИЕ

Владимира Солоухина отпевали в нижней церкви недостроенного храма Христа Спасителя. Былолюдно и душно. Действо длилось долго-долго. Казалось, конца-краю не будет. Гнетущая усталость подламывала ноги, сковывала онемелое тело.

Но (удивительный поворот!) чем дольше длилось отпевание, тем светлее становилось на душе. Все вокруг стало оживать, приобретая ясные черты. Вместо угнетенности приходило умиротворение. Вместо размышлений о бренности существования появлялось ощущение беспредельности жизни.

КОНЧИНА

Мой возраст приближается к весьма авторитетной отметке. Мысль о кончине нет-нет, да и потревожит: как? когда? где? при каких обстоятельствах? Казалось бы — не все ли равно?

В памяти встает сухонький старичок, коему за девяносто, — отец Ивана Зюзя, моего однокашника, близкого друга, — Федосей Фомич Зюзь. Человек непоседливый, работающий. У него — хата, огород, сад, несколько ульев, куры, кабанчик. При нем дочка Маруся, уже тоже пенсионерка.

Поехал однажды Федосей Фомич в Бердянск на базар, повез груши в сапетке (обширная плетеная корзина). Продал груши. Возвратясь, пообедал. Попросил дочку:

— Мария, помой мне ноги, лягу видпочину.

Маруся помыла, постель расстелила. Лег Федосей Фомич почивать и не встал. Почил навеки.

Если бы вот так!..

ЗАСТАВА

28 января 2000 года летал в Чечню на выездное заседание Правления Союза писателей России. Летал на войну. До начала самого заседания, разбившись на бригады, выступали в частях, подразделениях, на заставах, в землянках. Короче, на войне как на войне.

Я попал в бригаду вместе с артистами. Выступали в запасном полку, затем на двух заставах. Побывал в окопах, в землянках — вспомнил Великую Отечественную, вспомнил далекую юность. Бог ты мой, с тех пор прошло уже более пятидесяти пять лет! Огромная жизнь. Мне уже 80, а я все воюю...

Но дело не в этом. Необычной показалась встреча в полку. Объемная казарма. Ряды коек по обеим сторонам обширного прохода. Проход заставлен тесными скрипучими креслами, какие обычно бывают в кинозалах. Места заполнены плотно. Стоит тишина, которую справедливо называют мертвой. Читаю стихи о той далекой войне. Слушают с поразительным вниманием... Аплодируют по-солдатски дружно. Резко обрывают. Снова гробовая (я бы так сказал) тишина. Несколько необычная встреча. Не живая. Попытался вызвать улыбку. А то и смех. Начинаю «травить» по-флотски. В других аудиториях это вызывало хохот, возбуждение. Но здесь — напрасны усилия. Расстроенный, после выступления вышел в соседнюю комнату. Молча смотрю в окно. Поняв мое состояние, ко мне подошел полковник, стал успокаивать.

— Не расстраивайтесь. Простите солдат. Обычно они отзывчивы. Но сегодня...

Он рассказал, что «с передка» привезли двенадцать черных пакетов из плотного целлофана. Двенадцать ребят... Завтра отправляем пополнение, так что...

Нелепостью показались мои попытки «взбодрить» слушателей. Стыдом покрылось мое авторское самолюбие.

ГУМОР И САТИРА

Александр Иванович Ковинька — сатирик и юморист из Полтавы. Однажды его спросили, какая разница между юмором и сатирой. Он ответил:

— Бачите вон те далекие кусты?

— Видим...

— Як шо звидтиля вам покажут дулю — це буде тильки гумор. Если же дулю сунут под нос — це вже буде сатира!

«ЧАЙНИК»

После учебы в Литинституте я перебивался случайными заработками. Чаще всего — рецензировал поступающие в тонкие молодежные журналы рукописи. В основном это были творения графоманов (их еще именуют «чайниками»). Одному из таких дал отрицательный ответ — как и многим другим. «Чайник», естественно, закипел, настрочил письмо в ЦК, лично «дорогому Никите Сергеевичу». Поплакался. Мы, мол, тут вкальваем, поднимаем казахстанскую целину, выполняем задание партии, пишем об этом рассказы, посылаем в печать. А какой-то там тунеядец, засевший в московской редакции, издевается над нами, не дает ходу нашим сочинениям.

Главный редактор журнала получает приказание сверху: разберитесь!

Вместо того, чтобы действительно разобраться, прочтя творения зануды, поступает проще (у страха глаза велики!) — наказывает меня: «Чтобы ноги его здесь больше не было!» Пуганая ворона, как известно...

Рассказы «чайника» напечатал. После не знал, как от него отвязаться. «Чайник» требовал: столько-то экземпляров журнала с его опусами прислать ему лично, столько-то его матери, столько-то родственникам по таким-то адресам. Часть гонорара перечислить на его имя, часть на имя родительницы. То и дело засыпал редакцию «творами», требовал незамедлительной публикации.

Короче говоря, «чайником» оказался не графоман из Казахстана, а редактор столичного журнала.

ТИТО

Какой год, точно не помню. Только знаю, что в ту пору Хрущев восстановил нормальные отношения с Югославией.

Летом я наведалься в свое родное село, услышал новосочиненную песенку:

*Дорогой товарищ Тито,
Дорогой наш друг и брат,
Как сказал Хрущев Никита,
Ты ни в чем не виноват!*

Как скоро люди реагируют на политические новинки. А говорят — народ безмолвствует.

На нашем участке стоял раскидистый орех, грецкий. Когда мы с отцом собрали уже один мешок плодов и взялись за второй, в огороде появился Иван Зюзь. Он до войны учился в Бердянском учительском институте (ныне педагогический, имени Полины Осипенко) на историческом факультете. Порой в разговорах Иван Федосеевич дает понять, что история для него предмет не чужой. Вот и тогда, прохаживаясь под шатром могучего дерева, стал рассказывать о древнем полководце Александре Македонском, который покорил многие земли и народы. Побывал он и здесь, в северном Причерноморье. Интересная деталь: его воины опоясывались своеобразными трубчатыми поясами, изготовленными из кишок животных. Пояса плотно заполнялись орехами, которыми питались воины, когда не было иной пищи: что-то вроде современного армейского «НЗ» (неприкосновенного запаса). Легкая ноша и весьма калорийная.

Рассказчик утверждал, что рощи грецких орехов появились в здешних местах после нашествия войск Александра Македонского.

КРАНЦЫ ЗА БОРТ

Со мной на Балтике служил Радченко. Морские команды он понимал буквально. Приведу пример. С мостика через мегафон подали команду:

— Кранцы за борт!

Вместо того, чтобы кранцы (сплетенные из пеньковых тросов «груши», которые смягчают удар судна о причальную стенку) спустить на прикрепленных к ним концах и так удерживать во время швартовки, Радченко все кранцы, попавшие под руку, выбросил в воду.

Матросам — хохот, командиру корабля — головная боль.

Памятен и такой случай. Во время нашей учебы в Школе оружия Радченко стоял на вахте у двери штаба, на втором этаже казармы. Увидя, что внизу, у входа показался Командующий флотом со свитой, вконец растерявшийся дневальный поросячьим голосом завопил:

— Смирно, морские силы по трапу повзуть!..

ВЫБОР

Объединенный пленум творческих союзов проходил в Кремле. Во время перерыва, прогуливаясь по Георгиевскому залу, я встретил Юлию Друнину. Она была в темном бархат-

---

ном платье. На правой стороне груди ярко освещивал пурпуром и золотом орден Отечественной войны 1-й степени. Я знал: у нее есть разные награды. Но она выбрала именно эту. Сказалось чутье, художественный вкус. Я не мог не залюбоваться: на черном бархате — яркое многолучие. Оценил ее выбор вслух. Надо было видеть, каким удовлетворением засветились ее глаза. Она была благодарна: я подчеркнул не боевую славу и ратную суть награды (это само собой разумеется!), не воинская заслуга Юли привлекла в первую очередь (в данный час) мое внимание, а безошибочно избранная ею красота. Юлия мягко взяла меня под руку.

— Спасибо... Я так ждала именно этих слов.

Было видно: сегодня в ней победила не фронтовичка, не знаменитая поэтесса, а женщина!

ПОЧАТКИ

Однажды в августе я прогуливался вдоль берега реки Истры. Дорогу перебежал бурундучок. Он выскочил из зарослей молодой кукурузы, пересек тропу, скрылся в прибрежных вербах. Неподдалеку в траве сидели два мальчика: лет пяти и восьми. Старший укладывал в целлофановый пакет кукурузные початки — тонкие, совсем молочные. Младший лихорадочно быстро поедал ошкуренный початок, весь целиком, с еще мягкой сердцевинкой. Жадно чавкая, пихал-пихал в рот, словно опасаясь, что початок отнимут. Мальчики вызывали жалость: бледные, тощие, по всему виду голодные. Я подошел, закашлялся от спазмов в горле, глухо посоветовал:

— Ребятки, недавно поле обрабатывали химикатами. Початки надо хорошенько промыть и проварить. Опасно есть сырыми.

Оба соглашались, часто кивая головами. Старший торопился запихнуть добычу в пакет, младший — в рот. Дома у них, догадываюсь, ни крошки хлеба. Родители то ли безработные, то ли, как обычно, месяцами не получают зарплату. Одним словом — время «реформ» и дети «реформ»!

ИНТЕРВЬЮ

По телеку транслируют концерт эстрадной музыки.

Показали журналиста, который подсел к молодой девушке, спрашивает:

— Ну, как концерт?

Возбужденная особа, продолжая размахивать руками и

вилять корпусом, охотно откликается:

- Обалденный!
- Певец нравится?
- Обалденный!
- А оркестр?
- Обалденный!..

Затурканная рок- и поп-музыкой, девица и сама уже стала «обалденной». Боюсь. Скоро вообще интеллектуальный уровень молодых людей станет «обалденным».

ПОДВОДНИК

Вспоминаю дорогого мне человека, друга, поэта.

Сергея Васильевича Смирнова. Однажды мы выступали вместе. Я читал свои стихи о войне, рассказывал о службе на флоте. Говорил о морских пехотинцах, о катерниках, о подводниках. Сережа в шутку заметил:

— Я тоже подводник.

— Как?! — Его заявление меня весьма удивило. Он ведь никогда не состоял на военной службе.

— Подвозил снаряды к передовой на подводах.

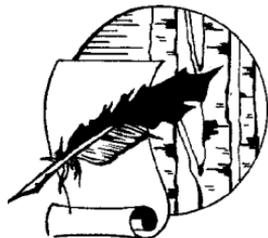
Сергею не брали на фронт из-за увечья. Но он все-таки добился своего — воевал.

Редакция «Молодой гвардии» сердечно поздравляет Михаила Матвеевича Годенко с 90-летием.

Фронтовик, замечательный поэт и прозаик, лауреат литературных премий, он и сегодня в строю.

Желаем юбиляру светлых дней, здоровья, нового творчества и долгих лет.

*СТИХИ ЛАУРЕАТОВ
ВСЕРОССИЙСКОГО
ПОЭТИЧЕСКОГО КОНКУРСА
имени СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА*

Александр НИКИТУШКИН

РЯБИНОВЫЕ БУСЫ

ЛЕТО

Мне так хотелось в детстве,
В час рассвета
Найти в тумане
Солнце-колобок.
Поймать сачком
И спрятать в коробок
Лазоревое, трепетное лето.
Над степью высь бездонная качалась,
В густой траве
Коров доила мать,
И я молился, чтобы не кончалась
Бесхитростная эта благодать.

РУСАЛИМ

Алым солнцем опалим,
В предвесняном птичьем гаме,
Воспарил над синь-снегами
Град небесный Русалим.
Бела церковь на юру
Словно свечечка пылает,

Тихим светом согревает
Всех продрогших на миру.
Грустный ангел у крыльца
На жалеечке играет,
На обедню созывает
Устоявших до конца.
Возле церкви теремок,
Над трубой дымок клубится
Да порхает голубица,
Щиплет солнце-колобок.
Вьется бабочка-метель
По лесному бездорожью,
Выбивает Мать Божья
Сыну милому постель.
Синеок и русовлас,
По метельным хороводам,
По снегам, аки по водам,
В Русалим нисходит Спас.
— Сыне Божий, опаси, —
Богоматица поет, —
Уведи из тьмы до Рая
Заплутавших на Руси.

ВЗВОД

Прокололо солнышко тучи-облака,
Вьется путь-дороженька в поле, далека.
По-над полем топает наш пехотный взвод,
Тот, что весь ухлопали в сорок первый год.
Алые кольшатся
Крылья за спиной,
И не каждым слышится
Хор наш неземной.
Нам махнет убогая бабка у межи
Да танкист обожженный из села Ежи.
Поднятые в полночи кличем боевым,
Поспешим на помощь мы мертвые — к живым...
Сгрудилась за далями
Ратная гроза,
Что ж вы взоры впилили
В бесьи образа?
Что ж вы Русь, неверные, рвете на куски,
Да мутите скверною Божьи родники?
Или не заметили зверя у дверей,

А за ним несметные стаи упырей?
Не сомкнетесь в Роде вы,
Так в урочный срок,
Как скамейку, Родину
Выбьют из-под ног!
Хрип последний выпростав над больным леском,
В пустоте повиснете мертвым языком.
Выйдет ангел мщения из межмирных врат,
Запоет вечернюю, зазвонит в набат.
Боготканый, пламенный свод не устоит,
И язык тот каменный небо раскроит.
Слово Богоносное
К Богу изойдет,
И на землю звездами
Небо упадет!

* * *

Ирония судьбы: меня сюда не звали,
Но так уж суждено мне в эту дверь войти.
Я брел издалека, я странник на привале,
Продрогший на ветру и сбившийся с пути.

Так разведи очаг, возьми меня в ладони,
Не ангел я, но все ж несу благую весть.
Пока горит звезда на шатком небосклоне,
Укрой меня крылом, прими таким, как есть.

Не жди, пока судьба над нами посмеется,
За все мои грехи и колкости прости.
Люби меня, люби, покуда сердце бьется,
Омой мои ступни, пока я во плоти.

Печальные цветы к светилу тянут руки,
Но знать им не дано, что ждет их впереди...
Не дай же нам, Господь, нечаянной разлуки
Осыпь нас серебром и беды отведи.

ОСЕНЬ

Осень, холодный ручей,
Жизни безлистное древо.
Черные груши грачей
Падают в мертвое небо.

Вечер сиренево-ал.
В лужах лилового цвета,
Словно в осколках зеркал,
Тонет минувшее лето.
Времени мельничный круг
Нас поглощает, и снова
В муках шлифуется дух,
В муках рождается Слово.
Не унывай никогда!
Помни, к кресту припадая:
Жизнь не пирушка — страда...
Стоит ли жить не страдая?

СОН О ТАРУСЕ

Бродит осень по Тарусе,
В скверах листьями шурша,
Под невидимые гусли
Плачет девочка Душа.

Свет утраченного Рая
Льется в сердце серебром.
Бродит осень, подметая
Тротуары подолом.

Как по замкнутому кругу,
По Тарусе я бегу.
Я приехал в гости к другу,
А уехать не могу.

У Тарусы косы русы
Растрепались на ветру,
И рябиновые бусы
Пламенеют на юру.

Над березовою грустью,
Над мирскою суетой
В синем небе над Тарусой
Кружит ангел золотой.

Под таинственные хоры,
Под лиловый перезвон
Я гадаю: «Это город
Или мой волшебный сон?»

ЛЕСНОЙ ПОЛУСТАНОК

* * *

Лист кружит легко и плавно,
Лес прозрачный и пустой,
Словно храм Петра и Павла,
Синий, белый, золотой.
Словно сотни свечек ясных
С тихим трепетом горят,
Нынче в храме светлый праздник,
Теплый праздник сентября.
Позабыты грусть и драмы,
На моей легко душе,
Я брожу сегодня в храме,
Засыпающем уже.

* * *

Есть на свете лесной полустанок,
Поезда лишь минуту стоят.
Города неизвестные манят.
Зазывают в дорогу ребят.
Но сюда, где ветвистые ели,
Где березы шумят над рекой,
Где туман и кричат коростели,
Я вернусь из столицы любой.
В непролазные хмурые чащи
С лесником мы пойдем по грибы.
Этот край вспоминаю все чаще
На крутых поворотах судьбы.
Здесь, в таинственных древних отрогах
У замшелого старого пня,
Выходила тропа на дорогу,
Уводящую в юность меня.
Здесь сквозь вечную толщу земную
Пробиваются вверх родники,
И отсюда бегут, озоруя,
До ближайшей могучей реки.
Не мелеть ей отныне вовеки,
Не грустить меж своих берегов.
Ведь любые рождаются реки
Из лесных голубых родников.

Пусть гудят на реке теплоходы,
Пусть кричат, грохоча, поезда,
Под деревьев зеленые своды
Я вернусь непременно сюда.
Злата нет золотей листопада,
Сколько денег в казне ни держи,
Нет на свете дороже отрады
Для немного усталой души,
Чем густые ковры моховые,
Колоннада сосновых боров.
Как не мыслю себя без России,
Так не мыслю ее без лесов.

БАБУШКИНА СКАЗКА

Мне бабуля сказку рассказала,
Как в лесу Аленушка гуляла,
Заплутала, милая, устала,
В гости прямо к Лешему попала.
Был тот Леший страшный и ужасный,
С бородой лохматою седою,
Филин дико хохотал ушастый,
Жабы грязной брызгались водою.
И уже заплакала Аленка,
И уже простилась с белым светом,
Только Леший приютил ребенка
И помог ей дедовским советом.
Вывел прямо к дому на дорогу,
Подавал в руки туесок с грибами,
И сказал ей ласково, но строго:
«Больше в лес ты не ходи без мамы!»
Милая, любимая бабуля!
Жизнь — не сказка, на ночь не расскажешь,
Но тебя так помню и люблю я,
Знаю, внучке рукавички вяжешь.
Я слежу слегка усталым взором
Не за строчкой быстрою в тетрадке —
А за этим вязаным узором,
Словно говорящим: «Все в порядке».
Я отныне с бабушкиной сказкой
В лес и в жизнь ступаю без опаски.
Здравствуй, Леший! Выходи, разбойник!
В лес пришла я с чистою душою,
В лес пришла я с чистыми руками,

Не душилась терпкими духами,
Теплых губ не мазала помадой,
Мне сегодня этого не надо.
Снег скрипит под лыжами и плачет,
Где ты, Леший? Спишь, а не иначе!
Чуть озябла — варежки достала,
Рукавички бабушка вязала...

* * *

Осень играет светом
На золотой листве.
Осень играет с летом
В прятки в густой траве.
То затаится тихо
Где-то в болотной мгле,
То пронесется лихо
С посвистом по земле.
Станут прозрачным воздух,
Звонкими — голоса,
Шелком накроет пестрым
Трепетные леса.
Вдруг — замолчит уныло,
Стихнет, и много дней
Дождь бесконечный, стылый
Станет грустить о ней.
Вспыхнет рябина сладко
Инейной бахромой.
Осень играет в прятки —
Только уже с зимой.

* * *

Вам тоже нравится февраль?
Его разгульные метели,
Полей заснеженная даль,
И то насмешка, то печаль
В переговорах свиристелей?
Вам тоже нравятся снега?
Ночное завыванье вьюги,
В глуши, где царствует пурга,
И не ступала там нога
Ни зверя, ни врага, ни друга.
А нравится вам синь небес,

Промытых многодневной бурей,
Пылающий под солнцем лес,
Сиянье чистое окрест
Алмазом, золотом, лазурью?
Вам тоже нравится февраль,
В весну короткая дорога?
Не нравится? Мне очень жаль,
Вы потеряли в жизни много.

* * *

Меня крестили ранние метели,
Качали поднебесные леса,
И прямо в колыбель мою глядели
Икон Руси глубокие глаза.
Я выросла, и стало все иначе,
Стремительно летел к прогрессу век,
Казалось — я сама так много значу,
Я — самый важный в мире человек!
Я убегала в ночь на дискотеку,
А мать молитву мне шептала вслед.
Как глупо это в нашем новом веке!
Сказала бы: «О`кей» или «Привет»...
И я умчалась в города — учиться,
Я ей звонила — письма не для нас,
И все мне обещало получиться
Как лучше, и не завтра, а сейчас.
Дороги — без сомненья и тревоги,
А если слезы — вытру — и вперед!
А мама затихает на пороге,
И дочку в гости в выходные ждет.
Я веселилась, прыгала, смеялась,
Но никогда чужого не брала,
И милостыню нищим подавала,
И не желала за обиду зла.
Ведь все-таки права, наверно, мама,
Родные ночью снятся голоса,
И смотрят, смотрят на меня упрямо
Икон Руси глубокие глаза.

Алексей ШОРОХОВ

ОСЕННЕЕ СЧАСТЬЕ

* * *

Осень проходит,
и дни мои стали прозрачны.
Что-то роднит нас еще
с красотой неземною.
Вряд ли дела,
что казались нужны и удачны.
Может быть, небо,
пропахшее близкой зимою.

Может быть, родина...
Радость ее неотмирна!
Что-то последнее есть,
несравненное в этой равнине.
Что-то такое,
что хочешь ответить мирно
Всякому «здравствуй»...
Во веки веков и отныне!

ПОДРАНОК

Заревая птица, зарёванная,
Мокрая, худая и усталая,
Стрелянная, с болью под ребрами,
Лежишь на снегу подталом.

Окровавленная, о чем ты тоскуешь?
Птица ты моя, птаха.
Видно между такую уж
Тебе положила плаха.

А ты бы могла — да мгла ночи.
А ты бы летала — да выстрелы...
Теперь уже теплый пар домчит
Душу быстрее быстрого.

Птица ты моя озарённая —
Бездыханна и обморожена.
Лишь ветер шумит над клёнами,
И жизнь вместе с крыльями — сложена.

---

* * *

В.И. Славецкому

Когда о родине приходится молчать,
Чтоб не подставить и не сдать невольно,
И на устах не тронута печать
Любви великой и почти подпольной, —

Смири гордыню, странствуй по Руси!
Тебе откроются ее леса и люди.
Пока рубаху ветер парусит —
Никто твое молчанье не осудит.

Но в самый час отгаивать уста,
Когда наступит благодатная осень, —
От твоего нательного креста
Пахнет жильем и светлым шумом сосен!

* * *

В воздухе пахнет душицей и смертью,
Лермонтов пишет под сенью чинар.
Листья звенят тонкокованной медью,
Дремлет селение, бредит базар...

Муллы лопочут на ковриках пыльных,
Девушки манят библейской красой.
Круг офицеров — из бедных и ссыльных,
Грязные бабки, мальчишка босой.

Щелкает выстрел. Казаки играют...
Камни посыпались, горцы поют.
— Слышал, вчера адъютанта украли?
— Этот откупится, вряд ли убьют...

Жизнь замерла в оцепении тихом,
Шашка и та зеленеет в тиши.
Так, между схваток, и кажешься психом...
Боже, как хочется просто — души!

* * *

Вы знаете, как одинок верблюд!
В своем горбатом упоенье прозой.

А дождей еще нет. Полнолуние. И холод такой
Будто впрямь налегке Осень вырвалась конной разведкой.
Воды стали прозрачней, и в мире — какой-то покой
Средким ветром к утру и с птичьей погудкою редкой...
Это всё потому, что неделю уже — без нее.
Не поверишь, так грустно, что впору садиться на поезд.
Правда, лучше с рыбалкой. И рыба под вечер снует.
Так что будем ловить, понапрасну с судьбою не спорясь.
...Как ее проводил и не помню, должно быть, молчал.
В этих вечных размолвках с девической глупостью в ссоре
Даже миг расставанья, когда и вокзал — как причал:
Только волны да мы, и ночь обступает, как море.
И в остатки тепла завернувшись, садится в вагон
Твоя поздняя нежность, твой маленький глупый найденыш.
Что уж там за обиды — остался один перегон:
Дальше станция осень, и всё, и стоп-крана не дернешь.

ВИЗА В ПУЧИНУ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

США. ТОМАС СТЕНМАРК

Генерал принял их стоя и, глядя куда-то сквозь и поверх гостей, равнодушно отчеканил:

— Господа, вы поступаете в мое распоряжение, — и, бросив взгляд на старинные настенные часы, добавил: — Через три часа вам следует вылететь в Стокгольм.

С другой стороны стола склонился над картой немолодой майор, большой горбатый нос которого свисал вниз, как будто все годы вместе с хозяином усердно всматривался в оперативные сводки и документы. Маленькие влажные глаза его были вооружены очками.

Генерал указал на него и продолжал.

— Майор Вандер объяснит вам задание.

Тот оторвался от карты, внимательно разглядел каждого и картавым голосом пояснил:

— На Балтийском море затонуло одно судно. Ваша задача достать из потопленного корабля некий военный груз. Детали операции вам объяснят наши шведские и финские коллеги.

— На какой глубине лежит судно? — тут же задал вопрос Нортон.

— Приблизительно на глубине восьмидесяти метров. Это все, господа, — подытожил майор. — Сейчас вас отвезут в Пентагон, где

Продолжение. Начало в №1-2 за 2009 г.

ДОСЬЕ "МГ"

вы получите самое современное снаряжение для подводных работ, что поможет вам выполнить ответственное задание.

— Государственное задание, — подчеркнул генерал. — Все, господа! В Стокгольме вас встретят. Вы поступаете в распоряжение тамошней службы «KSI».

Томас вздрогнул — это была его контора.

— Господа, — впервые за всю беседу улыбнулся генерал, — я приглашаю вас на обед и предлагаю выпить за успешно выполненное государственное задание.

Звонок из Стокгольма застал Томаса у трапа самолета.

— Томас, — услышал он дрожащий голос жены, — должна сообщить тебе трагическую весть, — в аппарате возникла пауза, и он услышал всхлип, — погибла тетя Хелга...

— Как?! Когда?! — воскликнул он.

— Она возвращалась из Таллина на пароме «Эстония»... Паром потерпел аварию... Об этой трагедии говорит весь мир...

— Я в последние сутки не включал радио и не читал газет, — упавшим голосом констатировал он. — Возможно, еще найдут ее? Тетя неплохо плавает...

— Дай-то Бог, — выдохнула жена. — Пока сообщили, что из восьмисот пятидесяти пассажиров спасли всего лишь сто тридцать семь. — Будем надеяться на чудо...

— Я сегодня вылетаю в Стокгольм.

— Жду тебя.

Он поднимался на трап в каком-то оцепенении. Как только воздушная машина оторвалась от бетонки, он прильнул к окну. Друзья заметили резкую перемену в поведении коллеги.

— Неприятная весть? — тихо спросил Нортон.

— Да, — выдавил лейтенант, смахивая слезу. — Погибла тетя, которую я очень любил. Моя мать рано умерла, и она воспитала меня, как родного сына...

И чтобы не выдать своего состояния, он опять отвернулся к окну.

Небо набухало сырой тяжестью. И сквозь эту темную завесу уже ничего нельзя было разглядеть: ни солнца, ни самого неба — была огромная пустота, мутная и липкая, как сгусток горечи, шевелившийся в его душе. Он всматривался в темное месиво, словно пытаясь в этой вязкой трясине разглядеть таинственные знаки судьбы. Но вместо знаков судьбы перед глазами всплывало до боли знакомое лицо тети.

Внутри что-то вдруг надломилось, оборвалось, обнажив потаенную, но уже не способную отныне заглухнуть боль.

Премьер-министр Швеции Карл Бильдт.

Я встретился с этим человеком на легендарной шхуне «Васа», что красуется на набережной Страндвэген в Стокгольме. Но разговор наш был не об этом корабле, а о пароме «Эстония». Мой собеседник — некогда приближенный премьер-министра Швеции Карла Бильдта, который был главой правительства в памятном 1994 году, когда погибла «Эстония».

— Не кажется ли вам символичным, — начал я беседу, — что наш разговор происходит на этом легендарном трехмачтовом и 64-пушечном корабле, который ваши предки подняли со дна морского более трехсот лет назад и превратили в уникальный музей. А вот «Эстонию» по таинственным причинам не хотят поднимать, хоть об этом просит вся Европа.

— Разными путями они оказались на дне. «Васа» — боевой корабль и утонул, получив пробоину в морском сражении, а «Эстония» — гражданское судно, куда военным, согласно международным конвенциям, с оружием входить запрещено. Но военные нарушили табу, игнорируя международные правила, и по их вине погибли сотни гражданских пассажиров.

— Поднимать паром бояться, и на то есть причины?

— Совершенно верно.

— Прятать концы в воду начал тогдашний премьер-министр Швеции Карл Бильдт. Вы были рядом с ним, когда ему сообщили о трагедии?

— Да. Когда тонула «Эстония», мы пировали в государственной канцелярии Розенбад. Я находился рядом с премьером.

— По случаю чего состоялось пиршество?

— Наша партия проиграла выборы, и через пару недель ожидалась смена правительства.

— У господина Бильдта, потерявшего премьерское кресло, наверное, было подавленное состояние?

— Нет. Мы весело отмечали свое поражение, ибо всем были гарантированы солидные должности — Швеция не оставляет в стороне тех, кто однажды побывал у власти. Так что безработица никому не грозила, и у нас не было причин для огорчений.

— Во сколько премьеру сообщили о трагедии?

— Было половина второго ночи.

— Получается, что весть пришла через сорок минут после погружения парома в морскую пучину? Но премьер утверждал, что он об этом узнал лишь в три ночи?

— Видимо, у него на этот счет были свои соображения.

— Откуда пришло сообщение?

— Ему позвонили из нашей военной разведки — MVST.

— Каковы были действия главы государства в первые часы после трагедии?

— Он заявил, что информация о гибели парома «Эстония» не подлежит огласке. Сам же вместе с несколькими доверенными лицами заперся в одном из кабинетов канцелярии и до самого утра вел непрерывные разговоры с зарубежными персонами.

— Вы знаете, о чем он говорил? И почему с иностранцами?

— Все это время он говорил на английском языке. О чем? Мне не известно.

— Возможно, во время этих разговоров влиятельные собеседники подсказывали ему, какие именно надо принимать решения?

— Вполне возможно. На первом же публичном своем выступлении он старательно подчеркивал, что паром утонул по техническим причинам. Ему не следовало делать столь поспешный вывод.

— Понятно, — резюмировал я, — кто-то из-за рубежа был очень заинтересован скрыть истинные причины гибели парома и направить комиссию по ложному следу? А кто из шведов, после зарубежных телефонных переговоров, консультировал премьера в эти часы?

— Министр транспорта и коммуникаций Матс Одел со своими советниками. С их помощью премьер составил план действий по созданию аварийной комиссии, которая должна была выявить причины катастрофы.

— В полдень господин Бильдт срочно вылетел в Финляндию. С какой целью?

— В компании с советником МИД Ионасом Хафстрёмом и капитаном III ранга Эмилем Свенссоном из аналитической группы государственного совета Швеции Бильдт вылетел в Турку, чтобы встретиться там с главой правительства Финляндии Эско Ахо и эстонским премьером Мартом Лааром. Замечу, что эта их встреча происходила при закрытых дверях и носила секретный характер.

— Допускал ли премьер такую причину, как теракт?

— Подобные выводы он тут же отметал.

— Если вернуться к длительным телефонным переговорам премьера в первые часы после катастрофы, допускаете ли вы мысль, что главным советником стали представители Пентагона?

— К этому выводу пришли многие не только в моей стране, но и за рубежом.

Из бара он вышел в подавленном состоянии. В подозрительном, как ему показалось, взгляде незнакомца он успел прочитывать свой приговор. Возможно, успокоил себя матрос, все это я придумал. Когда тебя преследует страх, померещиться может всякое. Тем более, если ты не относишься к сословию героев...

В холле он остановился и посмотрел на себя в зеркало. Красная паутинка в глазах, лицо устало осунулось, губы слегка дрожали. Я слишком мнителен, решил он, надо прилечь отдохнуть. Он зашагал к лифту мимо широкой витрины магазина, за которой мелькали пассажиры с покупками в руках. Тина Мююр, увидев сквозь стекло поставщика товаров, жестом подозвала к себе. Ватрас вошел в просторный зал и направился к кассе.

— Сегодня люди с ума скакнули, — устало проговорила продавщица, — сметают с полок все. Как будто настал конец света! Питьевая вода закончилась. Тут, в накладной, одна цифра, а фактически ты мне завез на двадцать упаковок меньше. Как это понимать?

Ватрас удивленно посмотрел на продавщицу, но тут же вспомнил о поддоне, оставленном на автопалубе.

— Не волнуйся, Тина, — успокоил он, — эти упаковки лежат на нижней палубе. Сейчас привезу.

— Срочно! — поторопила продавщица. — Народ умирает от жажды

Ватрас заметил, что рядом с продавщицей, на полу, стоит объемистая дорожная сумка и сложенная куртка. Тина перехватила его взгляд и пояснила:

— Это сумка с моим барахлом.

— Почему здесь, а не в каюте? — удивленно спросил матрос.

— А ты что, не слышал разговоры в нашей мореходной семье?

— Какие разговоры?

— Витает слух, что всем членам экипажа следует быть готовым ко всяким непредвиденным обстоятельствам. Многие наши загодя сложили все необходимое в чемоданы и сумки, чтобы не терять время на сборы...

— На какие сборы? — все больше и больше удивлялся матрос

— Это в случае, если паром пойдет ко дну, — тараторила продавщица.

— Что ты мелешь?.. Учения, что ли, ожидаются? — не унился Калев

— Может быть, и учения. А, может, и по-настоящему. Если многие наши заранее собрали вещи — жди беды. Возможно,

---

все это плод корабельной фантазии, но дыма без огня не бывает. Так что береженого Бог бережет. — Она склонилась к уху собеседника и шепотом добавила: — Я еще в порту слышала разговор между нашим начальством и шведским инструктором о неполадках на пароме... Швед так и заявил, дескать, технических дефектов столько, что судно не имело право выходить в рейс.

— А что, минералки уже нет? — прервала их диалог пожилая женщина.

— Будет, мадам, через десять минут, — Тина дала знак собеседнику.

Ватрас заторопился к тележке.

Появление на автопалубе во время рейса кого-либо без специального разрешения было явным нарушением инструкции. Любое посещение тут же фиксировал электронный глазок, поэтому Калев поднялся на ходовую рубку и предупредил о своем визите в запретную зону. Получив «добро», пошел к лифту. У борта, на фоне грозовых туч, маячила фигура доктора. Заметив матроса, тот подошел к нему.

— Что-то меня тоска гнетет, — вздохнул Богданов.

— У меня тоже на душе беспокойно, — молвил Калев, и перед его глазами тут же промелькнуло желтое, словно печеное яблоко, лицо цыганки. Он потрянул головой и проговорил. — Некоторые члены экипажа ведут себя странно — вещи держат наготове, как будто ждут ЧП.

— Я в курсе. Меня тоже предупредили, но я не тороплюсь собирать вещи. Я — фаталист и верю в судьбу. Если предназначено кормить собственными потрохами стаи рыб, то согласись, личные вещи при этом не понадобятся.

— А если удастся спастись и окажитесь на плоту?

— Значит, Бог помог. На плоту и без вещей радостно будет. Впрочем, что-то мы с тобой, брат, мрачно настроены! Для поддержки духа и вправду стоит допить оставшийся в твоей каюте коньяк. Как ты на это смотришь?

— Положительно, — улыбнулся Ватрас.

— Тогда пойдем?

— Минут через пятнадцать, — замялся матрос. — Мне минералку надо доставить в магазин.

— Ладно. Дела закончатся — позвони. Я буду в своем кабинете.

Ватрас спустился на автопалубу и приступил к погрузке. Поначалу он не заметил, что одна упаковка была разорвана — видно, кто-то дегустировал минералку. Несколько бутылок выскользнули из дыры в целлофане и покатались по полу. Он стал торопливо собирать товар — трех бутылок не хвата-

---

ло. Огляделся, встал на корточки, заглянул под днище грузовика и увидел бутылки. Чертыхаясь, полез под прицеп, потянулся к находке, и в эту секунду услышал подозрительный шум, доносящийся со стороны лифта. Еще кто-то сюда пожаловал, мелькнуло в голове.

Дверь лифта открылась. Двое мужчин, переговариваясь вполголоса, вышли из кабинки и, озираясь по сторонам, направились вдоль борта. Это были посторонние люди. Один — невысокого росточка, широкоплечий, с накачанной, как у борца, шеей. Другой — повыше и с бритой головой. Они двигались бесшумно. Нетрудно было определить, что это представители криминального мира.

— Нас уже засекли, — крепыш кивнул на электронный глазок.

— Не дрейфь, — успокоил бритоголовый. — Шеф все уладил.

Они переговаривались на эстонском языке.

— Ты уверен, что наши фигуры не будут пестреть на записях?

— Говорю, уладил, — повысил голос напарник. — Где этот грузовик?

— Номер у меня записан, — крепыш торопливо достал из кармана клочок бумаги.

Чужаки медленно продвигались вдоль ряда грузовиков, выискивая нужную машину. Ватрас застыл, прячась за колесами и моля Бога, чтобы преступники его не заметили. Если обнаружат свидетеля, понимал он, смерти не миновать. Тут хоть разрывай глотку, моля о помощи, никто не услышит. Так что жизнь висит на волоске.

— Вот. Нашел! — воскликнул крепыш. — Номер сходится. Номера, между прочим, латвийские.

— Плюнь на номера, — недовольно проговорил напарник. — Доставай инструмент. Надо вскрыть двери, не оставляя следов.

— Понятно.

Этот треллер оказался почти рядом с укрытием Ватраса. Он прилип к полу и замер, как муравей, лихорадочно размышляя, что делать? Первым порывом было — выскочить из-под машины и бежать к лифту. «Стоп! Не паниковать! — пронеслось в голове. — Надо все тщательно обдумать!»

— Пломбу не повреди, — доносилось рядом. Каждое слово в пустом помещении, отраженное от низких металлических перегородок, слышалось четко и ясно.

— Не волнуйся, поставим такую же новую.

Раздался щелчок срываемой пломбы, и со скрипом открылись двери.

— Тут несколько сотен коробок. Пока все сфотографируем — паром до Стокгольма дойдет.

— Будем снимать по одной из разных размеров. Не сами коробки. А эмблемы на них.

— Какие именно? Тут много всего наляпано.

— Название изделий, даты, коды, номера, места изготовления...

Они поднялись в фуру, откуда уже доносились шелест картона, стук опускаемых коробок, вздохи, короткие комментарии. До Ватраса все доходило, словно сквозь воду. Он уже не слушал шушуканье бандитов, а мучительно размышлял, как отсюда незаметно исчезнуть, пока его не обнаружили. Бежать было два пути — лифт и дверь, ведущая к лестнице. Двери после загрузки обычно запирали. Значит, остается лифт. Пока те усердно перебирают груз, он мог незаметно пробраться к лифту и исчезнуть. Конечно, при условии, если ему удастся вовремя юркнуть в кабину и захлопнуть дверь... Но на каком этаже сейчас кабина? Пока она подойдет, незнакомцы могут обнаружить свидетеля и тогда... По телу Ватраса пробежали мурашки. Счетная вычислительная машинка в его мозгу, обработав все «за» и «против», предложила иную программу — смиренно лежать и уповать на судьбу. Надо быть фаталистом, как корабельный док. И тут он с ужасом вспомнил, что врач в любую секунду может позвонить и напомнить о визите. Дрожащими пальцами нащупал и выключил кнопку звонка.

Со стороны загадочного грузовика взрывались блики фотовспышек. Казалось, что в контейнере вели электросварочные работы. Если в первые минуты Калев находился в плену у страха и боялся пошевеливаться, то сейчас чувствовал, что напряжение постепенно спадает. Он опять мысленно возвратился к лифту, попытался встать, но не смог — невидимая нить привязала его к колесу. Остается лежать и ждать. Тем более укрытие надежное. Вряд ли они начнут заглядывать под грузовики.

Время тянулось медленно, лениво капая секундами. От застывшей позы у него онемело тело. Наконец, вспышки в контейнере прекратились. Незнакомцы спрыгнули на пол. Громко сомкнулись створки дверей и, через какое-то время раздался щелчок устанавливаемой пломбы.

— Ты уверен, что нас никто не заметил? — В голосе крепыша улавливалась тревога.

— Шеф все учел, — коротко резюмировал бритоголовый.

Они прошли рядом, и Калев вздрогнул, когда крепыш произнес:

— Минералка валяется.

Поднял бутылку, и вода забулькала в его гортани.

— Дай и мне глотнуть?

— Вон, еще одна бутылка около колеса.

Ватрас задержал дыхание и с ужасом созерцал, как в про свете между колесами, появилась дрожащая ладонь. Грубо ватые пальцы коснулись бутылки и ... она медленно покати лась по полу и остановилась у его ноги. Калев почувствовал, как ледяной обруч сжал сердечную мышцу.

— Хрен ее оттуда достанешь, — раздалось наверху.

— Возьми другую, — посоветовал крепыш. — Тут целый склад этой воды.

Они двинулись к поддону.

— Это довольно дорогая военная электроника, — заметил крепыш. — Куда ее везут?

— Не твоего ума дело. Меньше знаешь — дольше живешь.

— Согласен. Прихватим бутылки с собой.

— Лучше по упаковке. Хватит и на обратный путь.

Когда незнакомцы скрылись за дверью лифта, Ватрас почувствовал такую слабость, будто тело состояло из кусков ваты. Он перевернулся на спину и долго лежал, набираясь сил. Ему казалось, что преступники вот-вот могут вернуться. Он лежал минут десять и лишь потом выполз из-под машины и, пошатываясь, побрел к лифту. Увидел свою тележку, и стал грузить упаковки. Ноги и руки дрожали. Надо отвезти груз и тут же позвонить доктору. Единственный рецепт от всех волнений — срочно выпить, решил он и вызвал лифт.

В магазине посетителей не убавилось. Иностранцы закупа ли водку коробками. Люди шумели, смеялись, обсуждали цены. Обычная картина на любом пароме, следующем с восточной стороны Балтики к скандинавским берегам.

— Ты куда запропастился, — накинулась на него продавщица, но тут же осеклась, и, внимательно посмотрев на парня, настороженно спросила. — Чего это на тебе лица нет?

— Да так, — выдохнул Калев, чувствуя, как ручейки пота стекают по подбородку. — Просто устал. Пойду к себе в каюту. Если что — звони туда.

— Иди, родимый, отдохни, — закивала продавщица. — Мы тоже скоро закрываемся.

За витриной только что мерцала луна, и вот ее зашторили тяжелые облака. Наталкиваясь друг на друга, сцеплялись и разрывались свинцовые глыбы, проплывали над бушующим морем. Ватрас почему-то ждал грома и молнии, но вместо них вдруг услышал странный скрежет, и витрина поползла куда-то вверх. Мелькнуло испуганное лицо Тины и застывший в

глазах вопрос. В следующую секунду, как в фильме ужасов, она вместе с кассовым аппаратом стала сползать вниз, набирая скорость. Сумка устремилась за ней... Люди повалились друг на друга, сплетались телами и уже летели к противоположному борту... Арбузы и бананы, бутылки со спиртным, булочки и батоны, макароны и сахар, баночки икры и пачки масла, конфеты и сувенирные коробки — все падало вниз, мешаясь с людскими телами. И Калев понял, что это не сон, а сама реальность! Он понял, что это беда! Та самая беда, о которой предупреждали люди. Что права была цыганка, когда шарахнулась от него. Права была Тина, что заранее собрала вещи...

Он скользил вместе со своей тележкой. Что-то громоздкое задело его голову. В глазах замельтешили различные фигуры. Краски вспыхивали радужными пятнами, набегали друг на друга и распадались салютом цветистых искр...

Он приходит в себя и слышит, как вопли на разных языках и наречиях сплетаются в единый предсмертный хор.

Факт и комментарий

Я несколько раз приезжал в Таллин, чтобы встретиться с эстонским президентом Леннартом Мери, но визиты мои заканчивались безрезультатно. И только позже, когда он уже не возглавлял правительство, мне повезло. Он согласился ответить на пару вопросов лишь только потому, что наши пути на литературном поприще пересеклись. В советские времена репортерские тропы привели меня в Эстонию, где я собирал материал о ракетах «Фау». Там и случилась наша встреча в Доме писателей, о чем я сейчас напомнил экс-президенту. Сообщил и о том, что собираюсь написать книгу о пароме «Эстония».

Говорить на эту тему ему не хотелось, ибо это его незаживающая рана. Именно он, Леннарт Мери, возглавлял страну в день великой скорби. Он нес моральную ответственность за все, что тогда происходило в Эстонии.

— Изучая документы, связанные с расследованием катастрофы парома «Эстония», я нашел запись тогдашнего министра транспорта Анди Мейстера, где он пишет: «Я получил информацию от министра внутренних дел Хейки Арике. Он позвонил мне в час тридцать ночи и сообщил, что «Эстония» легла на правый борт. Скорее всего, пояснил Арике, на судне был взрыв. Он узнал об этом из первых рук». В связи с этим у меня возникает вопрос: почему главный полицейский страны получил сигнал из тонущего парома первым? И от

кого? Ведь по роду деятельности руководство корабля должно было доложить о проблемах своему министру, то есть Анди Мейстару?

— Эта информация всплывала в наших правительственных кругах, но комиссия, занимавшаяся расследованием причин катастрофы, не придавала этому факту особое значение.

— Создается впечатление, — не унимался я, — что главный полицейский Эстонии внимательно следил за рейсом, или некий груз сопровождал его человек?

— Почему бы вам не задать этот вопрос самому Арике?

— Физически это невозможно, — признался я. — Господин Арике нашего брата журналиста терпеть не может, и, как цепная собака, набрасывается на каждого, кто пытается взять у него интервью. Недавно он самым грубым образом «облаял» коллегу из Германии и ее переводчика.

— Хейки Арикае — человек своеобразный...

— Мне кажется, — усомнился я, — не своеобразие, а страх разоблачения вызывает у экс-министра поток грубости...

— Мне не хочется комментировать ваши слова.

— Свидетели утверждают, что тогдашний министр МВД имел особые виды на «Эстонию». Ведь именно он использовал все свое влияние, чтобы в 1993 году подписать разрешение на вывоз оружия и его поставку в третьи страны. Не секрет, что оружие обходными путями доставлялось в Чечню. Все это шло через компанию «Эстлайн» и на гражданском судне. Правительство Эстонии на это закрывало глаза. Если при погрузке военного товара возникали конфликтные ситуации, господин Арике самолично появлялся в порту, чтобы оказать давление на строптивых представителей таможенной службы, которые, возмущенные беспардонностью министра, даже в суд на него подали. Но, увы, судебное дело замяли...

— В те годы были проблемы с судопроизводством. Не хватало квалифицированных кадров.

— А главное — никто из чиновников ни за что не отвечал. Эйфория свободы и независимости диктует свои законы и устанавливает свои правила, вопреки общепринятым человеческим нормам цивилизованных стран.

— У молодого независимого государства были промашки, и этого никто не отрицает.

Факт и комментарий

Москва. Мы сидим в тенистой аллее Чистых прудов и вспоминаем девяностые годы. Мой собеседник — офицер Российской армии.

— В информационном листе «Доверительные сообщения» № 3394 от 20.02.2001 года я прочитал о том, что у эстонских служб безопасности имеются результаты опроса российских военных. Среди опрошенных были и вы?

— Да, представители эстонских спецслужб беседовали с нами. Их интересовали сведения, вызывающие серьезные опасения относительно груза, ушедшего вместе с паромом «Эстония» на дно.

— Какого груза?

— Они предполагали, что на пароме, наряду с частями ракет, могли быть изделия из урана, плутония и кобальта. Отправителями этого опасного груза, как мне известно из компетентных источников, могли быть различные ведомства России, а также отдельные лица этих ведомств, действовавших на собственный страх и риск.

— В какие страны шли эти грузы и по каким адресам?

— Никаких данных об адресатах грузов у эстонских спецслужб, как они утверждают, нет.

— В связи с этим особое беспокойство вызывает предполагаемая впервые в истории мореплавания идея захоронения останков погибших под бетонной оболочкой.

— Вы имеете в виду так называемый план Иохана Франсона?

— А что это за личность?

— При расследовании гибели «Эстония» в шведской морской администрации появился малоизвестный юрист по фамилии Франсон, который разразился идеями. Это он предложил программу по герметичному укрытию корпуса парома — построить бетонную конструкцию, которая в будущем полностью исключала бы проникновения кого-либо внутрь парома в целях проведения поисков и расследований. Он даже подсчитал, в какую сумму обойдется шведскому налогоплательщику эта подводная операция. В действительности же преследовалась вовсе не задача сохранения останков пассажиров, а другая цель — недопущения в Балтийском море радиоактивного заражения. На борту затонувшего судна вполне могут быть радиоактивные вещества.

— Не их ли долго и тщательно искали военные?

— Вполне может быть.

— В случае недостаточной защиты уже в скором времени можно ожидать рассеяния радиоактивных материалов в водах Балтики?

— Именно этого опасается шведское правительство.

— Мне остается добавить, что этого опасается весь балтийский регион...

Шведский журналист Свен Анер много лет занимался расследованием гибели парома. Это очень смелый и честный репортер, который умеет распутывать сложную преступную паутину.

— Вам удалось установить, что военные грузы, контрабандным путем доставленные на пароме «Эстония» в Стокгольм 14 и 21 сентября 1994 года, без проверки прошли таможенный контроль. Куда дальше отправились эти машины?

— В стокгольмский аэропорт Орланда, — рассказывает Свен Анер, — где их ждал самолет американских военно-воздушных сил. Итак, секретные грузы ушли за океан. С полной уверенностью могу заявить, что фура «Скания», заполненная аналогичным грузом, которую 28 сентября 1994 года опять же без проверки пропустили таможенники Эстонии, тоже должна была отправиться в аэропорт Орланда, где этот грузовик уже ждал американский военный самолет.

— Получается, что три машины, загруженные секретной российской военной электроникой, — как бы звенья одной цепи?

— Совершенно верно. 14 сентября благополучно прошел легковой автомобиль «Вольво», и отправители убедились, что контрабандный коридор работает нормально. 21 сентября беспрепятственно проскочил микроавтобус, а основной груз доставлялся в тот трагический день уже в огромном количестве на фуре.

— Известно ли вам, кто в Швеции стоял за этими перевозками?

— Специалисты предполагают, что за военными перевозками стоит служба KSI — самое секретное подразделение министерства обороны Швеции. Оно тесно сотрудничает с концерном ERICSSON и с дочерним его предприятием «АК-СЦЕС». И еще хочу заметить: английские водолазы за сотни тысяч долларов искали в 620-й каюте кейс. Что случилось с этим кейсом потом? В докладе парламентской комиссии он даже не упоминался. И ни слова о его содержимом. Все это очень мрачно.

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ. МАРТИН НИЛЬСЕН.

Паром погружался в морскую пучину, беспомощно вскинув к небу правый борт, охая и ворочаясь, как раненый зверь. Волны уже перекатывались через носовую часть корпуса, и на поверхности оставалась лишь корма. Пассажиров, кто не

успел схватиться за опору, волны со злобным шипеньем сметали с палубы...

Мартин застыл, прижимая ребенка к груди и пытаясь понять — кошмарный сон это или явь?

Люди с паническим криком, стоном, рычанием ползли к корме, скользили вниз и опять ползли туда, где белело сцепление резинового мостика, соединявшее корабль со спасательным плотом. Это было последнее спасательное средство, и люди, ожесточенно отталкивая друг друга, продирались к нему. Те, кому везло, перекатывались по склону и падали на днище платформы. У них появился шанс выжить.

Мартин очнулся и рванулся к плоту, но сердце его екнуло — головка мостика, только что торчавшая над бортом, исчезла! Он лихорадочно искал глазами место, откуда бы нырнуть и доплыть до уходящей платформы.

— Дядя Мартин, — лепетала девочка, — мы опоздали?

— Нет, дорогая, нет! — Он пытался улыбнуться. — Мы сейчас догоним плот. Обязательно догоним!

Он сбросил брюки, вытащил ремень, прикрепил им тельце девочки к своей груди и метнулся к борту. Заглянул вниз — волны шумно чмокали металлическую обшивку, словно прощались с кораблем, который из последних сил сопротивлялся притягательной мощи бездны. Рядом — то всплывали, то пропадали людские тела, и пучина засасывала их вместе с многотонным гигантским ковчегом.

— А мама там, на плоту? — девочка с надеждой смотрела на Мартина.

— Скорее всего, там, — он поцеловал ее в лобик и ласково проговорил. — Обними меня за шею крепко-крепко и не расцепляй свои руки. Договорились?

— Да, дядя Мартин, — прошептала она. — Я так и сделаю.

— А теперь закрой глазки, набери воздуха и сомкни губы. Сейчас мы полетим...

Он перекрестился и прыгнул в штормовую круговерть.

Студеная вода обожгла тело. Лишь бы она не простудилась, мелькнуло в голове, Боже, спаси ребенка! Он прогнулся и мощными гребками стал подниматься на поверхность. Кто-то пытался за него зацепиться, но Мартин ловко увернулся от протянутой руки и вынырнул на поверхность. До спасительного плота оставалось метров пятьдесят. Кролем Мартин мог бы быстро догнать его, но девочка... Поэтому он перевернулся на спину и размашисто заработал руками. Теперь ребенок лежал на груди, почти не касаясь холодной воды, и согревался теплом его тела. Краем глаза Мартин наблюдал за водой, откуда в любую секунду могла появиться чья-либо

рука, мертвой хваткой вцепиться в него и потянуть на дно. Сейчас часть мили между оседающим в бездну кораблем и спасательным плотом превратилась в арену ожесточенной битвы за жизнь. На войне, как на войне! Он тоже любому перегрызет глотку, кто попытается вцепиться. Когда на чашу весов брошена сама жизнь — стоит ли размышлять о душевной глухоте и нравственном падении? Инстинкт самосохранения берет свое.

А подружка профессора, вдруг вспомнил он, эта женщина в час пик проявила любовь к людям, сердечность, абсолютно не думая о себе! Она — верующая. Ей — небо велело!.. Я — из другого теста!

Разные мысли лезли в голову, пока он добирался до желанной цели. Это был самый страшный заплыв в его жизни. Крутые волны то приближали плот, то отбрасывали, как бы дразня пловца. Тренированное тело наливалось тяжестью, и когда он коснулся пальцами резинового круга, уже не было мочи взобраться. Навстречу потянулись руки и подхватили его обессиленное тело.

Мартин лежал на спине, закрыв глаза, и чувствовал, как кто-то расстегнул ремень и взял на руки девочку.

— Бедняжка, — слышит он, — воды нахлебалась.

— Вроде бы дышит. Точно, дышит!

— Реснички шевельнулись...

— Где я? — раздается знакомый голосок.

— Как тебя зовут, девочка?

— Инга.

— Все нормально, Инга. И папа твой здесь. Вон он лежит.

— У меня нет папы. Он разбился на машине.

— А кто этот мужчина, с которым ты плыла?

— Да какая разница! — прерывает сердитый голос. — Она вся дрожит. Надо срочно переодеть!

Мартин не может расцепить веки, свинцовая тяжесть придавила его к днищу. Он молча благодарит тех, кто хлопочет вокруг нее.

— Возьмите мою куртку, — предлагает женщина. — Закутайте девочку.

— Вы окоченеете на холодном ветру! — тревожится мужчина.

— Ничего. Главное, мы из воды выбрались, а там, как Бог решит, — то ли потонем, то ли замерзнем, то ли дождемся спасателей.

— Как вам удалось с вещами оказаться здесь! — возмущается кто-то. — Кто вас предупредил? Я не успел ничего взять из каюты. Почему одних предупредили, а других нет?

Где же справедливость! Обязательно пожалею президенту компании «Эстлайн» и компенсацию потребую!..

— Выживи вначале! — зло хрипит кто-то...

Мартин пришел в себя, приподнялся и посмотрел на девочку. Увидев спасителя, она попыталась улыбнуться.

— Видишь, Инга, — пролепетал он. — Мы догнали плот.

— А где мама? Она не может утонуть, потому что хорошо плавает.

Мартин смотрел по сторонам, не зная, что ответить.

— Найдется, найдется твоя мама, — успокоила незнакомка. — Все будет хорошо...

Море бесновалось, разражаясь грохотом, осыпая пассажиров холодными брызгами и белой пеной... Вынырнула луна, заливая мертвым светом округу, как бы любясь трагедией. Девочка, которая беспокойно смотрела по сторонам, вдруг дернулась и закричала:

— Вон моя мама! Вон, вон ее голова...

Метрах в десяти от плота, Мартин увидел голову, которая — то поднималась на гребень волны, то исчезала. Видно было, что женщина плывет из последних сил.

— Господин Мартин, спасите ее... Пожалуйста! — стонала девочка.

Он, не раздумывая, нырнул в пучину, и устремился туда, где над водой поднималась и исчезала рука. Когда подплыл к предполагаемому месту, женщины на поверхности уже не было. Мартин набрал воздуха и нырнул под воду. Там была крошечная тьма, и он интуитивно пытался нащупать тело, но тщетны были его потуги. От нехватки кислорода пульсировало в голове, перед глазами поплыли красные круги. Он рванулся вверх и на кого-то натолкнулся, интуитивно нащупал волосы и потянул за забой.

На поверхности женщина судорожно глотнула воздух и кивнула ему в знак благодарности. Кто-то вынырнул рядом, пытаясь ухватиться за ее платье, но Мартин оттолкнул его, понимая, что двух человек ему не спасти. Обернулся — это был профессор.

— Сейчас я не могу вам помочь, — выкрикнул Мартин. — Но, клянусь, я доставлю эту женщину на плот и вернусь за вами. Держитесь!

— Помогите ему, — протянула женщина дрожащим голосом. — Я сама доберусь.

Мартин ринулся к профессору, схватил за руку и с тяжелой ношей поплыл к плоту. Взобравшись на платформу, он без сил опустился на днище и закрыл глаза. Затем, уже у самой границы яви и сна, услышал эстонскую речь. Двое муж-

---

чин переговаривались между собой. Судя по всему, это были члены экипажа парома.

— Я в это время находился на первой палубе, — слышался молодой голос, — и своими глазами видел, как через отверстия вентиляционных труб под мощным давлением струились фонтаны. Так бывает, когда в корпус судна проникает забортная вода! А она проникает только в том случае, когда на днище появляется пробоина.

— Получается, что какое-то судно нас протаранило?! — вопрошал басовитым голосом сосед. — Возможно, подводная лодка?

— Трудно сказать, — усомнился первый. — Пробоина могла появиться и от взрыва. Я точно слышал грохот где-то на нижней палубе.

— Почему сразу же не поступило сообщение об аварии? Корабль уже пошел на крен, и никаких сигналов тревоги.

— Если честно, то офицеры вели себя странно. Где был капитан Андерсон?

— Пил водку. Около часа ночи я его видел в ресторане. За его столиком сидели шведские лоцманы. Когда судно трянуло, капитан побледнел, вскочил на ноги и убежал...

Разговор матросов заинтересовал Мартина. Выяснились детали катастрофы.

— На корабле творилось черт знает что. Старший офицер приказал мне включить лифт и доставить грузчика на автомобильную палубу, чтобы тот взял минеральную воду. Я оставил его в автосалоне и попросил позвонить мне, когда загрузится. Я уже было позабыл о нем, когда тот позвонил. Вошел в кабину лифта бледный, как полотно, губы трясутся. И сообщает мне, что двое подозрительных мужиков тайно проникли на эту палубу через дверь и вскрыли фуру.

— Но ведь двери автопалубы заблокированы! Как они могли туда попасть? Без особого разрешения туда никто не имел права войти.

— Я тоже об этом подумал и пошел в администраторскую. Спрашиваю у дежурной: кто с дистанционного пульта открыл дверь автомобильной палубы? Та растерянно повела плечами и пролепетала, что новенькая и всех членов экипажа в лицо не знает. Подходил кто-то из офицеров.

— Не допускаешь ли ты мысль, что эту незнакомку специально взяли в рейс и посадили у пульта, чтобы с ее помощью проникнуть в закрытую зону и заложить там взрывчатку.

— У преступников, как мне сообщил матрос Ватрас, была иная цель — они вскрыли дверь какой-то фуры и фотографировали груз.

— Возможно, из-за этого груза потопили судно? Могли не только фотографировать, но и оставить взрывчатку.

— Всякое может быть, — вздохнул собеседник. — Если и заложили взрывчатку, то на нижнем ярусе. Я своими глазами видел на мониторе, как вода хлестала по обоим краям въездной рампы автопалубы...

— Значит, пробоина была ниже. Я опять склоняюсь к мысли, что нас пропорола подводная лодка.

— Скорее всего, был взрыв. Я сейчас вспоминаю, как инженер Силласте столкнулся со мной, и тревожно выкрикнул: «Где-то гроыхнуло!»

— Я все думаю о том, как быстро наш паром пошел ко дну. За каких-то полчаса...

— Согласен. Все в этом рейсе было странным. Вышли с опозданием. Какую-то фуру ждали. Потом подозрительные люди проникли на автопалубу...

— А тот самолет? Он прилетел со стороны нашего берега.

— Какой самолет?

— Ты не заметил? С востока появился небольшой самолет, облетел несколько раз вокруг тонущего судна и удалился. Это был эстонский самолет.

— Я не заметил. А вот катер видел. Слышу рокот двигателя, поднимаю голову, радуясь, что помощь пришла, но тут же огорчился — катер стремительно уходил от тонущего парома. Множество пловцов махали руками, зывали о помощи, но команда на катере вела себя странно, не подобрав ни одного пассажира.

— Вот сволочи, — прохрипел парень, — спасали лишь себя.

Разговор моряков прервался. К Мартину подполз профессор и, размазывая слезы, сдавленно выдохнул:

— Вся жизнь моя любимая Ани была верна Богу и, как видите, в час испытаний выполняла заповедь — помоги ближнему. Вы, Мартин, свидетель, она помогала всем.

— Да, профессор. Я восхищаюсь этой женщиной. Почему вы думаете, что она погибла?

Профессор тяжелым взглядом вцепился в Мартина и с рыданьем проговорил:

— Мы почти выбрались наверх, а паром стал переворачиваться... Какой-то мужчина упал и повис на краю шахты. Ани протянула ему руку и... оба сорвались вниз. До последней секунды она помогала другим, не заботясь о себе... И погибла! Видимо, так было угодно Всевышнему. Человек рано или поздно приходит к мысли, что его собственная жизнь, окружающий мир подчинены каким-то раз и навсегда данным закономерностям, многие из которых выше его понима-

---

ния. И в силу этого человек ищет символ всему непонятному и непознанному. Таким символом, соединяющим в себе как созидающие, так и разрушающие начала, для человека во все времена становился Бог. Но Бог как стержень Мироздания приходит в сознание людей всегда через какие-то вероисповедания, через религию, через учения, каноны и заповеди пророков — основоположников этих религий...

Хрип в его провалых губах смешивался с едва членораздельным бредом, в пестрой мозаике которого постепенно стирался какой-либо смысл. Мартин подумал, что у профессора помутился разум. Тот на время умолк, а потом с вызовом вздернул голову, отчего кожа на его посиневшем лице напряглась и вытянулась. И столько мольбы и горя сквозило в его глазах, что Мартин попытался взбодрить его теплым словом.

— Таким людям, как Анна, Бог помогает. Возможно, она жива.

Факт и комментарий

Валерий Тер-Оганесов, главный редактор латвийского бизнес-журнала «Карьера».

Наша беседа проходит в его кабинете на улице Элизабетес в Риге. Мы много лет знаем друг друга — работали вместе на латвийском радио, создавали различные общественные организации, поэтому разговор наш получился откровенным.

— Эстонские журналисты сказали мне, что ты приезжал в Таллин и интересовался паромом «Эстония»?

— Было такое.

— Чего это вдруг тебя потянуло к этой многострадальной теме?

— Один бизнесмен, у которого на этом пароме утонула любимая женщина, попросил меня написать критический материал о международной комиссии, которая занимается расследованием причин гибели парома. Он утверждал, что некоторые члены этой комиссии были заинтересованными лицами и делали все, чтобы правда никогда не всплыла. Заказчик обещал мне выплатить солидный гонорар за публикацию, выдал командировочные, и я отправился в Эстонию для сбора материала. В Таллине знакомый коллега посоветовал не заниматься этой темой, ибо те, кто интересовался гибелью парома, попросту исчезали. Бесследно пропали и тринадцать членов экипажа, спасенных и благополучно доставленных на берег. Когда мне показали фотографию человека, со множеством ножевых ранений на шее, я понял, что тема, действительно, смертельно опасная.

— И сколько ты пробыл в Таллине?

— Утром приехал, вечером уехал. Вернулся в Ригу, объяснил заказчику причину отказа заниматься этой темой. Тот все понял.

— Но вернемся к началу разговора, — попросил я коллегу, — кого из членов комиссии имел в виду бизнесмен?

— Я уж не помню. — Он открыл ящик стола, долго в нем копался, достал лист бумаги и протянул мне. — Эту шпаргалку дал бизнесмен. Тут кое-какие фамилии. Я не стал с этими типами встречаться, выяснять их должности, степень вины и их причастность к гибели парома «Эстония»...

— Юкка Хэккмис, — читал я и вслух комментировал. — Этот человек представлял в комиссии Финляндию. Скорее всего, он попал туда по ошибке. Возможно, его специально включили, чтобы компании «Эстлайн» знать, о чем рассказывают свидетели. Дело в том, что именно Юкка Хэккмис изготовил для парома «Эстония» фальшивые сертификаты, позволяющие судну курсировать между Таллином и Стокгольмом.

— А какую должность он занимает?

— Он работает в отделе инспекции судов финской национальной морской администрации. Другой член комиссии — Калле Педак, — продолжал я. — В Эстонии возглавляет ведомство безопасности мореплавания. Кстати, за день до катастрофы именно он был ответственным за выход судна в море. То есть, полностью отвечал за техническое состояние парома. Сам председатель комиссии эстонский министр транспорта Анди Мейстер, — член совета управляющих компании «Эстлайн». Как мне удалось выяснить, именно эта компания была совладельцем парома «Эстония». Конечно же, он всеми правдами и неправдами защищал интересы фирмы, где получал солидную зарплату.

— Это не международная комиссия, — воскликнул коллега, — а содружество нечистоплотных людей. Об этом знал бизнесмен, который хотел предать огласке, как выражаются юристы, предвзятость.

— Не только твой знакомый бизнесмен. Об этом знали многие юристы, представители прессы, даже члены шведского парламента.

— Так почему же не разогнали эту малину?

— Какие-то очень крупные силы делали все, чтобы скрыть истинные причины гибели парома. И для этой цели вкладывались огромные деньги... Но продолжим анализ. Энн Нейдере работает руководителем службы безопасности компании «Эстлайн», а Стен Андерссон является ведущим чиновни-

---

ком Шведской национальной морской администрации, то есть представляет то ведомство, которое было ответственно за проверку готовности судна к выходу в море. Теперь представь себе поведение этих членов комиссии во время допроса свидетелей?! Какие они могут задавать вопросы и как подводить к нужным ответам членов экипажа, когда мореходы видят перед собой своих прямых начальников?

— Мой тебе совет, дружище. Если хочешь спокойно жить, никому об этом не рассказывай.

— Спасибо за доброе слово, — молвил я. — Тут есть над чем подумать.

ФИНЛЯНДИЯ. 29.10. КАЛЕВ ВАТРАС

Под тройным одеялом он чувствует себя, словно мышшь в мокром кисете. Кажется, прямо-таки исходит водой, но во рту сухо и горько. Раздвигает шерстяной слой и высовывает голову — сквозь стерильно-белые разводья вырисовывается знакомое лицо. На соседней койке, скрестив ноги, сидит матрос Сильвар Линде и листает газету.

— Как чувствуешь себя? — интересуется он.

— Знобит, — отстукивая зубами дробь, роняет Калев. — Согреться никак не могу.

— Это от переохлаждения. Поэтому тебя и закутали в одеяла.

— В каком мы городе? — вытирая полотенцем потное лицо, спрашивает Ватрас.

— В Турку. Сюда нас доставили финские спасатели.

Коллега откладывает в сторону газету, внимательно смотрит на соседа и, тяжело вздохнув, добавляет:

— Ты хоть спишь, как сурок. А я уснуть не могу. Едва вздремну — кошмары снятся...

— Вот и я, — признается Калев, — вижу один и тот же сон: нескончаемую вереницу холодных волн. Они врывается в меня, и тело мое будто льдом покрывается...

— Это пройдет, — успокаивает collega и кивает на газетные снимки. — Смотри, сколько трупов выловлено в воде. И все они с нашего парома. Как пишут в газете, спаслось всего лишь сто человек. А ведь на судне было более тысячи пассажиров!

Калев смотрит на страшные фотографии, и приятное тепло разливается по телу от мысли, что он выжил и сейчас находится в больничной палате. Какое счастье сознавать, что ты спасен и тебе уже ничто не угрожает.

— Нам повезло! — шепчет он.

— Еще как повезло, — восклицает Линде. — Ни травм, ни переломов. Врачи зафиксировали лишь переохлаждение тела. Счастливики мы с тобой...

— Действительно, счастливики, — соглашается Калев, и улыбка сползает с его лица. — А что случилось с паромом? Ты ведь на вахте был в это время и в курсе дела?

— Да, я был на вахте. Что произошло, до сих пор понять не могу. Около часа ночи, а точнее в 0.45, я зашел в бар «Адмиралтейский» и услышал резкие звуки. Через пару минут они повторились. Корабль трясло. Меня по радиации срочно вызвали на ходовую рубку. Там получил приказ: спуститься на автомобильную палубу и посмотреть, что там делается. Я внимательно все проверил — воды там не было. Доложил об этом начальству.

— А зачем они тебя гоняли? — удивился Калев. — Ведь все, что творится на автопалубе, капитан и вахтенные офицеры могли увидеть на контрольном мониторе ходовой рубки?

— То-то и оно, — задумчиво проговорил Линде. — В эту ночь по непонятным причинам монитор там не работал. Я продолжал обход судна и натолкнулся на полуголого пассажира. Он сообщил, что занимает каюту номер 1096, и что вода там уже достигла уровня кровати. Я тут же доложил об этом начальству. Потом начался крен...

— Я в это время был в магазине, — вспоминает Калев. — Там творилось невероятное... Почему сразу тревогу не объявляли? Кто из офицеров нес вахту?

— Торми Эйнсалу и Каимар Кикас. Они не знали в чем причина крена! Говорили, что проблемы в автосалоне, но я своими глазами видел, что там воды не было. Мне приказали еще раз спуститься туда и посмотреть, хорошо ли закрыт визир и в порядке ли носовая аппарель... Приказали отправиться туда вместе с боцманом Вело Рубеном, который отвечает за состояние визира. Но я не нашел боцмана и отправился один. Удары были мощными и резкими, и сотрясение корпуса было столь сильным, что я с трудом удерживался на ногах...

Он умолк, закрыл глаза, как бы еще раз мысленно анализируя свой поход, и через минуту продолжил:

— Я проверил сигнальные лампы фиксации запорного устройства. Горели только зеленые лампы, и ничего необычного там не было... А начальство настоятельно требовало искать причины ЧП в автосалоне. До сих пор не могу понять, почему они гоняли меня именно туда...

В палату вошла дежурная сестра и предупредила:

— После обеда придет представитель полиции. Будьте на месте!

— Будем, — заверил Линде.

— Эта финка без акцента говорит на эстонском, — удивился Калев.

— Она не финка, а наша соотечественница, которая проходит практику в этой больнице, — пояснил коллега, надел халат и направился к двери.

— Пойду, поищу наших, — бросил у порога. — Доктор сказал, что сюда доставили людей из экипажа утонувшего парома.

Калев остался один, захотелось спать. Сквозь дрему, он почувствовал, как в палату вошли медсестра и доктор. Они о чем-то говорят. Калев не все понимает, пытаюсь уловить суть диалога.

— Как он? — слышится мужской голос.

— Я укутала его в теплые одеяла, — приятным тенорком, отвечает сестра.

— За ним из Швеции выслали вертолет.

— У него постельный режим. — В голосе дежурной сестры улавливались тревожные нотки.

— Мне все это не нравится, — сетует доктор, — к чему такая спешка? Вроде бы не офицер, отвечающий за судно, а обычный матрос. А тут — персональный вертолет из соседнего государства. Ничего не понимаю.

— Значит, готовить к отправке? — вопрошает сестра.

— А что остается делать, если поступило указание свыше.

Слова, будто сухие листья, шуршат у его уха. Он пытается переварить диалог медиков и интуитивно ощущает опасность. Потом успокаивается и вновь засыпает.

Где-то звучит чужая речь. Ему противен этот тихий, вкрадчивый голос. Ватрас раздирает веки, высовывает голову из-под одеяла и видит перед собой мясистое, словно наспех вылепленное из глины, лицо над белым халатом.

Врач местной больницы внимательно слушал гостя, и Калев читает на его лице удивление. Говорили на финском языке, поэтому он не понимал, что от него хочет заезжий медик. Наконец, в кабинет вошла знакомая медсестра.

— Вас переводят в стокгольмскую больницу, — пояснила она.

— Сильвара Линде тоже? — он кивает на соседнюю койку.

— Нет. Только вас.

— С чего это вдруг? — удивленно спросил Калев.

— За вами прислали вертолет, — продолжала соотечественница. — Мы передаем вас коллеге из Швеции.

Гость опять заговорил противным голосом. Этот голос обволакивал матроса, и он чувствует, как задыхается в нем,

---

словно в густой и топкой паутине. Он глядит на мясистое лицо, и ощущает тревогу, которая с каждой секундой увеличивалась.

— Может, мне все-таки объяснит этот господин, — Калев повернулся к переводчице, — с какой целью меня увозят в Швецию?

С губ незваного гостя полились слова, которые натыкались друг на друга, превращаясь в переливчатое жужжание.

— Если честно, — прошептала эстонка, — я так и не могу понять, с какой целью вас переводят в другую больницу. Шведский врач говорит много, избегая всякой конкретики. Он ссылается на официальные документы, согласно которым, обязан забрать вас и доставить в стокгольмскую клинику.

Швед посмотрел на часы, и что-то произнес, направляясь к порогу.

— Вертолет ждет, — перевела медсестра. — Больничная машина довезет вас до стартовой площадки.

Ватрас скосил взгляд в сторону коридора. Приезжий санитар стоял к нему в профиль, привалившись к стене плечом. Он был высок, мускулист, с квадратным подбородком.

В машине ехали молча. Врач и санитар с полным безразличием смотрели в окно, даже не удостоив за всю дорогу пациента взглядом. Все изменилось в кабине вертолета. Как показалось Калеву, лица сопровождающих настолько преобразились, что создавалось впечатление, что это были другие люди.

Зазвенели винты, завибрировала обшивка, санитар сел рядом и отвернулся к окну.

Они летели вдоль берега моря, внизу мелькали белесые гривы волн. Калев взглянул на море, и в водной паутине вдруг всплыло лицо цыганки, которая смотрела на него и покачивала головой.

Далее все происходило, как в кошмарном сне. Его завели в заброшенное помещение, задавали вопросы на эстонском языке и беспощадно били. Очухавшись, Калев в ярости схватил стул и обрушил на голову санитара, столь же твердую, как и его кулак.

...Он не имел понятия, сколько времени прошло и что было с ним перед тем, как пришел в себя. Если это дикая боль — жизнь, мелькнуло в голове, то жить не стоит. В комнате очень холодно и здорово дует. Проходит немало времени, прежде чем он открывает глаза и видит, что лежит на холодном полу, а рядом стоит тот самый тип, который у капитанского мостика опускал мешки в люк и напряженный взгляд которого он уловил в корабельном баре.

— Беднягу просто превратили в отбивную котлету, — будто сквозь сон слышит он высоко над собой противный голос врача, который вдруг заговорил на эстонском языке.

— Ему теперь одна дорога — в морг, — констатировал санитар тоже на эстонском. — У меня создается впечатление, что он, действительно, ничего не видел и ничего не знает. И мы зря его пытаем.

— Еще как видел! — рычит контрабандист. — Он видел, как мы разгружали товар. И капитанский мостик видел, и люк, куда прятали товар. Приподними его! Я провентилирую его память... Получай, гнида! Так кому же ты рассказал о том, что видел? — захлебывается слюной контрабандист. — Кто тебя послал? Кто велел следить за нами?..

Калев с трудом качнул головой.

— Решил молчать? Получай! — рычит контрабандист, и ударом ноги отправляет его в темноту.

...В голове нескончаемое жужжание, а глаза, будто ваксой смазаны. Темнота еще гуще и чернее, чем прежде. Она такая липкая, что матросу уже не выплыть на поверхность.

— Шеф, — звучит голос санитара, — неплохо было бы перекурить. И выпить тоже.

— Валяйте, — решает тот.

Калев приходит в себя и оглядывается. В запыленном стекле окна клубится свет уличного фонаря. Тусклые лучи кажутся ему огромными щупальцами отвратительного паука. Они неумолимо тянутся к нему, чтобы обхватить и раздавить обессиленное тело. Вновь скрипнула дверь, и послышался голос доктора.

— Хватит с ним возиться! Тащите в машину.

Он с кем-то связывается по мобильному телефону и бросает в трубку.

— Через двадцать минут мы будем у вертолета.

Прячет аппарат в карман и кивает санитару. Сильные руки без особого усилия берут его в охапку, точно вязанку дров, и куда-то несут. Только дрова бесчувственны, а он от тряски снова теряет сознание в грубом объятии незнакомца.

Дальнейшие его ощущения представляли собой некое чередование мрака и света, причем минуты мрака куда были желаннее: они несли забвение, в то время как минуты света полны жгучей боли. Единственное свидетельство того, что он еще жив, — страдание. Откуда-то издалека доносится противный голос человека в белом халате.

— Грузите его в вертолет.

Опять дребезжание винта. Последнее, что он уловил краем глаза, — блеск ножа в руках санитара. Потом? Потом ощу-

---

тил острую боль над плечом... Потом его куда-то уносило, и он продолжал жить только малой своей частью — мозгом, считая удары ножа и ощущая пульсирующую струю своей собственной крови. Ему стало ясно, почему его увезли из больницы!.. Увезли, чтобы убить! Внизу колыхались волны. Он вдруг ощутил себя мухой, раздавленной на огромной зеркальной поверхности моря. И вдруг страшная мысль — это твой последний час на этом свете — опрокидывает его в головокружительное ничто.

Осеннее небо качнулось и сплющилось у него в глазах в каменный монолит, навалившийся ему на плечи всей тяжестью своего вечного холода...

Факт и комментарий

Журналистский поиск привел меня в финский город Турку. Звоню в местную больницу и, через переводчика, задаю несколько вопросов главному терапевту клиники Атти Ярскалайнен.

— К вам, после катастрофы парома, привезли гражданина Эстонии матроса Калева Ватраса?

— Был такой пациент, — после долгой паузы отвечает врач. — Но мы его переправили в Швецию.

— На каком основании?

— По требованию специальной комиссии, созданной по случаю трагедии. Именно такой документ мне предъявил шведский коллега.

— Знаете ли вы о том, что этого пациента убили и выбросили на финское побережье?

— Я читал об этом в газетах. Очень сожалею.

— Перед тем, как убить, его чудовищно пытали. Получается, что матроса у вас забрали не коллеги, а элементарные бандиты либо агенты спецслужб?

— Хммм... Нет слов.

— Господин Ярскалайнен, вы ведь не станете опровергать тот факт, что Калев Ватрас был спасен и доставлен в вашу больницу?

— Нет. Это было зафиксировано документально.

— Почему же тогда государственные структуры вашей страны сфабриковали ложный факт, цитирую, «...смерть наступила от утопления и гипотермии». Так зафиксировано в свидетельстве о смерти, выданном финской судебной-медицинской экспертизой.

— Я не несу ответственность за официальные структуры.

— Калев Ватрас был в списках спасенных, а потом его вычеркнули оттуда, и он вдруг оказался утопленником, труп

которого якобы прибило к берегам Финляндии. Удивительная метаморфоза!.. Представьте, каково родственникам погибшего?

— Очень сожалею. Но наша больница к этому инциденту не имеет никакого отношения. Те, кто его увез, были из Швеции. Они предъявили официальные документы.

Факт и комментарий

Историю гибели своего мужа Рут Ватрас поведала журналистам. Появилось множество публикаций, которые пролили свет на эту таинственную историю, вызывая неординарную реакцию у тех государственных мужей, которые скрывали правду. Отважную женщину пытались запугать — ей стали звонить по телефону и угрожать расправой, если она и дальше будет откровенничать. Но она продолжала встречаться с журналистами.

— Когда прозвучало сообщение о гибели парома «Эстония», я тут же позвонила в таллинскую больницу для моряков, — рассказывает Рут Ватрас. — Ваш муж жив, успокоили меня, и находится в клинике финского города Турку. Я попросила адрес и тут же выехала в Финляндию. Там мне сообщили, что мужа перевели в шведскую больницу. Я успокоилась и вернулась домой. И здесь по телефону мне сообщили, что Калев утонул, и его труп обнаружили на финском побережье.

— Как выглядел ваш муж?

— Крышку гроба открыл мой брат. Он взглянул — и глазам не поверил. Казалось, что в гробу лежал другой человек — настолько был изувечен труп. Поначалу брат мне ничего не сказал, чтобы избавить от лишних страданий. Позже, признался, что тело в гробу не имеет ничего общего с фотографией, полученной от полиции Финляндии. В этом я убедилась, когда в церковной капелле приподняла крышку гроба.

— И что же вы обнаружили?

— Когда я внимательно рассмотрела, обнаружила на теле многочисленные колотые раны. На лице — кровоподтеки. С уверенностью могу сказать, что его перед смертью пытали и били.

— Были ли следы побоев указаны в свидетельстве о смерти, выданном финским судебным экспертом?

— Нет. Там было лишь сказано, что смерть наступила от утопления и гипотермии.

— Куда вы обратились, чтобы разоблачить эту фальсификацию?

— Я перевезла гроб домой, вызвала профессионального фотографа, чтобы зафиксировать следы побоев. Потом эти

снимки показала специалисту из судебно-медицинской экспертизы. Повреждения на теле моего мужа он квалифицировал как последствия насильственных действий от ударов и колотых ран. Эту информацию я предоставила представителям прессы.

— И какой резонанс они вызвали у государственных служб Финляндии, где фабриковалось фальшивое свидетельство о смерти?

— Когда появились материалы в прессе, я обратилась к финским властям за разъяснением. Пришло повторное свидетельство, в котором было указано, что муж утонул 28 сентября 1994 года. Здесь уже перечислялись внутренние и внешние повреждения, но не было приложения протокола, ни каких-либо других документов. Например, куда было доставлено тело покойника после его обнаружения на берегу, фамилии экспертов, которые обнаружили повреждения на теле и т.д. Я вновь сделала запрос в Финляндию. Пришел невразумительный ответ, где многочисленные раны и ушибы объяснялись ударами об острые рифы, прежде чем тело оказалось на берегу.

— Вас удовлетворило подобное заключение?

— Нет. Эстонские специалисты объяснили, что при ударах о рифы повреждения выглядят иначе.

— Я читал в какой-то газете о следах крови на одежде вашего мужа?

— Мне выслали одежду мужа — светлую безрукавку и брюки. На воротнике и брюках я обнаружила следы крови. Это было видно невооруженным глазом. Факт очень важный, ибо, после длительного пребывания тела в море вода бы смыла кровь. Те государственные мужи из Финляндии, кто пытался скрыть истинную причину смерти мужа, так торопились, что совершали явные ошибки.

— В данном случае пресса вам помогла восстановить истину?

— Да. Но получился и обратный резонанс. Чем больше я информировала журналистов, тем чаще мне стали угрожать неизвестные лица. Они звонили по телефону и пригрозили убить меня...

P.S. Вскоре эта женщина была настолько запугана, что перестала общаться с журналистами. Стало ясно, что Рут Ватрас опасалась за свою жизнь.

Продолжение следует

ЗАБЫТЫЕ ЖЕРТВЫ ОКТАБРЯ 1993 ГОДА

(ПРОДОЛЖЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ)

Когда еще не догорел Дом Советов, власть уже приступила к фальсификации числа погибших в октябрьской трагедии. Бывший следователь Генпрокуратуры Леонид Прошкин, работавший в 1993—1995 гг. в составе следственно-оперативной группы по расследованию октябрьских событий, заявил о гибели 3—4 октября 1993 г. не менее 123 гражданских лиц и ранении не менее 348 человек. Он пояснил, что термин «не менее» употребил, потому что допускает «возможность некоторого увеличения числа потерпевших за счет не установленных погибших и раненых граждан». Причем в следственных документах, подчеркнул Прошкин, утверждения более категоричны. («Совершенно секретно». 1998. №10. С.7).

Поздно вечером 4 октября 1993 г. в СМИ прошло информационное сообщение: «Европа надеется, что число жертв будет сведено к минимуму». Рекомендацию Запада в Кремле услышали.

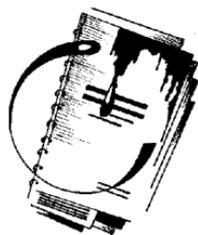
Рано утром 5 октября 1993 г. главе президентской администрации С.А. Филатову позвонил Б.Н. Ельцин. Между ними состоялся следующий разговор:

— Сергей Александрович, к вашему сведению, за все дни мятежа погибло сто сорок шесть человек.

Начало в №10 за 2006 г.

ДОСЬЕ "МГ"

— Хорошо, что вы сказали, Борис Николаевич, а то было такое ощущение, что погибли 700—1500 человек. Надо бы напечатать списки погибших.

— Согласен, распорядитесь, пожалуйста. («Газета». 2003. №183. С. 3).

В первые дни после штурма Дома Советов официальные лица, прежде всего медицинские работники, делали довольно странные и противоречивые заявления. Руководитель Главного медицинского управления Москвы (ГМУМ) А.Н. Соловьев на пресс-конференции 5 октября сообщил, что «тела сторонников Руцкого и Хасбулатова», погибших при обороне Белого дома, останутся в здании бывшего парламента до окончания сотрудниками прокуратуры следственных действий. Вместе с тем, пояснил Соловьев, в других столкновениях 3—5 октября убито 108 человек.

6 октября зав. оперативным информационным отделом Центра экстренной медицинской помощи (ЦЭМП) Д.К. Некрасов заявил, что вывоз трупов из Белого дома еще не начат. Однако, по словам пресс-секретаря ГМУМ И.Ф. Надеждина, представителям московского здравоохранения комендатурой Белого дома было заявлено, что внутри «этого объекта не обнаружено ни одного трупа». А зам. министра здравоохранения А. Москвичев заявил, что всего из Дома Советов будет вывезено около 50 трупов. Но прокурор Москвы Геннадий Пономарев, выйдя из Дома Советов, сказал, что количество убитых там исчисляется сотнями.

Так сколько же погибших было в Белом доме и его окрестностях? На этот вопрос помогут ответить свидетельства участников событий.

Первые жертвы 4 октября появились около парламента рано утром, когда символические баррикады защитников прорвали бэтээры, открыв огонь на поражение. Свидетельствует Галина Н.: «В 6 часов 45 минут утра четвертого октября нас подняли по тревоге. На улицу мы выбежали сонные и сразу попали под пулеметный огонь... Потом мы несколько часов лежали на земле, а в десяти метрах от нас били бэтээры... Нас было около трехсот человек. Мало кто остался в живых. А затем мы перебежали в четвертый подъезд... Я на улице видела, что тех, кто шевелился на земле, расстреливали». По словам Евгения О., на площади было много убитых из тех, кто пришел на баррикады или жил в палатках у здания Верховного Совета. Среди них были и молодые женщины. Одна лежала с лицом, ставшим сплошной кровавой раной.

Расстрел шел и со стороны Дружинниковской улицы. Вспоминает народный депутат России А.М. Леонтьев: «По

переулку напротив «Белого дома» стояли шесть бронетранспортеров, а между ними и «Белым домом» за колючей проволокой лежали казаки с Кубани — человек 100. Они не были вооружены. Были просто в форме казаков... К подъездам из сотни казаков добежали не более 5—6 человек, а остальные все полегли».

Свидетельствует Ирина Савельева: «Много трупов было во внутреннем дворе, где стояли палатки. Это мы видели еще утром из окон фракции «Россия», которые выходили именно туда».

Еще больше жертв оказалось при обстреле здания парламента. Депутат от Чувашии хирург Н.Г. Григорьев в 7 ч. 45 мин. утра 4 октября спустился на первый этаж в холл двадцатого подъезда. «Я обратил внимание, — вспоминает он, — на то, что на полу холла, а холл был самым большим в Доме Советов, лежали рядами более полусотни раненых, возможно и убитые, так как первые два с половиной ряда лежащих людей были накрыты с головой».

Через несколько часов штурма погибших заметно прибавилось. «Я вышел из приемной третьего этажа и стал спускаться на первый, — свидетельствует человек из окружения А.В. Руцкого. — На первом этаже — жуткая картина. Сплошь на полу, вповалку — убитые... Там их навалили горы. Женщины, старики, два убитых врача в белых халатах. И кровь на полу высотой в полстакана — ей ведь некуда стекать.

В переходе от двадцатого к восьмому подъезду сложили больше двадцати убитых. Там же оставались около 30 раненых, из них 15 — тяжело. По свидетельству московского бизнесмена Андрея (имя изменено) только в их секторе находилось около ста убитых и тяжелораненых.

Президент Ингушетии Руслан Аушев сообщил вечером 4 октября Станиславу Говорухину, что при нем из Белого дома вынесли 127 трупов, но много еще осталось в здании.

О судьбе большей части раненых, оставленных в Белом доме, можно только догадываться. «Раненых почему-то тащили с нижних этажей на верхние», — вспоминал человек из окружения А.В. Руцкого. Потом их могли просто добить. Тем более что расстрелы защитников Дома Советов, в том числе раненых, проходили вполне открыто весь день.

Н.А. Брюзгина, помогавшая раненым в импровизированном «госпитале» на первом этаже в двадцатом подъезде, впоследствии рассказала О.А. Лебедеву, что, когда ворвавшиеся военные принялись вытаскивать раненых в коридор, оттуда стали доноситься глухие звуки. Надежда Александровна, приоткрыв дверь туалета, увидела, что весь пол там был залит

кровью. Там же горой лежали трупы только что застреленных людей. (см. воспоминания О.А. Лебедева на сайте 1993.sovnaikom.ru в разделе «Воспоминания»).

По словам офицера-защитника, перешедшего утром 4 октября вместе с другими людьми из бункера в подвал Белого дома, «молодых парней и девушек хватало и уводили за угол в одну из ниш», затем «оттуда слышались короткие автоматные очереди».

Свидетельствует капитан 1-го ранга В.К. Кашинцев: «Примерно в 14 ч. 30 мин. к нам пробрался парень с третьего этажа, весь в крови, сквозь рыдания выдавил: «Там внизу вскрывают комнаты гранатами и всех расстреливают, уцелел, так как был без сознания, видно, приняли за мертвого». Люди, выходявшие «сдаваться» днем 4 октября из двадцатого подъезда, стали свидетелями того, как штурмовики добивали раненых.

Многие люди при начавшемся интенсивном обстреле поднимались на верхние этажи, «поскольку создавалось впечатление, что там безопаснее». Об этом, в частности, рассказали капитан 3-го ранга Сергей Мозговой и Иван Иванов (псевдоним офицера разведки). Но именно по верхним этажам велась стрельба из танков, что существенно сокращало шанс выжить для находившихся там людей.

По официальным данным Министерства обороны, при штурме Белого дома израсходовано 12 танковых снарядов. Из них 10 осколочно-фугасных и 2 подкалиберных. В боекомплекте находились еще 26 кумулятивных снарядов, до которых, как утверждали военные, дело не дошло. Осколочно-фугасные снаряды обладают большой разрушительной силой. Радиус поражения осколками, несущими убойную силу, составляет 200 метров. Однако Д.А. Волкогонов в одном из выступлений на телевидении признал, что каждый из четырех танков выпустил по Белому дому по 7—8 снарядов.

В беседе с главным редактором газеты «Завтра» А. Прохановым генерал-майор Министерства обороны сообщил, что, по его данным, из танков выполнено 64 выстрела. Часть боеприпасов была объемного взрыва, что вызвало огромные разрушения и жертвы среди защитников парламента.

Последняя информация подтверждается людьми, бывшими во время штурма в здании. Народный депутат России Б.Д. Бабаев, находившийся с другими депутатами в зале Совета национальностей (в самом безопасном месте Белого дома), вспоминал: «В какой-то момент мы ощущаем мощнейший взрыв, потрясающий здание... Таких исключительно мощных взрыва я зафиксировал 3 или 4».

Бывший сотрудник милиции, перешедший на сторону парламента, видел, как снарядами в кабинетах Дома Советов «буквально разрывало людей». Поэтому очень мало свидетельств тех, кто находился в здании парламента выше седьмого этажа.

Немного свидетельств и тех, кто выходил вечером 4 октября со стороны стадиона «Красная Пресня». 6 октября в СМИ прошла информация, что, по предварительным подсчетам, в ходе «добровольной сдачи в плен» в течение заключительной фазы штурма Белого дома задержаны около 1200 человек, из которых около 600 находятся на стадионе «Красная Пресня». Сообщалось, что в числе последних содержатся и нарушители комендантского часа. И хотя ко времени появления информации на стадионе никого из живых пленников уже не было, она наводит на размышление.

Люди из окрестных домов рассказывали, что из окон верхних этажей видели, как на стадионе расстреливали людей. Расстреливать начали в сумерки 4 октября, и «эта кровавая вакханалия продолжалась всю ночь». И еще видели, как в 5 часов утра 5 октября на стадионе расстреливали казаков.

Необходимо привести рассказы непосредственных очевидцев расстрелов. Геннадий Портнов чуть сам не стал жертвой озверевших омонцовцев. «Пленный, я шел в одной группе с двумя народными депутатами, — вспоминал он. — Их вырвали из толпы, а нас прикладами стали гнать к бетонному забору.. На моих глазах людей ставили к стенке и с каким-то патологическим злорадством выпускали в людей, а потом в мертвые уже тела обойму за обоймой. У самой стены было скользко от крови». Геннадий спасся чудом. По свидетельству женщины, пролежавшей всю ночь под одной из частных машин, припаркованной напротив бассейна на территории стадиона, «убитых отволакивали к бассейну, метров за двадцать, и сбрасывали туда».

Защитник Дома Советов О.А.Лебедев на девятый день после штурма побывал на этом стадионе. Вот что он увидел: «В правом дальнем углу стадиона, где расположен небольшой бассейн без воды в это время года, стояли еще две домушки (видимо, раздевалки, похожие на бытовки строителей) со стенами, облицованными профилированным дюралевым листом. Все стены были густо заляпаны кровью и испещрены пулевыми отверстиями на уровне роста среднего человека».

По некоторым данным, на стадионе каратели расстреляли до 160 человек. Причем до 2 часов ночи 5 октября расстреливали партиями, предварительно избив своих жертв. По сведениям бывшего депутата Верховного совета от Челябинс-

---

кой области А.С. Бароненко, на стадионе расстреляли около 300 человек, в том числе детей школьного возраста, женщин, врачей.

Расстрелы, истязания людей проходили и во дворах близлежащих к Дому Советов домов. Людей, выведенных «Альфой» к вечеру 4 октября со стороны набережной, ожидала ловушка в подъездах и во дворе большого дома по переулку Глубокому. Особенно лютовали омововцы в одном из подъездов этого дома. Вспоминает очевидец, чудом оставшийся в живых: «Меня вводят в парадное. Там свет, и на полу трупы, голые по пояс». Как установил Ю.П. Власов, всех, кто попал в первый подъезд после пыток, убили, женщин раздевали донага и насиловали всем скопом, а после пристреливали.

Утром 5 октября местные жители видели во дворах немало убитых. Через несколько дней после событий корреспондент итальянской газеты «La Unione Sardia» Владимир Коваль осмотрел эти подъезды. Нашел выбитые зубы и пряди волос, хотя, как он пишет, «вроде бы прибрали, даже песочком где-то присыпано».

Факты массовых расстрелов в Доме Советов и вокруг него никак не согласуются с официально объявленным числом погибших. Но куда же исчезли трупы?

4 октября около Белого дома работали медицинские бригады врачей-добровольцев. Бригада Юрия Холькина за 4 и 5 октября с близлежащих улиц собрала 50 трупов. Бригада Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова, возглавляемая Андреем Шестаковым, отправила на грузовике с прицепом от Дома Советов еще 34 тела. По словам руководителя еще одной медбригады, работавшей у здания парламента, Дмитрия Щетинина, в общей сложности они принесли 60—70 трупов.

По данным ГМУМ, с 19 часов 3 октября по 5 часов 5 октября 36 человек, которых погрузили в «скорую», скончались по дороге в больницу. (Эта цифра включает и пострадавших в Останкино). Зам. директора института им. Н.В. Склифосовского М.М. Абакумов сообщил, что к ним с 3 по 5 октября доставили 132 пострадавших с тяжелыми огнестрельными ранениями, из которых 10 умерли во время операции или после операции. По данным МВД на утро 5 октября с прилегающей к Дому Советов территории в медицинские учреждения доставили 246 человек, из них 18 скончались от ран.

Вместе с тем имеются свидетельства того, что трупы, собранные на улице, вывозились не только «скорой помощью» и усилиями добровольцев. Люди в штатском из спецслужб во второй половине дня 4 октября подбирали убитых на бар-

---

рикадах и куда-то увозили. Какие-то люди в комбинезонах грузили трупы защитников, сложенные штабелями в парке им. Павлика Морозова.

Однако немалая часть трупов, поступившая в московские морги, вскоре оттуда исчезла. Врач Спасательного Центра ММА им. И.М. Сеченова А.В. Дальнов, работавший во время штурма в здании парламента, через некоторое время после событий констатировал: «Замечаются следы по точному числу пострадавших. Засекречиваются все материалы с 21.09.93 по 4.10.93, находящиеся в ЦЭМПе. Переписываются некоторые истории болезни раненых и умерших, изменяются даты поступления в морги и больницы. Часть пострадавших, по согласованию с руководством ГМУ, перевозится в морги других городов». Некоторых погибших отправили в спецморги ведомств, где их трудно было найти. Как сообщил корреспонденту «НЭГ» источник, пожелавший остаться неизвестным, список погибших у Дома Советов, находившихся в Лианозовском морге Москвы (одном из таких спецморгов) на начало марта 1994 г., занимал две страницы машинописного текста.

Из морга Боткинской больницы значительную часть трупов вывезли в неизвестном направлении. По информации журналистов «МК», в течение двух недель после октябрьских событий на грузовиках с гражданскими номерами дважды из морга Боткинской больницы вывозились трупы «неизвестных лиц». Их вывозили в пластиковых мешках черного цвета.

Но в самом здании бывшего парламента оставалось много трупов, которые не попали даже в морги. Врачи бригады Ю. Холькина свидетельствуют: «Мы прошли весь БД до 7-го (цокольного) этажа... Но выше 7-го военные нас уже не пускали, сославшись на то, что там все горит и можно попросту отравиться газами, хотя оттуда доносились выстрелы и крики». В 19 ч. 28 мин. 4 октября к Дому Советов направлены пожарные подразделения УПО ГУВД г. Москвы. Они начали тушить пожар, но были остановлены военными в 20 ч. 19 мин. Тушение пожара возобновилось только около трех часов ночи 5 октября. «Это не поддается описанию, — пересказывал позже журналистам то, что увидели пожарные на горящих этажах, руководитель Московской пожарной службы генерал-майор Максимчук. — Если там кто-то и был, от него ничего не осталось: горящие этажи превратились в крематорий».

Московским криминалистам удалось 5 октября осмотреть помещения Белого дома выше третьего этажа. Они видели кровь на уцелевших потолочных перекрытиях, зафиксиро-

---

вали и то, что кто-то замывал кровь на полу. Корреспондент «КП» Равиль Зарипов тоже 5 октября смог попасть в здание расстрелянного парламента. «Пытаюсь открыть один из кабинетов, — рассказывает он, — и тут же слышу предупредительный окрик. Пока не пройдут саперы, к кабинетам лучше не подходить». Равиль Зарипов отметил, что верхние этажи (с 13-го по 16-й) прогорели основательно, и пожарные сомневались в надежности перекрытий.

Куда же исчезли трупы? 6 октября зав. оперативным информационным отделом ЦЭМП Д.К. Некрасов заявил, что «возможно, только вечером Центру разрешат направить туда бригаду для эвакуации тел погибших». Но бригаду так и не направили, а «расчистку» Дома Советов от трупов производили воинские и милицейские подразделения. По утверждению Леонида Прошкина, следователей Генпрокуратуры допустили в здание только 6 октября. До этого, по его словам, там несколько дней хозяйничали внутренние войска и ленинградский ОМОН. По информации журналистов газеты «Аргументы и факты», солдаты и офицеры внутренних войск несколько дней собирали по зданию «обугленные и разорванные танковыми снарядами» останки почти 800 его защитников.

В ночь на 5 октября к Дому Советов периодически подъезжали две грузовые машины. Капитан Андрей Емельянов рассказал, что трупы вывозили в несколько рейсов через гараж у набережной. Подъезжали КамАЗ и крытый ЗИЛ. По сообщению другого источника, примерно в 11 ч. вечера 4 октября трупы вывозились на трех машинах «УАЗ-452». Генерал-майор А.Г. Баскаев, назначенный 4 октября комендантом Белого дома, признал, что он видел, как ночью с разных точек вывозили трупы, но сколько их было, не знает.

Народный депутат России А.Н. Грешневиков выяснил у охраны Белого дома, что трупы вывозились в основном 5 октября. Увозили машинами. По данным сотрудника общества «Мемориал» Е.В. Юрченко, трупы вывозили на трех грузовиках военного типа. Но по информации журналистов «АиФ», тела убитых вывозили 8 специально выделенных для этой цели грузовиков. Однако, как сообщалось в «НГ», трупы из здания вечером 4 и утром 5 октября были доставлены в морг Института им. Н.В. Склифосовского. Из-за отсутствия машин «тела перевозились на бортовых грузовиках», что, возможно, по мнению журналиста «НГ», и «послужило причиной слухов о тайном вывозе убитых специальной автоколонной». Вместе с тем ранее в печати прошла информация, что 9 октября из морга института им. Н.В. Склифосовского вывезли 201 труп.

Останки погибших в Доме Советов вывозили еще несколько дней после 4 октября. Сотрудница аппарата Комитета по экологии Верховного Совета Евгения Петухова, обеспокоенная тем, что в Белом доме сгорит весь архив, добилась спецразрешения на прохождение в здание. Она вошла туда на третий день после штурма. Случайно, по словам Петуховой, охранник показал мешки, приготовленные к погрузке. Мешки стояли в вестибюле. Машины уже отвезли часть. Сверху в мешках были бумаги, а «глубже лежали органы человеческих тел».

Не исключено, что часть тел вынесли через выход, ведущий из подвала двухэтажного здания, что рядом с Белым домом, в туннель метрополитена между станциями «Киевская» и «Краснопресненская», а потом погрузили в товарные вагоны и вывезли за город. Об этом, например, писал в «НГ» офицер внутренних войск.

Погибших могли вывозить не только на грузовиках и в товарных вагонах. По свидетельству отставного майора МВД П. Артеменко, три ночи — с пятого на шестое, с шестого на седьмое, с седьмого на восьмое октября — его дочь наблюдала в театральный бинокль за судами с широким остовом, стоявшими на Москве-реке. В эти баржи и в теплоход из здания Дома Советов военные что-то переносили в мешках и на широких полотнищах. Заслуживает внимание и информация С.Н. Бабурина: «...Я встретился с моим бывшим коллегой, и он мне сказал: «А ведь была ситуация, когда мы оказались по разные стороны баррикад». Я спрашиваю: «В каком смысле?» Отвечает: «В 93 году, служа во внутренних войсках, я участвовал в штурме Верховного Совета». И, помолчав, добавил, что после штурма ему было поручено контролировать загрузку барж телами погибших. Только во время его дежурства была загружена одна баржа. Другую готовились загружать. У меня нет оснований сомневаться в рассказе этого человека». Об отправке части трупов на баржах по Москве-реке рассказала в середине октября 1993 г. газета «Ступени» (Москва). Через некоторое время газета закрылась.

Но даже после того, как из Белого дома вывезли, казалось, все трупы, некоторое время спустя в здании находили еще тела погибших: 19 октября — в шахте одного из лифтов, неделей раньше — в коллекторе кондиционирования. Проблема уничтожения и сокрытия тел погибших властью была решена. После 4 октября состоялось совещание директоров похоронных учреждений, где от них потребовали жесткого подчинения приказам «сверху». В администрации Хованского кладбища в первые дни после трагедии корреспонденту

ИТАР-ТАСС сообщили, что все неопознанные жертвы будут скорее всего кремированы.

Правозащитник Е.В. Юрченко в ходе расспросов работников трех крематориев Москвы и области установил, что в них сжигались трупы из Белого дома. В частности, опрашивая служащих крематориев Николо-Архангельского и Хованского кладбищ, он выяснил, что там три ночи подряд, начиная с ночи пятого на шестое октября, сжигались «трупы в мешках». Нижняя оценка по двум крематориям, учитывая их мощность и внеплановый характер работы, составляла около 200 кремаций, высшая — около 500. Е.В. Юрченко пришлось прекратить расспросы, когда ему начали угрожать люди в штатском: «Вас мы не тронем, но ведь у вас дочка подрастает...»

Независимое расследование провели и журналисты «НЕГ». Вот что им рассказали двое работников Хованского кладбища еще на первой неделе после расстрела Дома Советов: «Нашему директору сказали: «Надо произвести триста захоронений». На триста не согласился, да и не успели бы мы. Обгоревшие останки трупов привозили в целлофановых пакетах, крематорий работал три дня и три ночи. Братская могила? Да вон там она, в том углу нового участка. Сколько там захоронили, не знаем, все неопознанные». Спустя почти три недели земля на показанном участке заметно осела и была залита водой. На другом кладбище, расположенном в ближнем Подмосковье, подвыпивший бригадир могильщиков заявил корреспонденту газеты: «Да-а, привозили тут сначала 60 человек, потом вроде еще... Некоторые до сих пор в морге крематория валяются».

Не исключено, что в качестве крематория использовали топку одной из ТЭЦ. Об этом, в частности, сообщала газета «Ступени». Некоторые останки расстрелянных защитников парламента захоронены на военном полигоне в Подмосковье (в Климовске).

Один из самых болезненных вопросов октября 93-го — почему так мало официальных обращений родственников пропавших без вести? Из 122 официально признанных погибшими гражданских лиц, лишь 11 — жители других городов России, большинство же (96 человек) — жители Москвы и Московской области. Известно, что на защиту парламента из регионов приехало немало людей, в том числе с митингов, на которых составляли списки добровольцев. Но преобладали одиночки, многие из них приехали в Москву негласно. «Сколько знакомых лиц мы уже не встречаем пятый год на наших встречах побратимов, — писал в 1998 г. журналист

Н.И. Горбачев. — Кто они все? Уехавшие домой иногородние или пропавшие без вести? Их много. И это только из наших знакомых».

Журналисты «НЕГ» обратились к офицерам МБ с вопросом: если число жертв больше, чем объявлено, почему же никого не разыскивают родственники? Офицеры предположили, что, возможно, многие из погибших — иногородние и военнослужащие. Правозащитник В.В. Коган-Ясный свидетельствует: «Нам удалось выяснить несколько адресов во Владимирской, Новгородской и других областях, по которым проживали люди, уехавшие тогда к Белому дому. А потом они просто пропали».

По приказу из ГУВД Москвы столичные отделения милиции категорически отказывались принимать заявления и предоставлять какие-либо сведения родственникам погибших из других регионов. Е.В. Юрченко рассказывал о том, как родственники погибших из других городов не могли получить сведений в отделениях милиции Москвы. Им предлагали подавать заявления по месту жительства.

Даже у москвичей возникали серьезные проблемы с поиском своих родных и с подачей заявления о пропаже в милиции. Маме погибшего Сергея Новокаса в милиции говорили: «Что вы сюда ходите? Вот растает снег и тогда труп найдем». У родственников М.М. Чельшева в милиции долго отказывались принимать заявление: «Это ваши проблемы, ищите сами». Его тело нашли и опознали только 19 ноября 1993 г.

Некоторые родственники приходили в памятные места у Белого дома, оставляли там записки и плакатики с информацией о разыскиваемом человеке. Например, приходила женщина с плакатом: «Люди добрые! Пропал без вести мой сын Колебакин Вячеслав Геннадьевич, 1952 г. рождения. 21 сентября ушел из дому и не вернулся».

Многие родственники боялись обращаться в милицию. С.А. Бахтиярова в своей книге «Реквием» зафиксировала: «Слышала, близкие исчезнувших боятся подавать в розыск. Найдут и схватят!»

Свидетельствует В.В. Коган-Ясный: «И в семьях тех, кто погиб в те страшные сутки, но не попал в список из не менее двухсот человек, нам по-прежнему будут говорить: «Только не пишите об этом, у нас еще другие дети остались...»

И лишь усилиями общественности тела некоторых погибших удалось опознать и захоронить. 23 февраля 1993 г. похоронили еще четырех участников событий: В.П. Бритова, А.С. Руднева, В.С. Святозарова и В.Н. Цимбалова. Власти отказывались выдавать разрешение на захоронение представителям

Комитета по погребению убиенных, действовавшего при Международном фонде славянской письменности и культуры, так как они не являлись родственниками погибших.

Мама Сергея Новокаса, узнав о похоронах опознанных защитников парламента, возобновила поиски. Помогавшим ей людям стали угрожать. Но, наконец, мать опознала сына. Его тело с 30 ноября 1993 г. находилось в тупохранилище Лианозовского морга. Похороны Сергея прошли 4 марта 1994 г.

Некоторые люди, о которых точно известно, что они погибли, не вошли в официальные списки жертв. Свидетельствует ветеран-афганец Д. Герасимов: «Увидел троих «баркашовцев», которых просто вырвали из толпы. Одного из них я знал. Это был Дима Егорычев. Их расстреляли у лестницы. Потом, когда произошла задержка в движении, я видел, как их тела волокли через двор».

Первое время считалось, что утром 4 октября у Дома Советов погиб иерей Виктор (Заика) из города Сумы. Но, слава Богу, отец Виктор с Украины остался жив. Через несколько месяцев он пришел в редакцию газеты «Завтра» и рассказал о себе. Все было бы хорошо... Но есть непосредственный свидетель расстрела священника у Белого дома. Вспоминает депутат Верховного совета А. М. Леонтьев: «Когда казаков начали расстреливать в упор, навстречу БТР выбежал священник отец Виктор с иконой в руках, подняв ее высоко над головой, и начал кричать: «Изверги! Изверги! Прекратите убийство!» Попытка остановить БТР, но крупнокалиберный пулемет прошел его насквозь, и он упал замертво». Свидетелем гибели какого священника стал А. М. Леонтьев? К сожалению, пока на этот вопрос нет ответа.

Непросто ответить и на вопрос: сколько всего жизней унесла октябрьская бойня 1993 г.? Один военнослужащий слышал разговоры «некоторых военных о том, что в Белом доме было 415 трупов». Другой источник называл свыше 750 погибших. По сведениям А. С. Бароненко, в Доме Советов (не считая расстрелянных на стадионе и во дворах) погибли около 900 человек.

По данным Е. Ю. Юрченко, на сентябрь 1994 г. общее число погибших (доказан факт исчезновения и найдены свидетели гибели) составляло 829 человек. Существует список погибших, в котором поименно названо 978 человек. Три различных источника (в Министерстве обороны, МБ, Совмине) сообщили корреспондентам «НЕГ» о справке, подготовленной только для высших должностных лиц России. В справке, подписанной тремя силовыми министрами, указывалось число погибших — 948 человек (по другим данным — 1052).

По сообщению информаторов, сначала была лишь справка МБ, направленная В.С. Черномырдину. Затем последовало указание сделать сводный документ всех трех министерств. (НЕГ. 1993. №47. С.1). Эта информация была подтверждена и бывшим президентом СССР М.С. Горбачевым. «По моим сведениям, — говорил он в интервью «НЕГ», — одна западная телекомпания приобрела за определенную сумму справку, подготовленную для правительства, с указанием количества жертв. Но пока ее не обнародуют».

На сегодняшний день можно утверждать, что в событиях сентября-октября 1993 г. в Москве погибло не менее 1000 человек. Насколько больше было жертв — может показать только специальное расследование на высоком государственном уровне. Не следует игнорировать информацию о гибели людей в те дни не только в Москве. По данным Ю.П. Власова (известного публициста и бывшего чемпиона мира по тяжелой атлетике), с 4 по 6 октября произошли стычки под Алабино, под Тулой, в Балашихе. Но пока подавляющее большинство погибших так и остается забытыми.

От редакции. На все факты, показания, свидетельства людей и публикации в прессе, приводимые в этой статье, имеются ссылки на конкретные печатные издания.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ДЕМОКАТАСТРОФЫ В РОССИИ

(Данная статья публикуется как дискуссионная с целью выявления путей дальнейшего развития России. — Ред.)

Преодоление высокой смертности в России продолжает оставаться одной из наиболее актуальных государственных задач. Ее решение невозможно без выявления причин ухудшения здоровья населения, в первую очередь, по отношению к основным неинфекционным заболеваниям: болезни сердца, сосудов головного мозга, злокачественным новообразованиям и др.

Исследования показали, что динамика общеизвестных факторов риска не играла в этом существенной роли. Экологическая ситуация улучшилась благодаря сокращению промышленного производства. Потребление алкоголя находится на уровне начала 80-х годов. Курение не стало встречаться чаще среди взрослого населения. Врачи лечат болезни не хуже, чем раньше. Потребление холестеринсодержащих продуктов уменьшилось. Ожирение встречается реже из-за сокращения калорийности суточного питания. Двигательная активность увеличилась, поскольку люди стали работать на двух-трех работах. Бедность не имела определяющего значения, так как инфаркты,

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

инсульты, рак возникали не от голодной жизни, и богатые умирают столь же часто. Невозможность объяснить происходящее с позиций традиционных материальных закономерностей заставила обратиться к духовной сфере, связанной с человеческой психикой. Духовность — это ценности, установки, смысл жизни. Кто я? Зачем живу? Чего достиг? В медицине известно, что тоска, тревога, агрессивность, безысходность увеличивают риск заболеваемости и смертности. Об этом говорят мировые религии, выделяя «смертные грехи» — гордыню, гнев, уныние, сребролюбие, блуд и др. Наоборот, социальный оптимизм, служение высоким идеалам способствуют повышению резервов здоровья.

С началом «перестройки» в СССР отмечался выраженный духовный подъем, что привело к снижению смертности на 20—40% в разных возрастных группах. И дело не в антиалкогольном указе, поскольку аналогичные процессы происходили во всех социалистических странах Восточной Европы. В 1989 г. духовный вектор «перестройки» резко изменил направление. Россия стала строить капитализм, что привело к столкновению двух смысловых полей. Вместо прежних общинных ценностей, которые утверждали: «человек человеку друг», «раньше думай о Родине, а потом о себе», «береги честь смолоду», пришли ценности либеральные: «каждый сам за себя», «деньги не пахнут», «бери от жизни все». Началась «пересадка души», где, по законам трансплантологии, если пересаживаемая идеология противоречит культурным традициям народа, она отторгается и при отсутствии замещающей идеи наступает смерть. Проявлением духовного отторжения стал взлет озлобленности от неприятия итогов реформ.

Не о таких результатах мечтало большинство советских людей, начиная «перестройку». Для измерения агрессивности и озлобленности в эпидемиологии используется показатель убийств, величина которого выросла в 2—3 раза. Потеря цели в жизни и контроля над ситуацией проявилась ростом депрессии, безысходности. Для их измерения используется показатель самоубийств, увеличившийся почти в 2 раза. Говоря медицинским языком, в стране возникла эпидемия «агрессивно-депрессивного синдрома», разрушающего иммунную и другие защитные системы организма. Расчеты по материалам стран СНГ показали, что динамика смертности на 80% определялась влиянием именно агрессивно-депрессивного синдрома. Вклад остальных социально-экономических факторов составил 20%.

Разочарование итогами реформ постигло и другие государства Восточной Европы, что выразилось депопуляцией

населения Латвии, Литвы, Эстонии, Украины, Венгрии, Болгарии, Чехии и др. Либеральный образ жизни оказался неадекватным высокому уровню нравственного и культурного развития бывших советских людей. От вымирания не спасал даже значительный рост материального благосостояния. Яркий пример — бывшая ГДР, где реформы осуществлялись строго по разработанным схемам, используя «твердую руку» канцлера Г.Коля и огромные инвестиции в размере более двух триллионов марок. Уровень жизни восточных немцев повысился в 2—3 раза. Однако ответом стал драматический рост преступности, самоубийств, смертности, спад рождаемости.

Известные социальные психологи П.Сорокин, Э.Фромм предупреждали, что прививка населению «рыночного характера» приведет к разрушительным медико-демографическим последствиям. Ориентация на прибыль как главный критерий успеха в жизни сопровождается снижением порога чувствительности к жестокости, жизнь пропитывается некрофильскими тенденциями, растет интерес к мертвому, мерзкому, разложившемуся. Недаром сребролюбие причисляется христианством к семи смертным грехам, то есть такому состоянию общества, которое ведет к духовной и физической смерти.

«Экспериментальная проверка» влияния капитализма на здоровье «была проведена в остром опыте» среди населения островов Тихоокеанского региона в 60—70-х годах XX века. «Вестернизация» их мироустройства тут же сопровождалась ростом смертности, преступности, самоубийств. Даже патриотичная государственная политика президента В.В. Путина в рамках либерализма оказалась не способной изменить к лучшему демографическую ситуацию. После 1998 г. уровень жизни повысился, стрессы случаются все реже, забастовки почти исчезли. Однако вопреки этому смертность выросла к 2005 г. на 19%, уровень самоубийств по-прежнему высок, убийства подскочили на 28%, преступность — на 41%. Значит, душа народа по-прежнему пребывает в тоске, тревоге, озлобленности, безысходности, поскольку духовный вектор реформ не изменился.

Вывод — причиной вымирания России является либеральный курс реформ, неадекватный природе российского характера. Люди физически не могут жить в атмосфере алчности, разврата, унижения, несправедливости. Значит, чтобы избежать печальной участи исчезновения, необходим переход к другой модели общественного устройства. Что это за модель? Часть населения настаивает на возврате к развитому социализму 70-х годов. Но такое решение не улучшит де-

---

мографический прогноз, поскольку смертность тогда тоже повышалась, рождаемость снижалась, убийства, самоубийства, преступность увеличивались. В стране нарастал духовный кризис из-за расхождения между высокими идеалами и двойной моралью в жизни. Система оказалась недостойной своих граждан, высокие нравственные требования у которых сама же и воспитала. Это послужило главной причиной развала Советского Союза. В идейных спорах мы сами приходили к пониманию, что Верховный Совет перестал быть органом народовластия и государственный аппарат находится под контролем партийной номенклатуры. Авторитарный политический режим КПСС превратился в тормоз развития общества. Трудящиеся отстранены от результатов своего труда, в экономике накопилось множество балласта и опасных дефектов. Требовался капитальный ремонт с выходом на следующий виток исторического развития. Однако вдруг обнаружилось, что Проекта нового пути ни у кого нет. Нет его до сих пор, о чем свидетельствуют прошедшие парламентские и президентские выборы. И не по причине слабости умов, а из-за сложности задачи. Ведь речь идет о модели цивилизации XXI века. В таком неопределенном положении легко удалось убедить людей, что существуют только два пути развития человечества: отвергнутый авторитарный социализм и его единственная альтернатива демократический капитализм.

Если это так, то Россия обречена на вымирание. Люди не хотят возвращаться в развитой социализм и умирают в атмосфере демократического капитализма. Но, может, существует все-таки неизвестный науке «третий путь», что позволит двигаться к светлому будущему и одновременно ощущать себя в достойном настоящем? Философы и политики утверждают, что иного не существует. Нельзя, мол, скрестить ежа с ужом. А простые люди здравым смыслом ощущают, что должен существовать неоткрытый строй, в котором сосуществуют свобода слова и сила закона, бесплатное образование, здравоохранение и отсутствие очередей, мощь плана и изворотливость рынка. Чтобы найти выход, следует отбросить идеологические шоры, мешающие трезвому анализу. Тогда становится видно, что поиском гармоничного «третьего пути» Россия занималась все последние 150 лет, сменив шесть общественно-экономических формаций (феодализм, капитализм, военный коммунизм, НЭП, бюрократический социализм и снова капитализм), шесть форм государственного устройства (абсолютная монархия, конституционная монархия, парламентская республика, Советская власть, власть КПСС, президентская республика) и три типа поли-

---

тических режимов (диктатура, демократия, анархия). В результате ни один народ в мире не располагает таким богатым опытом, дающим возможность сравнивать разные варианты развития и выбирать из них оптимальное сочетание.

И это не проигрыш в «холодной» войне, а трудный поиск исторической альтернативы. Россия обречена найти спасительный строй — гуманный, эффективный, справедливый, иначе окажется в Красной книге истории. Иного не дано. В этом — суть национальной идеи. Более того, она же является и цивилизационной миссией российского народа, поскольку после распада СССР мировое сообщество вдруг обнаружило, что оказалось не у порога всеобщей гармонии, а на грани третьей мировой войны. «Новое политическое мышление» не наступило. Острота геополитических проблем не только не уменьшилась, но и многократно возросла. Финансовые кризисы потрясают мировые рынки. Во многих развитых странах сворачиваются социальные программы, растет безработица, наркомания, детская преступность. Антиглобализм и международный терроризм — это, по сути, одна и та же, но в разной степени выраженная, реакция людей на тотальную несправедливость жизни на планете. Человечество оказалось перед выбором, осознавая ущербность не только бюрократического социализма, но и демократического капитализма. На повестку дня встал вопрос: «Какой социально-экономический строй должен прийти взамен?» Запад не дал на него ответа. Вызов принимает Россия.

Принципы социогуманизма.

Никто не доказал, что кроме капитализма и социализма не могут появиться иные модели общественного устройства. Чтобы не оказаться утопией, новый строй должен не придумываться в тиши кабинетов, а обнаруживаться в гуще жизненных событий как проявление неумолимого потока истории. Тогда описание его закономерностей станет научным открытием планетарного масштаба. Характерной чертой социального прогресса служит рост уважения к человеческому достоинству и гуманизация общественного бытия. Однако человек в своей основе двуедин, являясь одновременно существом индивидуальным и коллективным, материальным и духовным и т.д. Соответственно противоречивы и его потребности. Капитализм отдает предпочтение личности и материальному достатку, а социализм — коллективу и служению идеалам. Значит, оба они лишь отчасти выражают интересы людей, будучи в ряде других отношений антигуманными.

Поэтому на пути к социальной гармонии нужен новый строй, способный удовлетворить противоречивые интересы

реального человека, а не ограничивать его рамками односторонних схем. Не абстрактное «или-или», а жизненное «и-и». Это будет не простое объединение противоположностей (конвергенция), а рождение нового качества — неизвестного прежде общественного устройства. Базисом такого строя выступают следующие принципы.

Человек — его духовное совершенствование, свобода и счастье есть главная цель исторического развития и критерий эффективности государственного управления.

Справедливость есть основа отношений между людьми, что требует относиться к другому как к самому себе.

Личность не существует без общества, а общество — без личности. Обе стороны имеют права и обязанности, где свобода уравнивается ответственностью.

Не только бытие определяет сознание, но и сознание определяет бытие. Законы нравственности фундаментальны. Культура есть такой же двигатель истории, как и производительные силы.

Хозяином страны является народ, а государство — административный аппарат, нанимаемый обществом для управления социально-экономическими процессами.

Для удовлетворения разумных интересов людей требуются разные формы собственности: общенародная, коллективная, частная, индивидуальная. Богатства, доставшиеся от природы и созданные трудом народа, принадлежат народу. Отторжение любой собственности от владельца без суда есть преступление, не имеющее срока давности.

Обеспечение потребностей живущих граждан не должно наносить ущерб грядущим поколениям потомков.

Добро и нравственность не отрицают применения силы для противостояния агрессии зла.

Патриотизм и интернационализм не исключают, а дополняют друг друга. Благополучие народа не будет полным, если страдают другие народы.

Средства достижения цели не должны противоречить самой цели.

Гарантируется свобода вероисповедания. Церковь отделена от государственных институтов, но вольна оказывать влияние на социально-политическую жизнь силой своих идей.

Человек может быть не только возвышенным. Людские пороки особенно опасны в государственном управлении, что требует эффективных механизмов народного контроля над верховной властью.

Гармоничное развитие личности в составе строя, основанного на перечисленных принципах, есть «социогуманизм».

Новый строй возникает как очередной этап истории, вслед за капитализмом и социализмом. Он сложнее в управлении, поскольку требует нахождения оптимальных пропорций между противоречивыми сторонами человеческой природы. Зато интеграция энергий полюсов обеспечивает многократно больший созидательный эффект.

Качество жизни как цель и условие прогресса.

Кто способен быть судьей при выборе меры социальной гармонии? Прежние века общества развивались по законам исторического материализма, подчиняясь в базисе действию «слепых» материальных стихий — взаимодействию производительных сил и производственных отношений. Здесь бытие определяло сознание, и рост могущества государства и уровня жизни населения служили компасом развития человечества. При социогуманизме история начинает определяться еще и творчеством интеллектуальных и духовных сил человека. Появляются ноосфера и социальное проектирование, где разрабатываются контуры требуемого будущего и его стратегические цели. По степени приближения к ним общество целенаправленно контролирует эффективность своего развития.

Экономические ориентиры для этого недостаточны, поскольку не отражают состояние самого человека и то, насколько ему уютно в окружающем мире. Более объемной целью предстает качество жизни. Качество жизни есть соответствие условий жизнедеятельности населения его потребностям и возможностям для достижения свободного счастливого существования и развития. При этом величина качества жизни зависит от материальных условий примерно на треть, а на две трети — от духовных и интеллектуальных факторов: смысла жизни, нравственных принципов, образования, воспитания и т.д. Поэтому увеличение материального достатка может привести не только к улучшению, но и к ухудшению социального состояния, если произойдет деформация потребностей или возможностей.

Тем самым, при социогуманизме роль экономики и уровня жизни не отрицается, но они переходят из цели в средство. Целью государственной жизни становится создание такого общественного устройства, которое обеспечивает населению высокое качество жизни. Чтобы не превратиться в популистский лозунг, а быть инструментом текущего политического управления, качество жизни должно иметь четкие индикаторы. Ими выступают базовые человеческие ценности: 1) здоровье и продолжительность жизни, 2) рождаемость и воспроизводство рода, 3) удовлетворенность жизнью (крайняя сте-

---

пень неудовлетворенности — самоубийства), 4) духовное состояние населения, оцениваемое в первую очередь по соблюдению этических заповедей: «не убий» (убийства), «не укради» (кражи), «не прелюбодействуй» (разводы), «почитай родителей» (брошенные старики), «заботься о потомстве» (бездомные дети) и др., 5) экологическое благополучие.

Качество жизни выступает не только целью социального прогресса, но и его условием. Если высокие уровни качества жизни достигнуты, общество может ставить перед собой иные важные задачи. Но никакие действия государства не должны вести к ухудшению базовых показателей сверх пороговых значений. Они есть те «красные флажки», за которые власть не имеет права заступать. Контроль над индикаторами качества жизни не позволит и самому обществу сорваться в безумство коллективного эгоизма.

На пути к социогуманизму Россия способна объединить человечество, став мировым лидером в достижении свободной и счастливой жизни. Осуществить такую мессианскую задачу вполне реально, поскольку в 60-х годах прошлого столетия СССР уже был первым среди развитых государств мира, имея самые низкие уровни смертности, преступности, самоубийств, наряду с передовыми научно-техническими и культурными достижениями.

Государство народовластия.

Для достижения высокого качества жизни человек должен чувствовать себя хозяином «необъятной Родины своей». Гарантировать это способна сильная государственная власть, которая формируется самим народом, выражает его интересы и контролируется им. Это есть народовластие или народная демократия — власть большинства населения, одновременно уважающая мнение меньшинства. В зависимости от того, кто понимается под большинством, в истории существовали рабовладельческая демократия (власть большинства свободных граждан), демократия вольных городов (власть большинства имущих горожан), буржуазная демократия (власть большинства владеющих капиталом), номенклатурная демократия (власть большинства номенклатуры). В современной России государственный аппарат составляют политические менеджеры, «нанятые» для выражения интересов нынешнего хозяина страны — капитала. Более 97% населения, не являющиеся членами политических партий, лишены прав выдвижения во власть своих кандидатов, так как не могут преодолеть имущественный ценз в виде дорогостоящих сборов подписей и затрат на ведение предвыборной кампании.

Народная демократия начинается с прав каждого гражданина на выдвижение кандидатом в депутаты достойного человека, проживающего достаточное время на соответствующей территории. Выдвижение и выборы проводятся регулярно, с установленной законом периодичностью, путем открытых дискуссий на общих собраниях небольших по численности территориальных объединений. В результате формируется депутатский корпус России (25—30 тыс. человек на 150 млн. населения), состоящий из наиболее уважаемых граждан, радеющих за благо народа. Депутатский корпус формирует внутри себя уровни представительной власти, используя метод «делегирования». Первым уровнем служат местные Советы. Они обладают широкими правами определения приоритетов хозяйственной деятельности и контроля над исполнительной властью. Местные Советы делегируют депутатов в Советы следующего уровня, те — следующего, и так вплоть до Высшего Совета России.

Высший Совет России, численностью 450—500 человек, есть верховный орган государства, определяющий стратегические цели внутренней и внешней политики в соответствии с идеологией социогуманизма и наказами избирателей. Высший Совет заседает ежемесячно и по мере необходимости. Между сессиями для реализации принятых решений и координации работы всей представительной власти избирается Президиум Высшего Совета и Председатель Президиума Высшего Совета. Председатель Президиума Высшего Совета представляет страну в международных отношениях и является Верховным главнокомандующим. Нижестоящие Советы подчиняются вышестоящим, но обладают правом отзыва направленных ими депутатов из вышестоящих уровней. Лишить депутата его мандата могут жители территории, от которой он выдвигался, что законодательно гарантируется обеспечением соответствующих условий (финансовых, организационных и др.).

Реализацией принятых Советами законов и постановлений занимается исполнительная власть. Для этого всенародным голосованием избирается Президент из нескольких кандидатур, предложенных Высшим Советом. Президент назначает состав кабинета министров (Правительство) и полноправно руководит его деятельностью. Советы каждого уровня создают Исполнительные комитеты. Сначала назначается председатель соответствующего Исполнительного комитета (при уровне выше муниципального — по согласованию с Правительством). Председатель исполкома формирует штат профессионалов по требуемым направлениям работы. Ис-

---

полком подчиняется по вертикали вышестоящему Исполкому, а по горизонтали контролируется Советом данного уровня. Состав Верховного суда и Конституционного суда утверждаются Высшим Советом России из кандидатов, представляемых Всероссийским съездом судей страны. Политическим партиям отводится роль общественных идеологических центров для представления населению программ социально-экономического развития, будучи кузницей политических кадров при выдвижении в органы государственной власти.

Такая система демократии наиболее гуманистична, эффективна, малотрудоемка. Она устойчива против внутренней коррумпированности и внешнего давления со стороны капитала, политических партий, бюрократии, СМИ. В отличие от гражданского общества, где власть доминирует над населением, хотя и в ограниченных законом рамках, при социогуманизме власть принадлежит народу. Поэтому народная демократия была отвергнута авторитарным режимом в СССР и не используется современными буржуазными государствами.

Политика социального благополучия.

При социогуманизме государство становится истинно социальным, политика которого направлена на удовлетворение интересов народа не по остаточному принципу, а как главная цель и обязанность власти. В России имеются огромные богатства для обеспечения каждому гражданину его естественного права — что бы ни случилось в жизни, никто не окажется в унижающей бедности. Всем должны быть предоставлены условия достойного существования. С этой целью из общественных фондов бесплатно удовлетворяются базовые жизненные потребности: среднелюдиные нормативы жилой площади, жилищно-коммунальное обслуживание, здравоохранение, дошкольное воспитание, среднее и высшее государственное образование, детский летний отдых, общественный транспорт, юридические услуги. В этом заключаются гарантии справедливого социального равенства всем гражданам.

Одновременно каждому человеку предоставляется свобода повышения индивидуального благополучия за счет собственного труда, пропорционально его количеству и качеству. В этом заключается справедливость социальной дифференциации, стимулирующей дух творческого соревнования. При этом оплата труда работников бюджетной сферы должна быть конкурентоспособной с негосударственными учреждениями.

Разница в уровне достатка различных слоев населения гармонизируется прогрессивной шкалой налогов на доходы и

имущество. Отменяется коммерческая тайна в отношении крупных финансовых операций и обеспечивается контроль над ними со стороны общественных организаций. Воспитание детей до 18 лет приравнивается к профессиональному труду. Мать (или отец) получает за это заработную плату в размере не менее среднего трудового дохода по стране. Дополнительно на каждого ребенка предоставляется пособие не ниже прожиточного минимума. Достижение пенсионного возраста родители получают прибавку к пенсии в размере четверти от отчислений в пенсионный фонд работающих детей.

Государство законодательно гарантирует возможность эффективной деятельности профсоюзов на предприятиях любых форм собственности. Финансирование фундаментальной и прикладной науки осуществляется в объеме, необходимом для нахождения инновационных решений текущих проблем и опережающего технического прогресса. Тем самым обеспечиваются передовые позиции России в мировой интеллектуальной конкуренции. Выпускникам вузов предоставляется помощь в трудоустройстве по специальности. Государство создает условия для приобщения людей к высоким духовным ценностям. Запрещается пропаганда жестокости, стяжательства, насилия, порока.

Социальная сфера (культура, образование, воспитание, наука, спорт, здравоохранение, общественное телевидение) должна иметь достаточное финансирование, необходимое для полноценного функционирования и развития.

Экономика здравого смысла.

Для материального процветания народа экономика социогуманизма решает три главные задачи: а) обеспечить всем возможность трудиться согласно личным способностям и потребностям, б) раскрепостить творческий потенциал людей, сделав их хозяевами своего труда, в) удовлетворить потребности населения в качественных товарах и услугах по меньшим ценам при сохранении экологического благополучия. Это есть здравый хозяйственный смысл.

Способности и потребности людей могут различаться: одни предпочитают совместный труд на общих предприятиях, другие — в одиночку на базе собственных средств производства. Поэтому, в отличие от капитализма, где священной считается частная собственность, и коммунизма, где священна государственная собственность, при социогуманизме уважается любая форма собственности, если она справедливо приобретена и служит здравому хозяйственному смыслу. Таким критериям соответствует экономика с трехсекторной собственностью: общенародной, коллективной и частной. Спо-

---

соб ее регулирования — планово-рыночный, учитывающий как специфику долгосрочных трудовых циклов и больших производственных комплексов, так и быстро меняющихся производств с небольшим количеством участников. Общепризнанная общественность включает землю, природные ресурсы, системы энергообеспечения и связи, общественный транспорт, предприятия ключевых отраслей, военную промышленность, инфраструктуру и материально-техническую базу образования, науки, здравоохранения, культуры. Она обеспечивает до двух третей валового внутреннего продукта страны. Сельскохозяйственная земля передается в долгосрочную аренду с ее неограниченным продлением для целевого использования. Земля садовых и дачных участков находится в пожизненном пользовании с правом наследования.

Управление общепризнанной общественностью осуществляется государством по поручению народа. Для этого применяются разнообразные способы: директивное и индикативное планирование, конкурсные задания, обеспечение адекватного паритета цен, защита отечественных производителей и др. Государство может сдавать в аренду предприятия, давать концессии на разработку недр, сохраняя у себя право контрольных функций, в том числе за экологической безопасностью и объемом рентных отчислений от добываемых природных ресурсов. За счет использования общепризнанной собственности и налоговых поступлений из других секторов экономики создаются общественные фонды. Они предназначены обслуживать интересы страны в целом: движение по пути научно-технического прогресса, функционирование систем национальной безопасности, формирование необходимых стратегических резервов, накопление пенсионного фонда, развитие культуры, образования, здравоохранения, спорта и др. Размеры фондов и характер их распределения должны быть «прозрачными» для общественного контроля.

Коллективная собственность представлена народными предприятиями (кооперативы, артели и др.), где вся прибыль принадлежит самим работникам. Такие предприятия базируются на неделимом имуществе, которое может быть: а) передано им во владение от государства по договору; б) получено в аренду; в) приобретено в коллективную собственность. Каждый член трудового коллектива является долевым собственником общего капитала, и его доля не может быть отчуждена без добровольного согласия. Совместные труженики обладают равным правом самостоятельного планирования производства, формирования органов самоуправления, выбора или найма руководителя, определения уровня зара-

---

ботной платы и отчислений в фонд развития и т.д. Передача работникам прав распоряжения произведенным продуктом служит мощным стимулом повышения производительности труда. Строй «цивилизованных кооператоров» воспитывает уважение к творческому труду и взаимопомощи, способствует достижению социального согласия, противостоит экономической преступности. В развитых странах Западной экономической демократия находит все более активную поддержку населения и правительств.

Значение самоуправляемых предприятий в то же время нельзя переоценивать. Там, где результаты деятельности могут быть определены лишь в конце многолетнего труда (фундаментальная наука, подготовка кадров и др.) или их трудно перевести в количественные показатели (образование, здравоохранение и др.), работнику выгоднее получать твердую заработную плату. В условиях недостаточной конкуренции, когда групповой эгоизм может доминировать над трезвым расчетом (естественные монополии и др.), более эффективным выступает государственное регулирование. Там, где создание сложных производственных систем (ракетно-космическая отрасль, электроэнергетика и др.) требует централизованного руководства целостным комплексом, нерационально опираться на самоуправляемые предприятия. В остальных ситуациях их предпочтительность несомненна.

Частный сектор представлен персональной, групповой и семейной собственностью. Здесь может происходить разделение тружеников на хозяев, владеющих средствами производства, и наемных работников. Коллективный и частный секторы активно действуют в сельском хозяйстве, сфере услуг, оптово-розничной торговле, в легкой промышленности. Управление здесь осуществляется преимущественно рыночными механизмами. В их задачу входит обеспечение мобильных экономических потребностей общества и удовлетворение индивидуальной деловой активности.

Между различными экономическими секторами и разными способами управления существуют тесные связи и взаимные переходы. Частные фирмы могут передавать право распоряжения собственностью работникам и активно использовать инструменты внутрифирменного планирования. Государство не только издает законы и следит за их исполнением, но также действует как самостоятельный субъект рынка. В результате хозяйственная система социогуманизма предстает не одномерной («левая», «правая» или «центристская»), а многомерной, где пропорции секторов определяются не идеологическими установками, а здоровым хозяйственным

смыслом. Эффективным собственником считается не тот, кто лично богат, а кто достигает лучших производственных результатов.

Крупный капитал в условиях современной России оказался неэффективным собственником. За 17 лет своего господства он не только не обеспечил экономического рывка, но не смог даже превзойти дореформенных показателей ни по одной из ведущих отраслей промышленности. Производительность труда упала в несколько раз. В подобной ситуации разумный передел собственности необходим и должен рассматриваться не с классовых, а с экономических позиций. Это — естественная рыночная процедура, через которую в конкурентной среде совершенствуется механизм хозяйственного управления. В эффективных экономиках мира ежегодно до 10—15% предприятий меняют своих собственников. Поэтому к участию на рынке должны допускаться все желающие в соответствии с законодательством, ибо только справедливое соревнование выявляет лучшего. В таких условиях государство и народные предприятия несомненно окажутся победителями по многим направлениям.

Благодаря этому генерируется эффект «экономического чуда». Первое экономическое чудо XX века в виде трехсекторной планово-рыночной модели существовало в РСФСР с 1921 г. по 1927 г. как новая экономическая политика (нэп). Величина ежегодного промышленного роста тогда составляла более 40%. Даже после восстановления разрушенного войной хозяйства темпы оставались высокими, в 1925 г. — 60%. Доходы работающих увеличились в три раза. Значительно улучшилось качество жизни. Удалось остановить вымирание народа, длившееся с начала Первой мировой войны, и естественный прирост населения стал выше дореволюционного. Позднее советский опыт планово-рыночного хозяйства использовался в США при выходе из депрессии начала 30-х годов, при восстановлении послевоенной Германии, в возрождающейся Японии. В наше время идеи нэпа успешно применяются в наиболее динамичных экономиках Китая, Тайваня, Индии, Вьетнама и др.

Контроль общества над властью.

Кроме экономической формации и государственного устройства важную роль для качества жизни населения играет стиль поведения руководителей, определяемый их нравственными и профессиональными качествами. Приход новых лидеров способен радикально менять политическую и социальную атмосферу в стране, о чем свидетельствует история России XX века. Это то, что следует называть «политичес-

---

ким режимом». Большое влияние на политический режим оказывает бюрократический аппарат. Во всем мире бюрократия, владея основными государственными рычагами, давно превратилась в самостоятельный политический класс, неподконтрольный обществу и ведущий беспощадную борьбу за свое господство. В СССР этот класс назывался партийной номенклатурой, а сейчас именуется партией власти. Для контроля над политическим режимом народ должен иметь механизм эффективного влияния на власть. Главная задача такого контроля — не только преследование за ошибки, а в основном — их предупреждение. Предыдущие попытки в данном отношении оказались недостаточными. Народный контроль требовал контроля над самим собой. Надежды на СМИ, выборы и референдум не оправдались: первые сильно зависят от денег и административного ресурса, вторые легко превращаются в фарс, третий есть слишком дорогое удовольствие для частого использования.

При социогуманизме станет действовать механизм обратной политической связи, когда пребывание «у руля» государства напрямую зависит от благополучия общества. Для этого Председатель Президиума Высшего Совета и Президент страны ежегодно отчитываются перед Высшим Советом России о динамике качества и уровня жизни населения. Необходимые статистические данные представляет Государственный комитет по статистике. Их анализ проводится Национальным центром мониторинга качества жизни, куда входят эксперты, выбираемые ежегодно из состава ученых России. В его работе принимают участие в качестве наблюдателей представители политических и общественных организаций. Результаты анализа широко публикуются в СМИ, чтобы общество владело неискаженной информацией о наиболее важных аспектах развития страны. Без этого невозможно формирование инновационной гражданской позиции. Если результаты социально-экономической деятельности государства приближаются к заявленной цели, значит, управление осуществляется правильно. В случае ухудшения качества жизни населения сверх допустимых пределов оба высших должностных лица отправляются в отставку решением Высшего Совета России. Система контроля по конечному результату станет действовать и в субъектах РФ. Представители всех уровней власти должны нести персональную ответственность за качество управления. Введение ответственности властных органов за результаты своей деятельности обеспечит прорыв к политическому управлению нового типа, основанному на законах социальной эргономики.

Всякие действия государства должны быть эргономичными, то есть соответствовать ценностям, потребностям и возможностям людей. Любые политические силы, приходящие к власти, окажутся вынужденными проводить преемственную государственную политику, исходя из национальных интересов и потребностей граждан. Общество становится главным распорядителем собственной жизни, поскольку будут осуществляться лишь те действия, что соответствуют его интересам.

В результате возникнет самонастраивающийся государственный механизм, который не принуждает разные народы к одинаковой социально-экономической модели, а находит оптимальные условия развития для каждой нации. Главный критерий оптимальности — улучшение качества жизни населения.

Тем самым удастся преодолеть жестокий характер революций — объективных механизмов развития. Без революций как скачков в эволюции природы, общества и познания, невозможно рождение новых качеств. Этим они отличаются от государственных переворотов — простой смены политических режимов (в традиционной или «цветной» форме), не затрагивающих основ общественного устройства. Социогуманизм не отменяет революций, а делает их безболезненными, благодаря встроенному в себя механизму контроля над государственной властью. В результате обеспечивается ненасильственный переход от одного качественного этапа истории к другому по мере созревания объективных и субъективных предпосылок.

Социогуманизм и конституционный строй России.

Управление государством по динамике качества жизни наполнит действенной силой основы конституционного строя современной России, которые имеют пока во многом декларативный характер. Основы конституционного строя государства — это не все статьи Конституции, а ее базовые принципы. В российской Конституции они представлены первой главой, положения которой полностью соответствуют критериям социогуманизма. Здесь утверждается, что «...единственным источником власти в РФ является ее многонациональный народ» (ст.3). «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (ст.2). «РФ — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (ст.7, п.1). «В РФ охраняются труд и здоровье людей ...» (ст.7, п.2). В реальной жизни, однако, наблюдаются противоположные процессы: унижительное

социальное расслоение, лишение народа его суверенной власти, рост убийств, самоубийств, разбоев, смертности, вымирание населения. Тем самым сложившийся либеральный строй вступил в противоречие с конституционным строем, осуществляя его свержение экономическими и административными методами. Грубо нарушаются многие другие статьи Конституции, свидетельствуя о правовом нигилизме на государственном уровне. Возрождается культ личности, насаждается ореол непогрешимости правящей партии. Снова вводится в оборот ярлык «враги партии», казалось бы, навсегда оставленный в трагичном прошлом. В такой ситуации призыв к защите основ конституционного строя России путем замены капитализма на социогуманизм есть первостепенный гражданский долг. В международных отношениях именно социогуманизм способен стать объединяющим конституционным фундаментом государств постиндустриального общества. И в этом — его высшая легитимность перед законом и историей.

ДАВАЙТЕ ПЕРЕСТАНЕМ ВРАТЬ ДРУГ ДРУГУ

С сентября 2008 г. Россия втягивается в кризис, которым нас, как говорят, «заразили США». Признаки назревающего на Западе кризиса финансовой системы стали явными уже в 2005 г., и были сигналы, что в него будет вовлечена Россия, за 90-е годы «привязанная» к этой системе. Ни формальные показатели, ни предупреждения аналитиков во внимание не принимались, Россия представлялась «островком стабильности», и начавшийся в сентябре 2008 г. кризис оказался для нас полной неожиданностью.

В 90-е годы реформаторы демонтировали защитные механизмы, которые придавали экономике СССР кризисоустойчивый характер, и не выстроили других защит. Россия, резко ослабленная кризисом 90-х годов, оказалась полностью раскрытой и незащитной против «импорта» чужих кризисов. В.В. Путин образно определил эту ситуацию так: «За что боролись, на то и напоролись». Правда, боролись за это всегда: Куршевелем, а напоролись 148 миллионов жителей России (теперь 141 млн.). Аномально высокие цены на нефть привели к бурному росту российского фондового и потребительского рынка, что привлекло большой спекулятивный капитал. Финансовый кризис в США вызвал бегство из России этих «глупых»

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

денег и привел к кризису ликвидности, а затем и к обрушению биржи. Кроме того, надо выплачивать сотни миллиардов долларов кредитов, набранных на Западе российскими банками и корпорациями. Быстро тает золотовалютный запас России. Он составлял в начале августа 2008 г. 598 млрд. долларов, а 12 декабря 2008 г. — 435,4 млрд. долл., в январе 2009-го, по оценкам, уменьшился еще на 35—40 млрд. Остаток примерно равен внешнему долгу.

Наш нынешний кризис налагается на большую волну кризиса 90-х годов, который вовсе еще не преодолен. Это может полностью изменить структуру и глубину кризиса в России по сравнению с тем, что «на Западе». Главная угроза в том, что волна «прежнего» кризиса уже подвела многие системы хозяйства и социальной сферы России к «красной черте». Запас их прочности почти исчерпан, и добавочный удар нового кризиса может запустить цепную реакцию отказов. Это сразу потребует больших средств на устранение чрезвычайных ситуаций, а их недостаточно. Например, в критическом состоянии находится жилищный фонд, обветшавший без капитального ремонта, инженерные сети ЖКХ, водоканал. Это — системы жизнеобеспечения, сбой которых могут ухудшить положение большей части населения.

Таким образом, «модель кризиса» должна включать в себя и потенциальные угрозы, порождаемые массивными процессами деградации, запущенными еще в 90-е годы. Кризис находится лишь в первой фазе, прогнозы противоречивы. В острой фазе процессы быстротечны и напоминают боевые действия. Более эффективна тактика тех, кто исходит из продуманной доктрины, задающей критерии для принятия решений при реализации того или иного сценария. Если такой доктрины нет, в обстановке дефицита информации и времени принимаются импульсивные решения, а иногда и не принимается никаких решений. Ход событий становится неуправляемым, инициатива переходит к «противнику».

Доктрина — это совокупность методов, позволяющих заранее разработать алгоритмы принятия решений, которые будут реализованы в зависимости от хода событий. В ней должны быть определены и сформулированы такие элементы любой антикризисной программы: цели (на разных уровнях); ограничения (заданные условия, которые должны быть выполнены неукоснительно); главные активные факторы, определяющие состояние дел; располагаемые ресурсы, необходимые для достижения цели в рамках заданных ограничений; набор показателей для слежения за ходом процессов; критерии выбора способов достижения цели. Поскольку кри-

---

зис может развиваться по разным траекториям, доктрина предполагает сценарный подход. Для каждого сценария должен быть намечен, в главных чертах, свой план действий. Быстрая подгонка заготовленных решений к конкретной ситуации сократит издержки. В режиме реального времени выработать хорошие решения для быстротечных процессов невозможно, их варианты надо готовить заранее. Они должны следовать общей логике доктрины преодоления кризиса в рамках главных ограничений. Такой подход рационализирует программу действий, снижает давление идеологических догм. В момент кризиса они лишь усугубляют трудности. Кризис — особый тип бытия, когда решения должны приниматься под давлением неумолимых обстоятельств и ограничений. Например, если городское население не может купить хлеба по рыночным ценам, то продразверстка вводится любым правительством, как это и было в России в 1916—1920 гг. Тогда продразверстка была введена сначала царским правительством, потом Временным, потом Советским. Никто не ссылался при этом на Православие, Демократию или «Капитал» Маркса, а успех определялся лишь способностью выполнить задачу. При таком подходе некоторые проблемы переносятся из острой фазы кризиса «в будущее». Там они должны быть разрешены в более благоприятной обстановке. Нередко в будущем об этих перенесенных из кризиса проблемах «забывают», что является грубой ошибкой.

Через год после начала кризиса следует признать, что методологический аппарат экономического блока правительства и его экспертов оказался непригоден для оценки уязвимости российской экономики. Вплоть до середины лета 2008 г. государство и общество следовали ошибочным представлениям об угрозе, перед которой оказалась Россия. Было потеряно много времени, и кризис застал страну неподготовленной. Требуется беспристрастная оценка применяемых в правительстве методов анализа и срочное устранение дефектов.

Так, на конец 2008 года значения индекса РТС прогнозировались на уровне 3000 пунктов. На деле 19 мая он был на отметке 2498 пунктов, а 26 декабря — 644,5 пункта, снизившись на 74,2%. Если отбросить предположение о недобросовестности сообщества финансовых аналитиков, приходится признать это сообщество несостоятельным в выполнении профессиональной функции предвидения.

Безосновательными были заявления о ближайших перспективах экономики РФ, сделанные на XII Международном Санкт-Петербургском экономическом форуме (6—8 июня 2008 г.). Эти заявления были подготовлены экспертами пра-

---

вительства на основании той прогнозной информации, которой они располагали. На Форуме Д.А. Медведев сказал: «В мире уже обозначились новые центры экономического развития. И Россия — это один из них, поэтому она намерена участвовать в формировании новых общих правил игры на мировом рынке. Поэтому уже в ближайшее время будет принят план превращения российской столицы в мировой финансовый центр, а рубль — в одну из ведущих резервных валют». Это было сказано за два месяца до начала обрушения российского фондового рынка. То же можно сказать и о части населения, которая под воздействием идеологической пропаганды и нефтедолларов соблазнилась возможностью жить в долг.

В течение последних двух лет сумма потребительских кредитов физическим лицам росла ежегодно более чем в полтора раза, сильно опережая рост доходов. К ноябрю 2008 г. кредиты банков физическим лицам составили 4,1 трлн. руб. Тут и грянул кризис. Но кто принимал решение создавать в России потребительскую лихорадку, для которой реальная экономика не давала никаких оснований? Ведь после 1991 г. в сельском хозяйстве число тракторов сократилось в три раза, а число легковых автомобилей в России возросло в три раза. Это и есть путь к нынешнему кризису.

Как видятся сегодня основные принципы антикризисной программы правительства? Кризис — это болезнь (общества, хозяйства, государства). Как и при болезни человека, на этот период необходимо создать особый тип жизнеустройства, качественно отличный от жизнеустройства стабильного времени. Глубина отличий определяется глубиной кризиса, однако, как правило, она недооценивается и государством, и населением. В результате необходимые изменения вносятся под давлением обстоятельств, без подготовки, в чрезвычайном порядке. Это приводит к лишним страданиям людей.

При серьезной болезни человека для защиты его организма применяются лекарства и процедуры, которые уничтожают болезнетворное начало или повышают защитные способности органов и тканей, а иногда временно замещают их искусственными устройствами (почка, легкие). В крайних случаях производят хирургическое вмешательство, изменяя саму структуру организма путем ампутации или трансплантации. Из этой аналогии следует, что защита населения от «болезни» кризиса не может быть достигнута просто посредством раздачи тех ресурсов, которые хозяйство и население получили в благополучное время. Распределение государством

денег, которые бы заменили прибыль, кредиты или зарплату, не может быть эффективным в принципе. Кризис требует изменения образа жизни. Это значит, необходимо создание новых социальных форм и ослабление или ликвидация (возможно, временная) тех социальных форм, которые провоцируют болезнь или усиливают болезнетворное начало.

Таким образом, защита от кризиса требует активной, целенаправленной и созидательной деятельности. Главной организующей силой в России реально может стать только государство. Советские общественные системы самоорганизации (партийные, профсоюзные и профессиональные организации, трудовые коллективы и пр.) разрушены, дееспособных новых не сложилось. Поэтому чрезвычайной антикризисной программой должно быть укрепление легитимности государственной власти. Она вовсе не так крепка, как кажется. Авторитет власти определяется двумя «срезами» реальности — объективными условиями жизни общества и восприятием этих условий. Оба эти среза важны, а иногда более важным является именно восприятие реальности.

В 90-е годы РФ переживала глубокий кризис легитимности власти. Проявлением его были раскол общества по отношению к режиму Ельцина, вспышки политического насилия, сепаратизм окраин, война в Чечне, аномальные масштабы преступности и коррупции, демографическая катастрофа. После 1999 года этот кризис стал смягчаться и «подмораживаться». Программа В.В. Путина была воспринята как преодоление ельцинизма, что успокоило страсти и породило надежды, авторитет власти вырос, хотя равновесие еще не было устойчивым. Сомнения не были рассеяны потому, что массивные процессы деградации основных фондов, систем жизнеобеспечения и социальной сферы продолжались. Однако восприятие реальности стало более оптимистическим, так как правление В.В. Путина, подслащенное нефтедолларами, оценивалось в сравнении с разрухой и беспорядком 90-х годов.

Теперь же, в условиях кризиса, более мрачными станут и оценка объективной реальности, и ее субъективное восприятие. Грядущие «тощие» годы будут сравниваться с всплеском конъюнктурного потребления 2003—2008 гг. и с несбывшимися надеждами «эпохи Путина». Если произойдет срыв в программах социальной защиты населения, если будут спровоцированы конфликты по всем трещинам, разделившим общество, то взаимодействие самых разных видов недовольства откроет дорогу «оранжевой» коалиции. Для ее усиления

в России есть кадры, информационная инфраструктура, идеологические и художественные средства, финансовая и технологическая поддержка из-за рубежа.

Подрыв легитимности нынешней государственной власти без шансов возникновения дееспособной альтернативной власти через революцию приведет к крупномасштабной системной катастрофе. Она ударит прежде всего по жизнеобеспечению населения, особенно социально уязвимой его части.

Трезво оглядывая прошедшие 8 лет, надо признать, что государство и общество не использовали данную нам судьбой передышку. Манна небесная нефтедолларов была пропита, проедена и промотана. Восстановления производства, систем жизнеобеспечения и кадрового потенциала проведено не было. Теперь наша судьба зависит от того, сможем ли мы организовать в условиях кризиса. Если сможем, то и на выходе из него наберем инерцию развития. Не сможем — будем ограблены уже подчистую. Чтобы организовать, необходим трезвый и честный диалог общества и власти без заклинаний насчет рынка и конкуренции. В.В. Путин как-то с уважением помянул Рузвельта. Тот в качестве первого шага к преодолению Великой депрессии сказал: «Давайте перестанем врать друг другу».

АФГАНИСТАН И РОССИЯ

О патриотичности

Нынешние российские СМИ перед каждой годовщиной вывода советских войск из Афганистана, находят все новых очевидцев афганской войны, освещающих ее только в черном свете. Некоторые из этих очевидцев, обладая весьма ограниченными сведениями об этой войне, пытаются преподнести войну в Афганистане как ошибочную, никому не нужную, и антипатриотичную. С тем, что эта война была ошибочной, можно согласиться, ибо она превратила большинство населения Афганистана, исторически дружественно к нам относящегося, в наших врагов. Но основными нашими противниками были не душманы, а США, с чьей помощью их воинские формирования готовились и оснащались. И «холодная» война США против Советского Союза превратилась в Афганистане в войну «горячую», ими спровоцированную. Но «очевидцы» об этом факте в лучшем случае не упоминают, в худшем — опровергают. Свидетельства таких «очевидцев» легли в основу самого раскрученного блокбастера «9-я рота», и это «правдоподобное» вранье принесло неплохие дивиденды его создателю, Федору Бондарчуку. Я тоже очевидец войны в Афганистане, принимавший там участие в боевых действиях бо-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

лее трех лет, но не в составе 40-й армии, а в составе вооруженных сил ДРА. В моем личном деле записано, что я «проходил действительную военную службу на территории ДРА с 10 июня 1981 года по 29 июля 1984 года в качестве военного советника по боевому применению авиационного вооружения». В этом качестве я обязан был добиваться повышения эффективности этого вооружения при проведении боевых действий авиации в различных районах Афганистана. Дважды в месяц я был оперативным дежурным от советников по штабу ВВС и ПВО и должен был контролировать выполнение плана полетов по всей территории Афганистана. В мои обязанности входило через средства связи добиваться своевременности вылетов на нанесение авиацией ДРА ударов, сопровождение автоколонн, перевозку грузов и личного состава, вывозку раненых. Кроме того, сразу по прибытии в Афганистан, я был избран заместителем секретаря парторганизации советников училища ВВС и ПВО, что дало мне возможность присутствовать на партактивах советников Вооруженных Сил ДРА и получать всестороннюю информацию о военной, политической и экономической обстановке во всех районах Афганистана. Некоторое время в связи с неожиданным отъездом секретаря парторганизации я выполнял его обязанности, но затем отказался, несмотря на уговоры советника начальника политотдела училища. Я считал, что эти обязанности будут помехой в выполнении моей основной работы.

На каждой войне кто-то должен ходить в атаку с оружием в руках, а кто-то должен объяснять, как этим оружием пользоваться. А мне приходилось не просто объяснять в классах, но и показывать лично летчикам и вертолетчикам на аэродромах, как, в каких условиях и сочетаниях целесообразней использовать вооружение самолетов и вертолетов: бомбы, ракеты, пушки, пулеметы, прицельные системы. Перед советниками стояла непростая задача — тяжесть боев максимально переложить на афганскую армию. Большинство из них эту задачу добросовестно реализовывало, несмотря на тяжелые условия службы в Афганистане. Даже в Кабуле, расположенном на высоте почти двух тысяч метров над уровнем моря, летом — 50-градусная жара, в долине Джелалабада к этой жаре добавляется высокая влажность, а в Кандагаре сушь пустыни. Поэтому многие из советников, как и военнослужащие 40-й армии, побывали в госпиталях не только по ранению, но и вследствие тяжелых заболеваний. В период моей службы в Афганистане всевозможные инфекционные заболевания, такие, как тиф, желтуха, малярия, были не ред-

---

кость. Ими заболели не только советники, но и члены их семей. Например, моего сына, заболевшего малярией, летом 1983 года пришлось транспортировать в Москву из центрального госпиталя Министерства обороны Афганистана, в котором он находился под капельницей с 40-градусной температурой. А мне самому зимой того же года пришлось месяц проваляться в холодных бараках советского инфекционного госпиталя, отгороженного колючей проволокой от взлетно-посадочной полосы кабульского аэродрома. Рядом со мной лежал подполковник, болевший одновременно тифом и желтухой. Он, как и я, выздоровел. Но такие заболевания, как правило, бесследно не проходят, потому и многие участники войны вследствие не только ранений, но и заболеваний раньше времени стали инвалидами. Вот только кто на это внимание обращает сейчас? Ведь считается, что мы в Афганистане не Родину защищали, а участвовали в «несправедливой» войне. Но по отношению к кому она была несправедливой? Может, по отношению к США? Ведь именно противостояние СССР и США привело к этой войне. Почему наша помощь Вашингтону в войне с талибами — это хорошо, а наша война с душманами — плохо? К тому же основным нашим противником были не душманы, а США, Иран и Саудовская Аравия, с которыми Советскому Союзу экономически тяжело было тягаться.

Американцы и арабы обеспечивали функционирование 80 центров по военной подготовке душманов в пограничной с Афганистаном пакистанской провинции Пешавар, а лидеры иранских мусульман, провозгласившие в 1979 году священную войну с США, после ввода наших войск превратились в их союзников. В результате на ирано-пакистанской границе к 1981 году возникло еще 19 таких центров, обеспечивавших деятельность бандформирований в западных провинциях Афганистана. Если бы не эти центры, то не было бы никакой войны в Афганистане. Но дать согласие на нанесение ударов по этим учебным центрам, расположение которых было хорошо известно, политическое руководство СССР не решалось, опасаясь военного вмешательства в войну регулярных войск Пакистана и Ирана.

Почти полумиллионная пакистанская армия имела на вооружении 1249 танков, 3127 орудий и 515 боевых самолетов и вертолетов, а два из семи корпусов пакистанских вооруженных сил были нацелены на Афганистан. Численность же иранских вооруженных сил, с учетом 250-тысячной армии стражей исламской революции, составляла 800 тысяч. Но и без военного вмешательства иранских и пакистанских воо-

---

руженных сил США весьма эффективно вели войну в Афганистане руками душманов, используя центры их военной подготовки. Ныне они воюют в Афганистане сами против тех же душманов, стремясь установить контроль над богатейшими природными ресурсами этой страны.

Афганская война ослабила Советский Союз экономически и в какой-то мере подготовила условия для последующего его территориального раздела. Но если США стремились превратить Афганистан в очередную страну, обеспечивающую благополучие американцев, то лидеры мусульман, забыв на время религиозные разногласия между шиитами и суннитами, имели другие цели. Ныне военные базы США продвинулись уже в Среднюю Азию, стремясь превратить и этот регион в источник благополучия американцев. Героиневый поток, текущий в Россию из Афганистана и превративший почти миллион жителей России в наркоманов, вполне устраивает Вашингтон. И то, что в Афганистане ныне готовят боевиков для войны на Кавказе, также вполне устраивает США. Их устраивает все, что ослабляет Россию как государство.

Осенью 2005 года, когда первый президент СССР Михаил Горбачев праздновал в США (!) 20-летие «нового мышления», на экраны кинотеатров вышел фильм о гибели в Афганистане бойцов 9-й роты 345-го воздушно-десантного полка. В действительности, рота не погибла, а с минимальными потерями (6 человек) отразила все атаки душманов. Может быть, режиссер Федор Бондарчук перепутал эту роту с 6-й ротой 76-го воздушно-десантного полка, погибшей в Чечне? Конечно, нет. Но сказать правду о чеченской войне — значит, пойти против президента России, давшего установку всех чеченских бандитов «мочить в сортире». Вот телесериал «Мужская работа», в котором Федор Бондарчук играет главную роль, президентской установке вполне соответствует. Это в Афганистане в соответствии с этой установкой может погибнуть целая рота, но не в Чечне. Вот поэтому, по Бондарчуку, в Афганистане против душманов воевали аморальные личности, главной потребностью которых являются водка и секс, а в Чечне выполняют мужскую работу и «мочат» тех же душманов настоящие мужчины.

«Творчество» Федора Бондарчука не осталось незамеченным президентом. Федор Бондарчук и вся его команда были приняты в Кремле президентом, после чего «творческие» возможности его неизмеримо возросли. Если на постановку фильма «9-я рота» было затрачено 9 миллионов долларов, и для съемок был выбран Крым, то ныне он получил практи-

---

чески неограниченное финансирование и возможность раскатывать по всей Европе. В его будущем фильме участвуют не только отечественные, но и иностранные кинозвезды, а съемки проводятся не только в России, но и в других странах. Но воевать в Чечне, по Бондарчуку, — это патриотично, а в Афганистане — нет.

С кем и за что мы воевали в Афганистане?

Июнь 81-го. Я прибыл в столицу Афганистана в качестве военного советника. Меня и мою семью поселяют в охраняемых афганцами домах нового микрорайона (старого микрорайона для размещения аппарата советников и их семей уже стало не хватать). В Кабуле по ночам идут уличные бои, и разноцветные автоматные трассы проходят мимо окон пятиэтажек. В подъезд соседней пятиэтажки попадает ракета, выпущенная из гранатомета. Вылетают стекла. К утру, стрельба стихает, и город возвращается к мирной жизни.

Афганцам не привыкать к войне. Это их привычный исторически-сложившийся образ жизни. Но только за прошедшие с середины XIX века столетия англичане отвоевали у них и сделали своими колониями половину самой густонаселенной территории Афганистана, населенной пуштунами. Кроме пуштунов (афганцев), составляющих более половины населения, в Афганистане проживает еще около 20 народов и народностей различных языковых групп. На северо-востоке страны живут таджики (около 20% населения), на севере — узбеки и туркмены, в центре — хазарейцы (около миллиона). Пуштунов или, как их еще называют, афганцев живет или кочует по стране около 7 миллионов из 16-миллионного населения. Теперь две трети афганцев-пуштунов (около 15 миллионов) живут за линией Дюранда, не признаваемой афганцами за границу. Договор об отторжении этих территорий (в основном теперь пакистанских) был заключен после второй англо-афганской войны. Договор этот был навязан Афганистану миссией Мортимера Дюранда, секретаря по иностранным делам колониальной Индии. Несмотря на поражение англичан в этой войне, миссия Дюранда, подкрепленная военными угрозами и подкупом афганской знати, увенчалась успехом для англичан и разделением афганского народа. Даже крупные пуштунские племена оказались разделенными линией Дюранда. Но кочевые и полукочевые племена и сегодня свободно перемещаются через не признаваемую ими границу. И никто не пробует помешать им, устроив на путях традиционных кочевий пропускные пункты и

таможни, ведь все пуштуны с детских лет носят оружие. День, когда их разделили линией Дюранда, никто и не подумает праздновать как День независимости Афганистана. В нашей же стране разделившая нас «элита» пытается выдать черное за белое, и навязала народу «праздник» по поводу его разделения, назвав Днем независимости России, Украины, Казахстана... В России потихоньку убрали слово «независимость» из названия «праздника» разделения, но суть от этого не меняется.

Между тем государственная независимость Афганистана впервые была признана именно Россией в 1919 году, и афганцы с тех пор считали нашу страну им дружественной. Даже ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан первоначально не встретил никакого противодействия. По словам моего предшественника по советнической деятельности Эдуарда Моисеенко, где-то с полгода в Афганистане практически не было никаких военных действий. Но в стране, живущей по средневековым укладам, наши политики вздумали насаждать колхозы и проводить безумную земельную реформу. Причем по этой реформе землю неимущим афганцам дали, а воду и средства для ее обработки не дали. Ну а когда вздумали вмешаться в религиозные убеждения афганцев антирелигиозной пропагандой, это явилось одним из решающих причин начала военных действий в Афганистане, как этого и желали в Вашингтоне. Ведь американцы спровоцировали афганскую войну. Они стали вести переговоры с руководством довоенного Афганистана о размещении военных баз на его территории (в действительности они не собирались этого делать). «Американские базы в подбрюшье СССР? Не бывать этому!» — так решили в Кремле. В результате 27 декабря 1979 года состоялся штурм дворца Амина группой «Альфа», и затем ввод ограниченного контингента советских войск.

Ныне система «Альфа» разрослась в многотысячную армию охранников частных охранных предприятий, охраняющих тела и имущество российской «элиты», а американцы начали размещать свои военные базы в Средней Азии, то есть в подбрюшье уже России. Возможно, придет время, когда продажная российская «элита» позовет американцев и в Россию, потому что безопасность России эту «элиту» волнует значительно меньше, чем личная безопасность и безопасность их вкладов в западных банках.

После ввода советских войск в Афганистан в пакистанском Пешаваре был создан координационный центр моджахедов, работающий под руководством советников США. Че-

---

рез этот центр душманы получали материальную помощь около миллиарда долларов ежегодно. Приграничные районы с Пакистаном, населенные пуштунскими племенами, были превращены с американской помощью в арсенал оружия и центр подготовки военных формирований душманов. На севере, в Панджшерском ущелье, создал армию бывший владелец плодородной долины реки Панджшер и алмазных копей Ахмад-шах Масуд, ставший самым серьезным нашим противником. На доход от добычи алмазов с принадлежавших ему алмазных копей он и содержал целую армию, покупая оружие в Пакистане. В начале 1984 года было заключено временное соглашение о прекращении огня в Панджшере, срок действия которого истек 21 апреля. По данным разведки, к этому моменту Ахмад-шах имел 1208 хорошо вооруженных отрядов общей численностью 52 тысячи человек, составлявших основное ядро его армии, и около ста тысяч человек насчитывали его так называемые отряды самообороны. Притом 207 отрядов, состоящих из специалистов, прошедших трех- и шестимесячные курсы, общей численностью около четырех тысяч человек пришли из Пакистана. Там в военизированных лагерях находилось около четырех миллионов беженцев из Афганистана. Из этих беженцев 80 учебных центров, руководимых американскими советниками, готовили пополнение для бандформирований и возвращали в Афганистан. Только постоянный состав этих учебных центров составлял около 20 тысяч человек.

Если наши автоколонны, следующие через перевал Саланг на Кабул, не имели вертолетного прикрытия, то они уничтожались душманами Ахмад-шаха. Но сбивались и наши вертолеты, причем чаще всего не американскими «Стингерами». Высокогорье вертолеты вынуждены были преодолевать ущельями, где их в упор расстреливали душманы пулеметами ДШК. Поэтому вертолеты летали только парой, прикрывая друг друга. Мой товарищ Конакбаев, советник командира танковой бригады, пояснил мне, почему сопровождение бронетехникой в условиях Афганистана неэффективно. Следующую по ущелью колонну очень просто сверху забросать бутылками с горючим. После этого разговора я никогда не выбрасывал в мусор бутылки, предварительно не разбив их. Сбором бутылок с мусоросборников в микрорайоне советников занимались афганские мальчишки.

Немало танков было сожжено этими бутылками. Но немало танков было просто оставлено на поле боя и захвачено душманами Ахмад-шаха. Танковая бригада состоит из двух полков. Летом 1983 года в бригаде моего товарища Конакба-

---

ева командир танкового полка Гуль Ака оставил на поле боя 5 танков и БТР, объяснив этот случай отсутствием горючего и неисправностями. Душманы нашли горючее, и у Ахмадшаха появились свои танки, а после вывода советских войск и своя авиация. Боевая техника и оружие эксплуатировалась безграмотно, поэтому и возникали многочисленные неисправности, которые в афганской авиации приводили к авариям и катастрофам. Например, в 1982 году произошло 4 катастрофы и 6 аварий. Но как научить грамотной эксплуатации сложнейших систем вооружения через переводчика, который в этих системах ни бельмеса не смыслит? За первые полгода у меня сменилось три переводчика, из которых лишь с первым, москвичом Юрой Волковым, можно было работать. Он не только отлично знал язык, но и до института иностранных языков отслужил срочную авиамехаником, то есть был в какой-то мере технически подготовлен. Последним переводчиком у меня был грузин Лукидзе, который даже русский плохо знал, в технике был круглый ноль, а афганский практически не знал, потому что краткий курс персидского языка прошел в Тбилисском университете на историческом факультете. Хорошо, что я к этому времени уже мог изъясняться с афганцами на дари. Изучал этот афганский диалект персидского языка по русско-персидскому и военнотехническому русско-дари словарям. Большую помощь в этом мне оказали знающие русский язык афганцы. В Афганистане два государственных языка: пушту (афгани) и дари (афганский диалект персидского языка, на котором говорят таджики). Почему в афганских учебных заведениях обучение вели на дари, а не на языке пуштунов, несмотря на то, что в Афганистане это язык большинства? Потому что персидский язык несравненно богаче языка пуштунских племен, к тому же на языке Омара Хайяма предпочитала изъясняться афганская аристократия. Именно ее представители имели возможность учиться. При монархии за учебу в Советском Союзе королева брала взятку 150 тысяч афгани (около 5 тысяч долларов), а за учебу на Западе (США, Франция, Великобритания) полмиллиона афгани. Офицеры в армии Афганистана были в основном из аристократических семей. Мы пытались изменить это соотношение, рекомендуя направлять на учебу в Советский Союз выходцев из простых семей, но аристократическая прослойка руководства афганской армии этому всячески сопротивлялась.

Во времена моей советнической деятельности в Афганистане на вооружении афганских ВВС было около полтора сотен самолетов и вертолетов самых различных типов, лет-

---

но-технический состав которых готовился в кабульском училище ВВС и ПВО. В Кабуле базировались транспортный (Ан-8) и вертолетный афганские авиаполки. Мне часто приходилось бывать в Баграме, где базировался полк истребителей-бомбардировщиков МиГ-21 бис и СУ-22 м. Кроме того, имелись учебные авиаполки МиГ-17 и Л-39, также принимавшие участие в боевых действиях. И если самолет МиГ-17 имел авиапушку НР-37, то Л-39 (учебный самолет чешского производства) стал учебно-боевым после конструктивной доработки, заключающейся в оснащения его подвеской ракетных блоков УБ-16. Всего на вооружении ВВС ДРА состояло около 150 самолетов и вертолетов. Сухопутные войска имели на вооружении около 6 тысяч танков и БТР. Впоследствии, когда Ахмад-шах Масуд станет союзником Вашингтона в борьбе с талибами, возглавив Северный Альянс, почти все это вооружение достанется Северному Альянсу, а Кремль начнет поставлять душманам Ахмад-шаха боеприпасы.

Душман в переводе с афганского — бандит, а талиб в переводе с арабского — «ищущий», стремящийся к пределу, к пределу исламского совершенства. Движение «Талибан» зародилось в середине 80-х в лагерях афганских беженцев. Основа движения — пуштунские племена. В лагерях активно работали американские инструкторы, обучая талибов убивать «шурави» (советских). Для американских инструкторов, все те, кто убивает «шурави», были сарбозами (солдатами), для нас — душманами. Ныне воинственные пуштунские племена стали помехой для американцев. И Аль-Каида тут ни при чем. За штурвалами самолетов, таранивших американские небоскребы, сидели выходцы из Саудовской Аравии, а не пуштуны. Американцам нужен был марионеточный Афганистан, а не независимое государство, пусть даже мусульманское, которое пытались создать талибы. Саудовская Аравия, Кувейт и Арабские Эмираты ведь тоже мусульманские государства, в которых и не пахнет демократией, но оттуда в Америку идет нефть, поэтому власть свергать там Вашингтон не намерен. А Афганистан невероятно богатая природными ресурсами страна, которые очень желает прибрать к американским рукам Вашингтон. В ее недрах находятся не только крупные запасы нефти и газа. Запасы серебра и меди оцениваются как крупнейшие в мире. В горах россыпи драгоценных камней: луниты — афганские алмазы (крупнейшее месторождение в Панджшере), самые ценные изумруды (зеленого цвета) и др. Все это стремятся прибрать к рукам американцы. Вот почему им не угодили талибы.

Нам же именно американцы срывали поставки нефти и газа в Советский Союз, руководя из координационного центра моджахедов в Пакистане их диверсионной деятельностью. Американские советники разработали руководство по диверсионным действиям и планировали эти действия, а американские инструкторы обучали диверсантов, которые по их указанию осуществляли диверсии в первую очередь на объектах советско-афганского сотрудничества. К примеру, только за 1983 год на газопроводе, идущем с Афганистана в Среднюю Азию, было произведено 11 диверсий, приведших к потере свыше 150 миллионов кубометров газа, за который мы расплачивались продовольствием, техникой, строили школы, предприятия, дороги, бурили артезианские скважины.

Жестокие расправы душманов над представителями власти на местах, учителями, врачами, рабочими предприятий приводили к тому, что население сосредотачивалось в городах. Например, в 1983 году душманами было уничтожено 1800 школ, и из 19 тысяч учителей половина находилась в Кабуле. Несмотря на то, что 80% территории контролировалось душманами, городское население продолжало относиться к нам дружелюбно. Этому способствовала экономическая помощь СССР Афганистану. А была она весьма существенной. Советник начальника тыла Вооруженных сил ДРА генерал Коломийцев в своем выступлении на партактиве в июне 1981 года отмечал: «По службам тыла в порядке оказания безвозмездной помощи было перевезено 45 тысяч тонн зерна, 3 тысячи тонн сахара, 40 тысяч тонн горючего, 100 тысяч тонн чая». И такая помощь все возрастала. При этом рос и товарооборот. Например, поставки продовольствия в Афганистан в 1983 году возросли в 4,4 раза, а поставки машин и промышленного оборудования в 4,6 раза. Но поставки из Афганистана в СССР, особенно газа, постоянно срывались. Мы воевали в Афганистане за то, чтобы он был дружественным нам государством, за то, чтобы из Афганистана в СССР шел газ, а не наркотики и террористы.

Ныне все перевернулось. Россия не только помогает американцам «осваивать» Афганистан, но и опустошает свои недра для американцев и их союзников по НАТО. И как могут создатели международного терроризма быть нашими союзниками? Во время моей службы в Афганистане афганский пассажирский самолет был сбит (в 1984 году) в районе Кандагара американской ракетой, и при этом погибли 52 пассажира. Войну американцы всегда вели по всему земному шару с народами, поощряя для этого терроризм. Еще в октябре 1957 года в США был принят закон «О взаимной

безопасности». В нем, в частности, утверждается, что терроризм вполне правомерен как инструмент государственной политики. Сей документ, который никто не отменял, действует и сегодня, поощряя разбой, насилие, убийства как внутри США, так и за их пределами. Это является сутью американской политики на Ближнем и Среднем Востоке, как и в других районах земного шара.

Да, в результате политических ошибок война в Афганистане дорого обошлась нам. Самолет с грузом «200», прозванный «Черным тюльпаном» (по наименованию похоронного агентства в Ташкенте), постоянно курсировал между Кабулом и Ташкентом. К выводу советских войск из Афганистана (к 15 февраля 1989 года) наши потери составили: убитыми — 13833 человека, более 50 тысяч было ранено, около 6 тысяч скончались от ранений и болезней, свыше 10 тысяч стали инвалидами, 287 пропали без вести. Эти потери были бы в десятки раз меньше, если бы не американская помощь душманам. Но эти потери в десятки раз меньше тех человеческих жертв, которые весь наш народ несет в продолжающейся войне на Кавказе. Если в Афганистане гибли и пропадали без вести только солдаты, выполняющие свой долг по защите Родины за ее рубежами, то в Кавказской войне гибнут и пропадают без вести не только солдаты российской армии, но и мирные граждане России, причем в самой России. **«За последний месяц в Чечне похищено 116 человек»**, — сообщали «Аргументы и Факты» (2005 г., №46). Сравните, за 9 лет в Афганистане пропало без вести 287 солдат, а только за один месяц в Чечне было похищено 116 человек! Но война-то шла и продолжает идти не только в Чечне, но и в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Осетии, Ингушетии... Так что официальные цифры о потерях нужно, по крайней мере, утраивать.

В Афганистане мы не бросали своих погибших солдат, как это показано в фильме «9-я рота». В бою под Хостом 9-я рота не понесла поражения, а одержала победу. Ее выручили пришедшие своевременно на помощь подкрепления, ей оказали огневую поддержку артиллерия и авиация, в результате поражение потерпели душманы, а не 9-я рота. В предисловии к фильму сказано, что он основан на документальных фактах. На беспардонном вранье основан этот фильм, а не на документальных фактах. Даже когда мы терпели поражение, то вывозили не только раненых, но и тела погибших товарищей. Например, когда в бою под Ургуном летом 1983 года афганская 38-я бригада потерпела поражение от душманов, и советника бригады с его переводчиком афганцы бросили на поле боя, их затем все-таки вывезли

вертолетами живыми и невредимыми. Однако живыми и невредимыми советникам выходить из боя удавалось не всегда. Многие получали ранения, а 180 советников погибли. Мне приходилось быть оперативным дежурным по афганскому штабу ВВС, и не было такого случая, чтобы с самых удаленных точек не вывезли раненых афганцев, не говоря уже о наших солдатах. При необходимости менялась плановая таблица полетов для оказания авиационной поддержки афганской авиацией и нашим подразделениям. Наша армия тогда была значительно боеспособнее по отношению к той, которую мы имеем сегодня. И государство заботилось о защитниках Отечества несравненно больше, чем государство, которое мы имеем сегодня.

Приведу пример из боевых действий в той же провинции Хост, в которой по желанию Федора Бондарчука якобы погибла 9-я рота. На афганскую армию для перевозки грузов постоянно работала наша эскадрилья военно-транспортных самолетов Ан-10. Через каждые 6 месяцев происходила замена этой эскадрильи. Летом 1984 года в Афганистан на смену эскадрильи с Украины прибыла эскадрилья с дальневосточного аэродрома Завитая. Один из бортов этой эскадрильи разгрузался в Хосте, когда аэродром подвергся минометному обстрелу душманами. Уже при вырубивании на взлетную полосу по правому борту упала мина, осколками которой был убит правый пилот и ранены еще три члена экипажа: командир, радист и борттехник. У командира осколок застрял в правом предплечье, и ему около трех часов пришлось вести самолет левой рукой до аэродрома в Кабуле, причем на ручном управлении, так как из-за разгерметизации кабины невозможно было в гористой местности набрать безопасную высоту полета и перейти на автопилот. Вплоть до посадки в Кабуле с бортом непрерывно держалась связь, и пара вертолетов готова была вылететь на тот случай, если бы пилоту не удалось довести самолет.

Посадка поврежденного борта из Хоста мне запомнилась хорошо не только потому, что совпала с моим дежурством по штабу ВВС, но и потому что аэродром Кабула закрыли на ремонт взлетно-посадочной полосы. Мне пришлось принимать меры, чтобы освободить ВПП от ремонтной техники. Был выходной день, но советник командующего ВВС и ПВО генерал-лейтенант Сафронов после моего доклада собрался прибыть на аэродром. И не дай бог, если бы мне своевременно не удалось освободить полосу, и борт, ведомый раненым пилотом, ушел бы на второй круг... Уж очень крутой был генерал.

Уже с 1982 года я стал обходиться без переводчика, а в 1983 году даже провел открытое занятие на дари с группой курсантов училища ВВС и ПВО в присутствии советников и переводчиков этого училища. В Афганистане в разговорах с афганцами я получал самые разнообразные сведения. Например, как используются расхождения в религии воюющими группировками для привлечения на свою сторону населения. Известно, что религиозные противоречия могут использоваться для разжигания гражданской войны внутри государства с последующим разделением его на части.

Для мусульман обязательна пятикратная молитва, во время держания рузы (мусульманского поста. Причем пищу принимать держащим рузу мусульманам разрешается лишь ночью. У христиан же — другие обычаи. Какая же при этом будет боеспособность армии в целом? В армии ДРА находилось 4,5 тысячи штатных мулл и 2,5 тысячи нештатных. Наличие муллы в частях и даже подразделениях было обязательно, но это были проповедники только ислама, влияние которого на солдата-мусульманина было больше, чем командира. Когда летом 1981 года командующий ВВС ДРА обратился к главному мулле с просьбой разрешить летному составу, участвующему в боевых действиях, не держать рузу, тот ответил отказом. И сразу возникли проблемы, потому что не выпавшиеся и голодные летчики, которые лишь ночью могли принимать пищу (притом, только постную), уже со второй половины дня не могли физически вылетать на сопровождение колонн и нанесение боевых ударов, вывозку раненых, перевозку грузов и т.д. В то же время душманам, для ведения партизанской войны по ночам руза не мешала, а помогала. Магомед, который много воевал, стремясь объединить под знаменем ислама арабов, ввел запрет на принятие пищи во время поста днем потому, что осуществлять переходы войск в пустыне днем невозможно. Мясо в жару быстро разлагается, особенно свинина, отсюда и запрет на употребление свинины. К тому же содержать свиней на марше весьма затруднительно, а стада овец можно перегонять вслед за войском.

Одной из задач, которые ставились перед военными советниками, была организация набора в армию. Несмотря на то, что солдатам за службу в афганской армии неплохо платили, набор осуществлялся принудительно с параллельной зачисткой района от душманов. В Кабуле и близлежащих к нему населенных пунктах привлекали для зачисток курсантов военных училищ. В училище ВВС и ПВО для этих целей было сформировано два батальона: один из курсантов авиационного факультета, другой из курсантов двух других фа-

---

культетов (ПВО и связи). Колонна в составе этих батальонов на крытых автомашинах выдвигалась ночью в район работы, и после оцепления района (поселка) с рассветом проверялись дома на предмет уклоняющихся от призыва. При зачистке района приходилось учитывать законы шариата и традиции мусульман. Например, на женскую половину дома ходить чужим мужчинам нельзя, поэтому вместе с курсантами работали афганские комсомолки — члены ДОМА (демократической организации молодежи Афганистана). Выглядели они в составе боевых подразделений, мягко говоря, необычно — с автоматами, в черных чулках и черных платках, замотанных вокруг шеи, и без паранджи. Хотя указом шаха обязательное ношение чадры было отменено еще в 1959 году, большинство женщин еще носили ее. Наличие вооруженных женщин, да еще без паранджи, среди мужчин вроде как уравнивало их, а по корану женщина на 49 ступенек ниже мужчины. Комсомолки проверяли женскую половину дома. Но в дом еще нужно было войти, а сделать это было непросто. Каждый дом, как крепость. Обожженные палящим солнцем глинобитные дувалы трехметровой высоты с прорезями для дверей и глинобитные дома вызывали удивление своей прочностью. Такие объекты, служащие пристанищем душманов в горах, летчики называли крепостями. При нанесении бомбовых и ракетных ударов по таким крепостям для их разрушения даже разрабатывалась нами специальная методика. При зачистке районов вход с улицы в эти «крепости» порой открывался только после обещания бросить гранату. Впрочем, гранату можно было получить и со стороны хозяев. А стекающие вдоль дувалов нечистоты, вонь и рой мух делали подобную работу не только опасной, но и крайне неприятной.

Несмотря на предпринимаемые усилия, только в Кабуле количество новобранцев соответствовало плану набора, в других же районах Афганистана положение с набором было просто провальным. На совещаниях, проводимых с советниками на различных уровнях, неоднократно говорилось о том, что основная часть борьбы с мятежниками лежит на нашей 40-й армии, так как укомплектовать части афганской армии не удастся. Отмечалось, что в армии все возрастает дезертирство. Так, в июне 1981 года сразу после прибытия в Кабул я угодил на совещание при Дарламане (афганском министерстве обороны). На нем главный военный советник генерал армии Сорокин отмечал, что зона «Юг» (Кандагар) дает лишь по 500 призывников при плане в 20 тысяч, а Северо-запад (провинция Герат) за первые несколько месяцев года

выполнила план набора лишь на 4 процента. На другом подобном совещании летом 1983 года советник из 15-й пехотной дивизии Корнеев привел данные по дезертирству в этой дивизии: «Если за 1982 год дезертировало в дивизии 586 человек, из них с оружием 64, 1983 год дезертировало 732 человека, из них с оружием 59 человек». А в марте 1984 года главный военный советник генерал армии Салманов (сменивший Сорокина на этом посту) отмечал, что дезертировало из афганской армии за 1983 год почти 7 тысяч военнослужащих. Удивительно, но ныне случаев дезертирства из Вооруженных Сил России значительно больше. Только контрактников в 2008 году дезертировало из российской армии около 7 тысяч человек, а с учетом дезертиров срочной службы их число значительно превышает дезертирство из армии ДРА. Это говорит о том, какую армию мы сегодня имеем, а также о том, насколько развито у нынешних «защитников Отечества» чувство патриотизма.

Война на Кавказе как продолжение афганской войны

Директор ФСБ России Александр Бортников на заседании Национального антитеррористического комитета назвал приоритетной задачей по предотвращению кризисной ситуации на Северном Кавказе реализацию мер «по нейтрализации преступных действий бандгрупп, а также по пресечению каналов их идеологической и финансовой подпитки с целью ослабления ресурсной базы бандподполья, и затруднения рекрутирования ими новых членов». Источником внешней угрозы он назвал афгано-пакистанский регион. То есть, по данным ФСБ, на момент проведения заседания (февраль 2009 года) именно там расположена основная ресурсная база душманов Кавказа. Однако базой для рекрутирования новых членов бандформирований после вывода наших войск из Афганистана стал не только этот регион и Кавказ, но и вся мусульманская Средняя Азия всё постсоветское пространство, включая Россию. В Чечне воевали на стороне душманов украинцы и прибалты. Во время кратковременной войны с Грузией в составе грузинской армии находились украинцы, и Украина участвовала в этой войне на стороне Грузии, помогая грузинской армии поставками военной техники и своими военными советниками. Даже афганцы, бежавшие в Советский Союз после вывода 40-й армии из Афганистана, являются базой для подготовки кавказских душманов. После вывода советских войск из Афганистана целая армия (около 150 тысяч) никому не нужных афганцев-бе-

---

женцев оказалась в Советском Союзе. Большая группа бывших афганских офицеров осела в Москве.

Мы ушли из Афганистана, но войну с талибами там продолжили американцы. Мы когда-то не хотели, чтобы в подбрюшье Советского Союза появились американские военные базы, но в Баграме, где была наша авиабаза, ныне авиабаза американская. Афгано-таджикская граница все более напоминает линию Дюранда, отделяющую Афганистан от Пакистана. По обеим сторонам линии Дюранда — пуштуны. По обоим берегам неширокой пограничной реки Пяндж — таджики. И таджики, и пуштуны — мусульмане-сунниты, поэтому им нетрудно договориться. Таджикистан с развалом Советского Союза стал беднейшей страной постсоветского пространства, наводнившей Москву и Подмоскowie не только сверхдешевой рабочей силой, но и наркотиками из Афганистана. Половина этой рабочей силы с вовлечением России в мировой кризис становится ненужной и способствует возрастанию преступности на ее территории. До вывода наших войск из Афганистана поступления героина с его территории в Россию и роста его производства практически не было. По данным Комитета ООН по наркотикам, с вводом коалиционных войск НАТО (2002 год) за 5 лет производство героина в Афганистане возросло в 2,4 раза, достигнув к 2008 году 8,2 тысячи тонн в год, что составляет более 90% мирового производства героина. А то, что практически весь этот героин поступает в Россию, наводит на мысль — а не с помощью ли американцев происходит наркотизация России? Ныне в России, только по официальным данным, почти миллион наркоманов, и ежегодно погибает от применения наркотиков граждан России больше, чем советских солдат во время афганской войны. Так не был ли вывод войск из Афганистана еще большей ошибкой, чем их ввод?

Я помню, как в Кабуле один из моих афганских офицеров решил подарить мне наркотаблетку для устранения зубной боли. Затем он долго жил в Москве. Но ныне я не знаю, где он и чем занимается. Вряд ли легальным бизнесом. Возможно, движимый чувством обиды на бывших друзей, он помогает талибам в военной подготовке душманов для бандформирований Северного Кавказа. А почему талибы стали для России международными террористами? Да потому, что Россия помогает американцам воевать против них. Вот только не проиграют ли США, а вместе с ними и Россия, эту войну? Прежде, кроме Пакистана и Ирана, душманам помогал даже Китай, создавая отряды из хазарейцев. Ныне даже официальный Пакистан опасается поддерживать США в их войне

с талибами. Ведь талибы — это в большинстве своем пуштуны, которых в Пакистане 15 миллионов! Движение Талибан, как и Аль-Каида, фактически созданное ЦРУ США, ныне контролирует 80% территории Афганистана. Даже в Кабуле официальные власти не контролируют ситуацию. За день до визита в Кабул нового специального представителя США в Афганистане и Пакистане Ричарда Холбрука талибы атаковали ряд правительственных учреждений в Кабуле. Погибли 7 талибов, а потери защитников правительственных учреждений составили 27 убитыми и более 60 ранеными. По сообщению корреспондентов, «в городе царит атмосфера страха и паники». При этом подавляющее большинство населения (даже враждующие с талибами представители Северного альянса) враждебно относится к американцам и их союзникам. По соглашению с США Россия разрешила транзит невоенных американских грузов в Афганистан, поддерживая тем самым США в войне с талибами. Но разве выгодна нам победа в этой войне американцев? Ведь они не уйдут после этого из Средней Азии, а наоборот, развернут там новые военные базы.

Афганистан стал для России основным поставщиком наркотиков и базой подготовки душманов Кавказа, то есть враждебной России страной. Сделать Афганистан дружественным России можно и нужно. Но для этого необходимо прекратить поддерживать войну американцев против талибов в Афганистане, потому что это война с большинством его народа. В результате такой «борьбы с международным терроризмом» будет возрастать не только поток наркотиков и террористов, текущий с территории Афганистана в Россию, но и количество американских военных баз в Средней Азии. Добыча нефти американскими компаниями на севере Казахстана уже происходит под охраной американской военной базы. Вот что рассказал по этому поводу мне уроженец Гурьева, который теперь казахи переименовали в Атерау и нарекли своей нефтяной столицей: «Американская компания «Шеврон» полностью выкупила большинство месторождений наземных, тех, что перспективные были. И составили такие соглашения о разделе продукции, по которым Казахстан остался с 5% от всего. Американцы взяли в аренду на 40 лет эти недра. А для охраны этих месторождений они свою военную базу в Атерау разместили». И руководство Казахстана не протестует против присутствия американских военных на его территории. Оно, как и руководство России, разрешило снабжение американских войск в Афганистане через свою территорию. Но в дальнейшем США будут доби-

---

ваться расширения своего военного присутствия в Казахстане, особенно по границе с Россией. Северный Казахстан — это южная Сибирь, по которой проходит часть Транссиба. Угроза блокады Транссиба американцами в случае размещения там их военных баз будет означать их контроль над основными природными ресурсами России. Сегодня это кажется маловероятным, но это часть стратегического плана США в отношении России. Новый президент США Барак Обама не собирается уменьшать расходы на армию, которые выше, чем расходы на содержание всех армий мира вместе взятых. Военный бюджет России по сравнению с американским военным бюджетом — мизерный. Американская армия в связи с этим оснащена качественно и количественно несравнимо лучше, чем армия российская. Если предложение Обамы по взаимному с Россией сокращению ядерных арсеналов на 80% (которое президент РФ Медведев назвал заслуживающим внимания) будет принято, то США получат такое превосходство в обычных вооружениях, которое позволит им диктовать свои условия в отношении использования природных ресурсов России. Для реализации этих стратегических планов Обама войну в Афганистане сворачивать не собирается, а планирует в кратчайшие сроки удвоить там количество американских войск. К 2011 году он хочет вывести американские войска из Ирака для того, чтобы задействовать их в Афганистане. Может, ему с нашей помощью и удастся сломить сопротивление талибов. Но что мы-то от этого выиграем? Если проигранная нами война в Афганистане способствовала в какой-то мере развалу Советского Союза, то выигрыш американцами войны с талибами приведет к их контролю над Средней Азией. Это, в свою очередь, облегчит реализацию слов бывшего госсекретаря США Мадлен Олбрайт: «Сибирь для России слишком велика».

Весной этого года безвременно ушел из жизни наш товарищ, главный редактор журнала «Проза» Михаил Зубавин. Предлагаем нашим читателям его небольшой рассказ.

ПИСЬМА

Во времена телефона и аэроплана роман в письмах выглядит надуманным ископаемым. Один герой отправляется в лагерь на Колыму, второй дипломатом в Сан-Томе и Принсипи, а письма пересылаются исключительно нелегально. Но не волнуйтесь, перед вами не связанный розовой ленточкой эпистолярный кирпич, а тонюсенькая стопка писем, лежащая без хронологии в целлофановом пакете, придавленном сверху сахарницей, замершая в том порядке, в котором в последний раз прочитана.

* * *

Зря ты сюда летала, теребила людей, сама рисковала. Неужели ты, Наталья, не знала, что тут творится. Меня ты все одно не найдешь, не гоношись зря. Зиму я перегулял, теперь трону в Россию. Может, где-нибудь на севере, губернии во Владимирской, Ярославской, а может на теплой Украине осяду в какой-нибудь забытой богом деревушке, устроюсь кем-нибудь вроде сторожа и буду куковать. Ты не жди, а, главное, сама не ищи. Ведь если найдешь, мне один выход — в петлю лезть. А как это в моем положении ни глупо звучит, но жить почему-то хочется.

А может, и напишу еще, но, на всякий случай, прощай. Алексей.

ПРОЗА

---

* * *

Наташенька, любимая, выздоравливай скорее, сама знаешь — муж любит жену здоровую. Беда большая, но только себя не кори, во всем виноват только я. Я-то все понимал, я должен был остановить тебя, а, не слюнявясь, гладить твой живот. Захотелось мне, старому козлу, ребеночка, счастья, света... Если возненавидишь меня, если бросишь — ты будешь права, только себя не вини, и, главное, выздоравливай, выздоравливай скорее.

* * *

Наташенька, любимая! Что за мистика, нам нельзя было расставаться и на два дня. Помнишь, вчера утром я тебе рассказывал о сне, который мучил меня всю ночь? Мне снилось, что я мечусь среди огромной толпы обнаженных женщин и не могу найти тебя. Вижу твою фигуру, ленточку в волосах, подбегаю — не ты. Вдали твоя спина, родинка под лопаткой, протискиваюсь среди потных тел, хватаю за руку — не ты. На каком-то приступочке, надо всеми замечаю тебя в полуоборота, твои упругие ноги, твоя талия, выгнутая, как лук, поставленный на постамент бедра, твой сосочек, нахально высунувшийся из-за руки, бегу, расталкиваю дам, падаю, за что-то цепляюсь, снова падаю, наконец, прорываюсь, обнимаю, ощущая ладонью твою прохладную кожу — оборачивается совсем чужая тетка. Помнишь, вчера, когда я рассказал тебе это, ты назвала меня глупым, стала целовать плечо, шею, а потом... Теперь на дни разлуки у меня хоть воспоминание о том, как ты была хороша.

Но о деле. Только ты уехала, мне позвонили в дверь. В общем, в настоящее время, я уже не принадлежу себе, и когда сегодня вечером ты войдешь в дом, я буду катить на какие-то военные сборы. Часть повестки, по которой ты должна получить мою зарплату, под сахарницей. Наташенька, я люблю тебя.

* * *

Наташенька, милая, скоро увидимся. Из Москвы вышибают. К счастью, болезнь моя со службой не связана, просто тяжелая гипертония и что-то там на нервной почве (по их мнению, приобретенное мною если не в младенчестве, то уж во внутриутробном периоде). Да все к лучшему, хоть и тяжелая, а всего-то гипертония, смогу лечиться дома, смогу быть рядом с Наташенькой.

Всегда готовый к Наташетерапии — Алексей.

---

* * *

Наташа, ты не права, я не разлюбил тебя, но именно из-за этого я просто обязан с тобой разойтись. Ну, согласишься же на развод, не мучай меня. Не заставляй пожирать твою жизнь. Наташка, ты такая красивая, молодая, интересная и я — двадцатисемилетний инвалид. Тебе надо за кем-нибудь ухаживать? Заведи кактус. Чем я, отупевший от головной боли, неделями валяющийся на постели, лучше него? Но в отличие от него я еще жру, ною, скандалю.

А ты должна жить, должна быть счастливой, должна родить кучу девочек, чтобы и потом, через тысячу лет, по Земле бегали такие же изумительные Наташки.

* * *

Наташа, прощай. Убегаю тайком, но иначе не могу, ты скажешь: «Останься», — всплакнешь, и я останусь. Ты святая, но и я — не самое последнее дерьмо. Я ведь даже любить-то тебя, как надо, не могу, нет, иногда ты меня заведешь, но... Я понимаю, почему ты — моя неряха, теперь постоянно что-то убираешь, готовишь, шьешь — доводишь себя до такого состояния, когда в бессилии падаешь на постель и засыпаешь. Ты уже боишься дышать. Не говори, что любишь, я здесь уже не при чем, это только память твоя. Ты из тех, кто ночами должен любить, а сейчас, если из-за меня тебе и приходится просыпаться, то затем лишь, чтоб помочь мне остановить кровь, найти таблетки. Ты побледнела, усталость в твоих глазах. Зря тогда ты отказалась разводиться, ничего за этот год не вышло.

Сберкнижка с доверенностью под сахарницей, все деньги с нее снимай, а меня не ищи. Я люблю тебя, но прощай.

* * *

Здравствуй, Наташа. У меня все хорошо, я специально уехал перед зимой, чтоб не попасться, как всем известная стрекоза. Я сейчас на далеком юге, надоел он мне до ужаса. Люди здесь неплохие, но уж очень не русские, хорошие, но без полета. А материально все отлично, за те десять дней в течение месяца, когда я более-менее в форме, удается закалывать и на комнатенку и еще столько, сколько я на нормальной советской службе и в лучшие годы не зарабатывал. Так что живу. Скучно, конечно. Стал выпивать. Выпью, вспоминаю. А вот ты забывай быстрее. Влюбись в кого-нибудь.

Здесь иногда постреливают, но меня боятся, вроде дохлятина, но чувят, черти, что терять мне нечего, и для меня это отличный выход, хоть в курбаши иди.

Так что не волнуйся за меня и прощай. Алексей.

Наташенька, как я счастлив, что ты согласна! Какое это счастье, что ты станешь моей женой, что всю жизнь я смогу любить тебя! Как я обожаю плоть твоих губ, твой хулиганский развратный язык, неужели каждый день ты будешь свивать свои ноги с моими, и я буду ошущать себя деревом, цепко вросшим корнями в почву. А иногда ты наоборот превратишь меня в Землю, на которой живут и пляшут веселые Наташка-народы, или в дикого ненасытного вепря, которым я становлюсь, когда смотрю на твою по-кошачьи выгнутую спину. Неужели я буду целовать тебя всю жизнь, и твои шелковые груди, твои тенистые бедра, и все, все, все-все, что я люблю, всю тебя.

Так хорошо, как с тобой, мне не может быть ни с кем. С тобой я говорю, что думаю, делаю то, что хочу. И небо, и звезды, они, когда ты есть, какие-то иные, более прекрасные. Когда ты со мной, я люблю весь мир, его чудесное совершенство, но еще больше я люблю верх его совершенства — тебя, мою Наташеньку, мою будущую жену. Вечно твой Алексей.

Наташенька, любимая, ты правильно угадала, мне не хотелось тебя пугать, но раз ты сама все поняла (мне опять представилась оказия), признаюсь — я в Чернобыле. Я тут совсем без тебя обезумел, думаю лишь о тебе, да как... Но ничего, я уже скоро приеду и буду тебя ласкать по-настоящему. В первый день только ласкать, и лишь когда ты совсем изойдешься от ласк, лишь тогда ты получишь то... Но тоже не сразу, мы начнем как-нибудь необычно и так будем идти, идти... До тех пор, пока ты не взмолишься: «Больше не могу». Вот тогда я поверну тебя спиной, а ты скажешь: «Нет, так я тоже хочу», — выгнешься, застонешь и начнешь кусать свою руку. Боже, как я люблю тебя.

Мне здорово повезло, мне еще надо было получить рентгенов пятнадцать, и это могло затянуться на несколько недель, а то и месяц. Еще месяц без тебя, представляешь?

Но появилась удивительная возможность, ну просто чудесный случай, один кусочек графита схватить, в сторону его отволочь, и ехать к Наташеньке.

Так что больше мне не пиши, как только придет смена, я моментально сдаю взвод и мчусь к Наташечке, которую я никогда не перестану любить, и с которой больше никогда ни на один день не расстанусь.

ГЕРОИН — СОЮЗНИК ДЕМОКРАТИИ

С некоторых пор стараниями либерально-демократических СМИ в головы обывателей усердно вдалбливается незатейливая мысль: преступность, дескать, не имеет национальности. Идиотизм этой фразы становится очевидным, стоит только взглянуть на оперативные сводки милиции и других правоохранительных служб. Не берусь сказать за всю преступность — она у нас, как известно, велика. Зато внимательный анализ наркоситуации в стране позволяет сделать однозначный вывод: распространителями отравы являются не какие-то абстрактные преступники, не имеющие национальности, а представители вполне определенных этнических групп.

Например, 93 процента героина, поставляемого на российский рынок, афганского происхождения. А распространяют отраву в основном таджики, имеющие тесные связи с афганскими преступными группировками.

Интересно, что еще лет пятнадцать назад героина в столице практически не было. Первые партии отравы из Афганистана стали появляться в начале 1990-х годов. Несколько лет ушло на то, чтобы приучить к героину столичного потребителя. А затем на Москву обрушился буквально поток афганской наркоты.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

По странному стечению обстоятельств усиление активности таджикско-афганских группировок совпало с операцией по освобождению Афганистана от талибов, затеянной американскими борцами за свободу и демократию.

Об этом красноречиво свидетельствуют данные Федеральной пограничной службы РФ. В период правления талибов поток наркотиков через таджикско-афганскую границу почти иссяк. Это, конечно, не означает, что наркотики в стране вообще не производились. Однако масштабы производства с приходом к власти движения Талибан существенно сократились, и за пределы страны наркота переправлялась другими путями, преимущественно через Пакистан.

В 2001 году американцы начали военную операцию по освобождению страны от талибов, и уже в начале следующего года поток героина через таджикско-афганскую границу увеличился в несколько раз. Более того, очевидцы отмечали, что даже в разгар боевых действий наркодельцы чувствовали себя в абсолютной безопасности: ни одна бомба американцев и их союзников не упала на плантации афганского мака. Хотя союзникам по антиталибской коалиции было прекрасно известно точное местонахождение маковых полей. Объяснение этому странному, на первый взгляд, факту может быть только одно: в наркоторговле замешаны сами «освободители». Оперативные данные российских спецслужб подтверждают эту версию. В роли наркокурьеров выступают, в основном, чернокожие солдаты американской армии, а перевозится отрава на борту военных самолетов, поскольку они не подвергаются таможенному досмотру.

А потом афганские власти, вероятно, проконсультировавшись с американцами, объявили о запрете культивирования мака. В качестве альтернативы крестьянам, специализирующимся на выращивании мака, предложили по 1000 долларов за каждый уничтоженный гектар посевов. Однако запрет не помог. Выращивать мак все равно выгоднее: по данным экспертов, один га маковых посевов приносит 16 тысяч долларов чистой прибыли. Тогда власти при поддержке американцев начали уничтожать посевы, чем спровоцировали массовые волнения и стычки с правительственными войсками, продолжающиеся и по сей день.

По большому счету, России от этого ни холодно, ни горячо, но есть один существенный момент, который напрямую касается русского народа. Дело в том, что почти весь афганский героин предназначен не для внутреннего потребления, а для продажи за пределами страны. Поскольку южные рубежи нашего Отечества сегодня практически открыты, неуди-

---

вительно, что значительная часть афганского героина легко попадает сначала в среднеазиатские республики, а затем — в Россию. А это уже прямая угроза генофонду нации, и без того изрядно истощенному стараниями всякой нечисти.

Справедливости ради следует признать, что кое-какие контрмеры по обузданию афганской наркомафии все-таки предпринимаются. Но сводятся они в основном к робким попыткам отучить афганских крестьян сеять мак. Сделать это можно только одним способом: созданием агрономического производства, которое по прибыльности было бы сопоставимо с выращиванием мака. Иначе говоря, нужна экономическая альтернатива маковым плантациям. На эти цели так называемое мировое сообщество выделяет немалые деньги — десятки миллионов долларов. Причем посильную финансовую помощь властям Афганистана оказывают даже такие страны, как Япония, которая пока не испытывает серьезных проблем с афганской наркотой.

Словом, денежки на борьбу с отравой регулярно выделяются, вот только заметных результатов пока в упор не видно. Такое ощущение, что до конечного адресата эти миллионы так и не доходят. И никто на Западе почему-то не бьет в набат и не трубит об этом на каждом углу. Россию, например, при любом удобном случае упрекают в нецелевом расходовании заграничных траншей, а когда тем же самым занимается проамериканское правительство Афганистана — цивилизованный Запад хранит молчание. А ведь афганская наркота напрямую угрожает и европейским странам. В Великобритании, к примеру, практически весь изымаемый героин — афганского происхождения. Вот бы господам из Лондона инициировать крупномасштабную проверку на предмет того, куда расходуются деньги мирового сообщества, предназначенные на борьбу с афганской наркомафией. Вместо этого эксперты ООН публикуют слащавые доклады о том, что ситуация с наркотиками в Афганистане с каждым годом улучшается. Дескать, и наркотиков производится все меньше, и площадь маковых полей неуклонно сокращается. Особенно хорошо, по мнению международных (читай: англо-американских) экспертов, дела обстоят в северных провинциях Афганистана. С легкой руки этих, так сказать, специалистов, север страны вообще объявлен зоной, свободной от наркомафии.

У российских спецслужб на сей счет иное мнение. По данным Госнаркоконтроля РФ, именно в северных провинциях Афганистана находятся самые оснащенные лаборатории по производству героина, именно здесь расположены и склады с готовой «продукцией» — что-то вроде «стабилизационного

фонда» на случай всяких форс-мажорных обстоятельств. В настоящее время, по оперативным данным Госнарконтrolя РФ, в «стабфонде» находится не менее тысячи тонн отборного героина, готового в любой момент отправиться по «Северному шелковому пути» (так неофициально именуется канал контрабандных поставок наркотиков через Среднюю Азию в Россию).

Так что ни о каком сокращении наркопроизводства в Афганистане речь не идет. Наоборот, с каждым годом масштабы наркобизнеса только увеличиваются. По оценкам российских специалистов, в 2008 году в Афганистане маком было засеяно не менее 150 тысяч га земли. Из собранного сырья в подпольных лабораториях афганские умельцы изготовили свыше 8 тысяч тонн героина. И это, не считая других более слабых наркотиков. Совокупный доход от продажи афганского зелья превышает 2 млрд. долларов США.

А теперь вернемся в Москву и посмотрим, кто и как травит столичную молодежь афганским героином. Сотрудники московского управления Госнарконтrolя буквально сбились с ног, гоняясь за наркокурьерами. Редкий день обходится без задержания очередного дельца. А столичные суды регулярно выносят обвинительные приговоры по фактам незаконного сбыта наркотических веществ. За прошлый год их вынесено около 200. От таджикских, узбекских и азербайджанских фамилий в приговорах судов рябит в глазах. Впрочем, иногда «залетают» и граждане России. Правда, гражданами этих двуногих тварей можно назвать лишь условно. Потому что подавляющее их большинство — цыгане.

Так, например, недавно за хранение и сбыт героина столичные наркополицейские взяли с поличным членов одной такой группировки. Как признались сами полицейские, цыган они выслеживали, начиная с весны прошлого года. Итогом кропотливой оперативной работы стало задержание четырех человек, а также изъятие крупной партии наркотиков — одного килограмма героина, 440 граммов метадона и 380 граммов так называемого «белого китайца», или триметилфентанила, выражаясь научным языком. Московские борцы с наркомафией подчитали, что до потребителей не дошло в общей сложности 2 миллиона 100 тысяч доз наркотиков.

В настоящее время цыгане занимают второе, после среднеазиатов, место по масштабам распространения наркотического дурмана. Приблизительное число цыган в России составляет от 250 до 400 тысяч человек. Более точных цифр не существует, поскольку одни из них оседлые, а другие — кочевые.

Еще лет 15 назад основным источником дохода для цыган являлись спекуляция и гадание. Не гнушались цыгане и банальным воровством. Ситуация в корне изменилась в начале 1990-х годов, когда цыганские кланы переключились на более доходный бизнес — торговлю наркотиками. Каких масштабов достигла цыганская наркоторговля, видно на примере Тверской области, где осенью 2003 года проживало 4 тысячи цыган, а торговля наркотиками приобрела угрожающие размеры. В одном только небольшом городке Кимры, например, в среднем за сутки сбывалось до одного килограмма наркотических средств. В течение двух-трех лет на иглу подседа практически вся местная молодежь, на городском кладбище не успевали рыть могилы для 18—20-летних ребят. В геометрической прогрессии росло и благосостояние цыганских баронов. Свидетельство этому — роскошные особняки, отстроенные цыганами на живописных волжских берегах.

Цыганскую наркоагрессию удалось остановить благодаря энергичным мерам, предпринятым сотрудниками Госнаркоконтроля России и местными милиционерами. Стоило только засадить за решетку пару десятков цыган и перекрыть каналы поступления наркотиков, как оставшиеся на свободе ублюдки быстренько ретировались из Кимр, бросив свои шикарные особняки. Правда, особых иллюзий на сей счет в Госнаркоконтроле не питают. В частных беседах наркополицейские признаются, что борьба с цыганскими наркодельцами напоминает травлю тараканов: почуяв запах дуста, те мгновенно сваливают в другое более безопасное место. Так и цыгане, почуяв неладное, сворачивают свой табор и уходят туда, где местные власти смотрят на их деятельность сквозь пальцы. А применить против этих тварей дуст в масштабах всей страны у наших блюстителей порядка, вероятно, не хватает духа.

Особенности цыганского наркобизнеса давно известны и не отличаются новизной. В торговлю наркотиками вовлекаются практически все члены цыганских семей. Перевозки и сбыт наркотиков осуществляют в основном женщины и их малолетние дети. Мужчины выполняют охранные функции. При этом на случай задержания цыган с поличным заранее оговаривается линия поведения каждого наркокурьера, включая способы быстрого уничтожения наркотических средств и тактику общения с сотрудниками правоохранительных органов.

Каждый цыганский наркоделец имеет хорошо налаженные каналы поставок наркотических средств, а также свою

сеть розничных продавцов. При этом одни цыганские кланы специализируются на эфедрине и марихуане, другие — на героине.

Внутри цыганских родов существует жесткая иерархия и круговая порука, поэтому оперативно-следственная работа там крайне затруднена. К тому же у большей части цыган нет никаких документов, удостоверяющих не только саму личность, но даже и факт ее рождения. А при задержании практически все цыгане отказываются давать показания, ссылаясь на незнание русского языка.

Любопытно, что при любом удобном случае цыгане декларируют свое якобы принципиальное нежелание идти на какие-либо контакты с властью. Дескать, нам такие условности, как закон, право и государство, не указ. О морали и нравственности речь вообще не идет: «идеология» этих нелюдей сводится к зарабатыванию денег любыми способами, больше их ничего не волнует. Даже если конкретная цыганская семья не занимается героиновым бизнесом постоянно, тем не менее никогда не упустит шанса подзаработать на перепродаже наркотика.

Стоит ли удивляться, что, несмотря на все старания добросовестных и честных сотрудников наркоконтроля (а таких офицеров в службе предостаточно), цыганская наркомафия расползается по стране, словно раковая опухоль. В Томской области, например, цыгане уже практически монополизировали наркорынок, вытеснив своих непосредственных конкурентов — таджиков и кавказцев.

В Новосибирске цыгане создали целые кварталы, где можно не только свободно купить наркоту, но и прямо здесь же ее употребить. Дело дошло до того, что жители одного из пригородных поселков, потеряв надежду добиться решения вопроса у властей, буквально силой вышвырнули несколько заезжих цыган-наркоторговцев, посадивших на иглу местную молодежь. Однако такие случаи пока редкость. Слишком медленно раскачивается русский народ, одурманенный байками об общечеловеческих ценностях.

Облюбовали цыгане и ближнее Подмосковье. В саму столицу их пока не пускают более удачливые конкуренты — таджикско-афганские преступные группировки. Зато в близлежащих населенных пунктах — Мытищах, Дедовске, Одинцово, Перловке, Люберцах цыганские кланы обосновались весьма прочно. По данным оперативников, цыгане целенаправленно скупают в ближнем Подмосковье дома, оформляют их на своих малолетних детей, чтобы избежать конфискации, и устраивают там пункт продажи наркотиков. За отра-

---

вой сюда приезжают мелкооптовые покупатели со всего Подмосковья и даже из Москвы.

Более того, именно в Московской области в ходе обысков в квартирах наркобаронов были обнаружены видеокассеты с записями телепередач, в которых демонстрировались фрагменты оперативных съемок, а также интервью со специалистами о методах противодействия незаконному обороту наркотиков. Оказывается, декларируемое цыганами нежелание или неумение жить по законам государства не мешает им изучать действующее законодательство, а заодно и методы оперативно-следственной работы правоохранительных органов. Неудивительно, что при таком серьезном подходе к организации криминального бизнеса лидеры цыганских кланов, как правило, легко уходят от наказания. А в качестве обвиняемых на судах фигурируют в основном женщины, которые имеют на иждивении малолетних или несовершеннолетних детей. Разумеется, в большинстве случаев они отделяются минимальными сроками, а то и вовсе условным наказанием. Гуманизм нашей Фемиды по отношению ко всякой нечисти не знает границ...

ИЗМЕНА

Реформаторские процессы, происходящие сейчас в Вооруженных Силах и в системе обороны страны, иначе как государственной или национальной изменой не назовешь. В течение уже около двух десятилетий идет под видом реформ разрушительный процесс развала Вооруженных Сил и утраты обороноспособности страны. За это время армия и флот сокращены примерно в три раза, разрушена вся оборонная промышленность, ликвидирована военная наука и система подготовки военных кадров, которая складывалась в России в течение многих десятилетий и даже столетий. Военные реформы в России производились многократно. Всякий раз они были направлены на совершенствование обороны страны и укрепление ее военной организации. Впервые в отечественной истории острее нынешнего военного «реформирования» преследует совершенно противоположную цель. В угоду США и НАТО, а точнее по их планам, не только сокращается численность Вооруженных Сил, но и перекраивается исторически сложившаяся, проверенная в боях и сражениях отечественная структура армии и флота.

В РВСН, кроме их трехкратного сокращения, ликвидированы не имеющие аналога современные боевые железно-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

дорожные ракетные комплексы, а также резко сокращены полки тяжелых ракет шахтного базирования, оснащенные средствами преодоления современной и перспективной американской ПРО. Недавно утверждена перспективная группировка РВСН, которая будет состоять из девяти ракетных дивизий. Это в четыре раза меньше группировки ракетных войск советского периода. А ведь РВСН составляют основу стратегических ядерных сил страны. В настоящее время стратегические ядерные силы России по количеству носителей и ядерных блоков уже более чем в два раза уступают суммарной их численности США и союзников. Необоснованным и поспешным объединением ВВС и ПВО разрушена вся система противовоздушной и противоракетной обороны страны на всех направлениях. Стоило только президенту России заявить, что в ответ на размещение американских ракет в Польше мы разместим ракетные комплексы «Искандер» в Калининградской области, как тут же последовал жесточайший окрик из-за океана. Получается, что Россия не имеет права размещать без согласия США свое оборонительное оружие на собственной территории. Президент Д. Медведев уже поспешил заявить, что его решение о размещении «Искандера» в Калининградской области может быть пересмотрено, а расформирование Козельской ракетной дивизии лишь приостановлено.

Наиболее разрушительным процессам подвергается система комплектования Вооруженных Сил и военная наука. Горе-реформаторы — министры обороны — бывший С. Иванов и нынешний А. Сердюков, первый и последующий удары нанесли системе подготовки офицерских кадров. Расформированием военных академий и выводом их из Москвы и Ленинграда, сокращением сроков обучения в них наносится удар по количеству и качеству подготовки офицеров высшей квалификации. Здесь действует простой расчет: раз сокращается численность и изменяется структура войск, то должен быть сокращен и контингент подготовки офицеров. Всем известно, что основу армии и флота составляют офицеры. Боеготовность корабля, полка, дивизии и армии можно быстро восстановить при наличии необходимого вооружения и подготовленного офицерского состава. Об этом свидетельствует отечественный и международный опыт. Когда в 1918 году по Версальскому договору армия Германии была ограничена 500 тысячами человек и ей было запрещено иметь тяжелое вооружение, то руководство страны и армии при разрешенной численности личного состава сохранили необходимое количество офицеров, не сокращая подготовки его. С

приходом к власти Гитлера он, опираясь на возможности промышленности и сохранившегося офицерского состава, быстро, в течение 3—5 лет, создал самую мощную армию в Европе.

Объявленное А. Сердюковым двукратное сокращение офицерских должностей, понижение на одну ступень должностных категорий, массовая ликвидация военных училищ и институтов неизбежно приведет к дальнейшей потере престижа офицерской службы, создаст кадровый дефицит. А. Сердюков, по имеющимся сведениям, собирается ликвидировать и офицерские должности командиров взводов, заменив их сержантами. Подготовленный сержант может командовать взводом, но он никогда не станет командиром роты, батальона, полка. В таком случае кого же будут готовить военные училища (институты). Неужели их выпускник будет сразу назначаться на роту?

Начальник Генштаба Н. Макаров объявил о принятом упразднении института прапорщиков, численность которых достигает 140 тыс. человек. Может быть, это и многовато. Видимо, некоторые из этих должностей можно упразднить или заменить служащими. Но полная ликвидация вряд ли целесообразна. Ведь часть прапорщиков, имеющая высшее гражданское образование и успешно работающая, имела возможность и становилась офицерами. И это был своеобразный резерв для пополнения офицерских кадров первичного звена.

В навязываемой армии А. Сердюковым системе подготовки офицерских кадров совершенно упускается из виду, что военные академии — это не только высшие учебные заведения, но и центры отраслевой военной науки. Научные школы в академиях складывались десятилетиями и веками. Премущественность в них научных школ сохранялась даже при изменении социально-общественного строя. Успеху развития военной науки в академиях способствовало также и то, что в большинстве своем они располагались в Москве, Ленинграде (Петербурге) и в других крупных городах. В них осуществлялось необходимое взаимодействие с другими вузами и НИУ страны. Так что же стало причиной вывода из Москвы и Петербурга ряда военных академий? Ответ лежит на поверхности: «прихватизация» жилых фондов и участков дорогостоящей земли криминальными структурами, проникшими во власть и располагающими огромными украденными у народа денежными средствами. Похоже, что министры обороны С. Иванов и А. Сердюков послушно, не без личного интереса выполняют их волю.

Вызывает удивление решение министра обороны, которое поддерживает Генштаб, о переходе структуры Вооруженных

Сил на звенья батальон—бригада. Здесь слепо копируется опыт США и НАТО, но в худшем его варианте. В их армиях действительно существует звено батальон—бригада—корпус. Но там совсем другие по численности и боевым возможностям батальоны и бригады, несоизмеримые с вариантом А. Сердюкова. Кроме того, в этих армиях существуют и дивизии, и даже полки, как в Великобритании (например, бронекавалерийский полк). Следует отметить, что в Русской и в Советской армиях существовали бригады наравне с системой полк—дивизия. Но пехотные, кавалерийские, артиллерийские бригады состояли из полков, а сами бригады входили в состав дивизий. Бригады спецвойск состояли из отдельных батальонов, которые были на правах полков и могли действовать самостоятельно. В мирное время такая система была громоздкой и от нее отказались. Сохранилась проверенная временем и войнами система батальон—полк—дивизия—армия (армейский корпус). Такая система в России установилась исторически со времен «полка князя Игорева». Нынешняя военная наука не отрицает возможности существования бригад. Они могут быть целесообразными на отдельных театрах военных действий (ТВД). Вероятно, это применимо в горных, тундровых и лесоболотистых местностях, на разобщенных направлениях, где применение полка — мало, а дивизии — много. Бригады имеют право на существование в специальных войсках и в тылу, где они должны состоять из отдельных батальонов.

Возникает еще один вопрос: на пользу ли стране и армии пошло назначение министром обороны гражданского лица, не имеющего не только военного образования и опыта командной работы, но даже ни дня не служившего в армии? Такими были и являются министры С. Иванов и А. Сердюков, а также Верховные главнокомандующие В. Путин и Д. Медведев. Но только этим нельзя объяснить их разрушительную деятельность в области обороны. Все больше складывается мнение, что они последовательно со времен Горбачева и Ельцина системно, по преемственности выполняют заказ из-за океана, уступая им одну позицию за другой. Их разрушительная военная деятельность прикрывается безудержной магией, которой, к сожалению, еще многие верят.

Можно принять за версию, что эти люди не знают и не понимают, что творят. Но в таком случае позволительно спросить: что думает и куда смотрит Генштаб? Нелишне вспомнить И.В. Сталина, который перед принятием важных оперативно-стратегических решений в годы Великой Отечественной войны неизменно спрашивал: «А что думает Генш-

---

таб?» Этим он подчеркивал высокую компетентность руководящих работников Генерального штаба, авторитет и высоту их стратегического мышления. А вот думает ли вообще современный Генштаб во главе с генералом армии Н. Макаровым? Казалось бы, при гражданском министре обороны, у которого кроме опыта торговли мебелью никаких военных знаний нет, роль начальника Генерального штаба неизмеримо возрастает и он в силу этих обстоятельств даже в большей степени должен отвечать за состояние Вооруженных Сил и их развитие, чем министр. Н. Макаров прошел все ступени командирского роста, знающ и достаточно опытен. Но, видимо, ему недостает мужества и решительности в отстаивании интересов армии и флота. Во всем он соглашается с некомпетентным министром обороны и молчит, боясь потерять высокую должность.

Главным на сегодня остается вопрос: только ли по своей инициативе А. Сердюков осуществляет разрушительное реформирование Вооруженных Сил? Всем понятно, что за этими «реформами» стоят глава правительства В. Путин и Верховный главнокомандующий Д. Медведев. Без их направляющих указаний А. Сердюков не посмел бы делать то, что делает. Следовательно, за состояние дел в армии и ее развитие общество должно спрашивать в первую очередь с этих лиц.

Недавно прошел сбор руководящего состава Вооруженных Сил. Впервые Д. Медведев как главковерх не появился на этом сборе. Видимо, убоился тех вопросов, которые могли быть заданы ему.

Сердюковские военные реформы вызывают недовольство у действующего офицерского состава и находящегося в запасе и в отставке. Однако это недовольство пока не принимает открытые формы. Будучи недовольными, молчат действующие генералы и офицеры, зная, что за открыто выраженные мнения они тотчас же лишатся своих должностей. Открыто о пагубности этих реформ говорят только офицеры и генералы, находящиеся в запасе и в отставке. Но они не организованы, и их голоса в правительстве никто не слышит. Кроме того, маршалы и генералы армии «прикормлены» властью, которая специально создала для них «райскую» жизнь с большим денежным содержанием и льготами. Поэтому им «не с руки» выступать против разрушительных военных реформ с риском ухудшить свое благополучие. А президент и правительство продолжают разваливать Вооруженные Силы и обороноспособность страны в целом. Их словесное об укреплении оборонной мощи страны не должно вызывать у народа каких-то надежд. А. Сердюков располагает

информацией о массовом недовольстве офицерского корпуса его военными реформами. Поэтому он сейчас рассылает своих заместителей, генералов центрального аппарата в военные округа, на флоты с заданием успокоить офицеров и убедить их в принятии его военной реформы. Генеральной прокуратуре следовало бы дать правовую оценку этим военным реформам и посмотреть, нет ли в деятельности министра обороны А. Сердюкова признаков национальной измены. Необходимо также широкое общественное обсуждение состояния Вооруженных Сил, проводимых и планируемых военных реформ.

Сохранив сильную и боеспособную армию, мы сохраним единую и неделимую Россию.

ЗАВИСТЬ КАК ГЕНЕРАТОР ГЛОБАЛИЗМА

Всю свою сознательную жизнь я, рядовой православный гражданин, с ужасом наблюдал, как усилиями разного рода секулярных идеологов в России постоянно искажаются традиционные для нее духовные понятия и смыслы и подменяются на заказные суррогаты. Сначала при строительстве коммунизма, затем — в криминальную «перестройку» и наконец в нынешние лукавые капиталистические будни, лишившие россиян, выражаясь «правдистским» шаблоном, уверенности в завтрашнем дне. Причина моих волнений проста. Жизнь человеческая имеет основания только тогда, когда она утверждена на глубинных, светлых и неизменных духовно-нравственных началах, формирующих здоровое народное сознание, систему его жизнеутверждающих ценностей и общественную мораль, основанную на милосердии и любви. И страшно, когда эти начала корежатся и выворачиваются наизнанку.

Сохранение нравственных установок определяет вектор движения человеческого сообщества — либо к добру и свету, либо к деградации и разложению. Все здесь старо как мир. Стремления менять вековые смыслы и произвольно жонглировать традиционными понятиями

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

(в нашем случае речь пойдет о современных трактовках зависти) так или иначе связаны с идеологическими заказами или же личными амбициозными попытками тех или иных индивидов уловить дух времени и действовать ему в угоду. Коренная причина таких заказов и попыток — все та же зависть, а ее цель — достижение власти или же соучастие в ней, вхождение в долю сильных.

Сегодня универсальное направление мирового сообщества с его разноликостью, но во многом уже качественно идентичной президентурой заключено в глобализации географических пространств и соответствующем изменении общественного сознания. Это очевидный факт. Внешние причины формирования очередного геополитического мегагиганта также определены — это необходимость экономического выживания человечества в лице его «лучших представителей». О внутренних же причинах говорить как-то не принято («некорректно»), а они для нас крайне важны как проливающие свет на означенную проблему, ибо основываются, увы, на чьих-то завистливых властолюбивых амбициях, на чьем-то конкретном недовольстве существующим мировым статус-кво. Так вот: реализовать циклопический процесс глобализации возможно лишь в том случае, если он будет основан на идеологии, эффективно формирующей «нового» человека — адепта общемирового развала и черного передела.

Для создания такого айтматовского манкурта необходимо обесценить все традиционные понятия нравственности, черпавшие силы от Бога, и заменить их на ломаные и извращенные понятийные гибриды, морально оправдывающие и идейно освящающие уничтожение «отжившего» мироустройства. Что, собственно, и происходит.

Новая нравственность, формируемая духом времени, меняет сегодня светлый источник и открыто поворачивается к злу, на котором зиждется вся теория и практика утверждающегося глобализма, густо замешанного на крови (Сербия, Ирак, Палестина, Афганистан, Пакистан, Чечня, Приднестровье, Южная Осетия и т.д.). Однако очевидно, что там, где льется невинная кровь, угасает всякая правда, напрочь отходит добро и заменяется злым началом — гордыней, завистью, ненавистью и геноцидом.

Завистливый к чужим независимым жизненным системам глобализм подтачивает сегодня все государственные границы, упраздняет национальности и традиции, пытается подорвать и извратить прежде всего общечеловеческую традиционную нравственность, базирующуюся на сакральных ус-

---

тановках основных мировых религий. Ведь при всем своем кардинальном догматическом различии все эти религии, тем не менее, разграничивают добро и зло, тьму и свет, грех и добродетель. Традиционные религии, как известно, исторически способствовали росту национально-религиозного самосознания народов, укрепляли их государственность, патриотизм и национализм, стимулировали борьбу с пороками и грехами как на общественном, так и на индивидуальном уровнях.

Тоталитаризм происходит в самых разных областях человеческой жизни и всегда начинается с вульгарных упрощений и переосмыслений кардинальных понятий, на которых держится традиционный духовный мир людей. При этом выхолащиваются глубинные смыслы его нравственных императивов, ставятся во главу угла узкая прагматика и зоологическая дарвинистская целесообразность. Религиозные конфессии низводятся до уровня примитивных политических союзов и группировок, ликвидируется их священный надмирный смысл. Заповеди любви, доброй нравственности и запрет «не убий» становятся для тоталитаристов ненавистным «атавизмом», который необходимо срочно преодолеть, «размазать», чтобы развязать себе руки и узурпировать власть. Вот конечная цель всех исторических мировых сверхобразований и смысл стараний их политических, экономических и культурологических адептов, вольных или невольных.

Так было во все времена, и исключений на сегодняшний день никаких нет.

А теперь, наконец, подойдем вплотную к теме зависти. Сегодня она активно муссируется в СМИ, но отнюдь не как однозначно негативное явление, а как один из главных позитивных генераторов глобализма. Так, питерский писатель А. Мелихов в статье «Обида побежденных», опубликованной в «Литературной газете», выкатывает соответствующий пробный шар — дает положительное и, на мой взгляд, явно ницшеанское определение этого смертного греха, этой убийственной язвы человечества. Почему А. Мелихов стал адвокатом зависти? Неужели он не понимает ее подлинного смысла? Темна вода во облацех, и чужая душа — потемки...

Но как иногда удобно и почти всегда конъюнктурно выгодно отвернуться от Библии с Евангелием и бодро заскользить по жизненной наклонной с томиком Заратустры в руке и расхожей психологией Оси Бендера в сердце. Ведь в таком случае не надо думать о серьезном и мучиться над извечны-

---

ми общечеловеческими проблемами. Но рано или поздно они обязательно заявят о себе. Таков непреложный закон жизни. Ибо куда идти с Заратустрой? К третьему рейху и ГУЛАГу? К мрачным утопиям Сен-Симона, Фурье и Троцкого, где все весело под прицелом шагают в рабочих робах рыть каналы? Нельзя предьявлять публике свои поспешные умозаключения, за которыми скрывается, увы, либо идейная поверхностность, либо перестроечная всеядность, либо субъективные личные симпатии к утверждающимся глобалистским тенденциям.

Зависть, по учению Церкви, порождается гордостью. Гордыня же, мать и источник всякого греха — это отрицание Бога, нарочитая самодостаточность твари, сотворенной Творцом и от Него отошедшей. Это дьявол-денница, падшие ангелы, наши праотцы — Адам и Ева, нарушившие заповедь Божию, закоснелые грешники всех времен и народов.

Зависть — это стремление обладать тем, что тебе не принадлежит, что ты не имеешь. Это — смертный грех, нарушение десятой заповеди Декалога (десяти заповедей): «Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его, ничего, что у ближнего твоего».

По зависти дьявол отпал от Бога и возжелал присвоить себе Его могущество и власть над миром. По зависти в истории человеческого рода произошло первое убийство — Каин убил Авеля. По зависти сыновья библейского патриарха Иакова продали своего брата Иосифа в рабство. По зависти брат блудного сына дерзко возвысил голос на отца и осудил его за то, что тот простил заблудшего скитальца, своего несчастного покаявшегося сына и тем самым спас его от верной гибели.

По зависти первосвященники руками римлян казнили Господа нашего Иисуса Христа, желая узурпировать Его подлинно Божественную славу и величие.

Зависть пробуждает в человеке самые низменные чувства, которые никогда и ничего не создают (вопреки тому, что утверждает А. Мелихов), а только развращают его душу. Руководствуясь завистью, можно лишь что-то украсть, хитростью присвоить, насилем или доносом отнять, чем-то, изловчась, завладеть, поживиться за счет обмана. Вот и все. Да, это типичные для капиталистического уклада нечистые качества человеческой души, потрафляющие бездушную конкуренции, сомнительным успехам и победам. Но — где и в чем? В ростовщичестве, в хищничестве, в коррупции, в об-

---

мане, в насилии над неугодными конкурентами. И в результате — несправедно присвоенные чужие деньги, проценты, акции, недвижимость, влияние, власть. Но в основе-то — все та же зависть.

Циничная и гнусная, как крапленая колода.

Зависть приводит людей к взаимной ненависти, к культивированию жестокости, к насилию и пролитию крови. Зависть не имеет ни одного положительного параметра. Цель зависти, по глубокому убеждению святых отцов Церкви, — видеть того, кому завидуешь, в неблагополучии. Сущность зависти — ложь и злоба. Она — страсть и притом самая тяжкая как для окружения, так и для ее носителя. Конец зависти — неминуемое убийство и смерть. Святитель Иоанн Златоуст так и говорит: «Корень убийства — зависть». Это — проверенные тысячелетиями духовные реалии.

А. Мелихов пишет: конкуренция и порождаемая ею зависть являются источником прогресса, могучим стимулом всяческих усовершенствований, причиной рождения шедевров мирового искусства.

Нет! Зависть не может быть созидательной по определению. Она неотделима от духа ненависти и разрушения благополучия ближнего. Это ее родовое свойство, смысл ее существования, альфа и омега всех ее проявлений.

Зависть может «созидать» лишь концлагеря, дыбу, «испанские сапоги», электрический стул и гильотину. Прогрессу зависть тоже никак не способствует. И уж тем более не приводит к созданию шедевров мирового искусства. В настоящем творчестве действуют совершенно иные настроения, а именно — радость, вдохновение, желание принести людям добро и счастье. А Сальери — он и есть Сальери. Его зависть закончилась не созданием собственного шедевра, а убийством Моцарта. От зависти появились Гитлер-Шикльгрубер и Троцкий-Бронштейн, Шейлок и Скупой Рыцарь, Ненасытный Банкир и Крутой Брателло, выстроивший особняки на костях закатанных в асфальт конкурентов и впоследствии узаконившийся на должности мэра или депутата. Все эти персонажи объединяет то, что однажды они все дружно восхотели власти — через присвоение им не принадлежащего. И это что — прогресс?..

Зависть ведет исключительно к развитию зла во всех его проявлениях. Зло же — всегда деструктивно, хотя часто прячется под личиной добра. Примеры? Сколько угодно! Видимо, очень «добр» какой-нибудь «отмороженный» эстрадник-кокаинист, орущий непотребство со сцены и дающий на

виду у публики пожертвования в детский дом, где на него молятся все воспитатели во главе с директором. И тем самым освящается весь греховный образ жизни этого господина с тату на выбритом тюленьем затылке. А как же иначе?! Ведь он же никому не нужным детям помогает!.. И непотребник-кокаинист, извращенец, которого нельзя подпускать к детям на пушечный выстрел, становится желанным гостем у несчастных малышей и публичным идеалом для подражания.

А вот олигарх, на ворованные деньги отгрохавший на периферии поселок-утопию а-ля Город Солнца с яслями и детскими садами, превосходящими все европейские стандарты, с первоклассной системой социального обслуживания преданных ему работников. Городок-мечта, где заняты несколько тысяч человек, получающих зарплату на уровне клерков Саудовской Аравии и живущих в натуральном коммунизме на отгороженном от внешнего мира заветном пятачке с высоченным забором с сияющим колье из проволоки Бруно. Все есть! Но за чей счет? А за счет незаконного присвоения общенародных средств, выуженных силой ствола или диалектикой юридического крючка. Но об этом обитатели Города Солнца и слышать ничего не хотят — и поддерживают прикормившего их господина не за страх, а за совесть. Он — хороший, добрый, святой, он любит людей, детей и собак. Вот — психология защиты беззаконников, сколотивших когда-то капиталы на кражах и аферах (веники менял на «Жигули»), а теперь добропорядочных и уважаемых «авторитетов» во власти. А ведь они только из хищной зависти пошли когда-то на все эти аферы, дерзко пожелав того, что им не принадлежало. Где же здесь позитив? Или такие примеры и есть искомый прогресс? Простите...

Не строится храм на крови и народное счастье — на коррупции и убийстве.

От зависти возникли все расистские теории национального превосходства, доктрины первой и второй свежести, поделившие народы земли на сверхлюдей и недочеловеков. От зависти — переделы мира и войны, гнет капитала и сексуальная революция, торговля наркотиком и ржачка над сакральным миром религиозной духовности. От зависти — стравливание народов и издевательство над патриотизмом, развал семьи и массовое совращение подрастающего поколения. От зависти — черные квадраты в живописи, поток сознания и порнозаумь в литературе, грязь, ложь и подлог в публицистике, фальшь, фразерство и смысловой сумбур в современной

философии, вульгарный экуменизм и догматический релятивизм адептов новой мировой религии.

Вот такие дела, уважаемый господин Мелихов. И не стоит потрафлять духу времени и оправдывать зависть, напяливая декоративные овечьи шкуры на волка. Кожа тотчас прорвется, и весь мир увидит подлинный звериный оскал. Зависть — не прогресс, а форменная травля остаточных добрых начал в обществе, противостоящих силам зла. А их действие мы видим повсеместно. И все же не в силе Бог, а в правде. И — в доброжелательстве. Желание добра ближнему — вот то подлинно созидательное начало человеческой души, которое противостоит зависти. Именно оно — и только оно одно на протяжении всей человеческой истории создает не печальные разновидности глобалистского барака, а нравственно здоровое и светлое общество.

Василию Макаровичу Шукшину в этом году исполнилось бы 80 лет.

Его рассказы, пронизанные искренней болью за судьбу русского человека, за судьбу России, написаны с глубоким, болезненным осознанием времени, печалей и радостей народных.

Предлагаем нашим читателям один из самых ярких его рассказов.

АЛЕША БЕСКОНВОЙНЫЙ

РАССКАЗ

Его и звали-то — не Алеша, он был Костя Валиков, но все в деревне звали его Алешей Бесконвойным. А звали его так вот за что: за редкую в наши дни безответственность, неуправляемость. Впрочем, безответственность его не простиралась беспредельно: пять дней в неделю он был безотказный работник, больше того — старательный работник, умелый (летом он пас колхозных коров, зимой был скотником — кочегарил на ферме, случалось — ночное дело — принимал телят), но наступала суббота, и тут все: Алеша выпрягался. Два дня он не работал в колхозе: субботу и воскресенье. И даже уж и забыли, когда это он завел себе такой порядок, все знали, что этот преподобный Алеша «сроду такой» — в субботу и в воскресенье не работает. Пробовали, конечно, повлиять на него, и не раз, но все без толку. Жалели вообще-то: у него пятеро ребятишек, из них только старший добрался до десятого класса, остальной чеснок сидел где-то еще во втором, в третьем, в пятом... Так и махнули на него рукой. А что сделаешь? Убеждай его, не убеждай — как об стену горох. Хлопает глазами... «Ну, понял, Алеша?» — спросят. «Чего?» — «Да нельзя же позволять

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

себе такие вещи, какие ты себе позволяешь! Ты же не на фабрике работаешь, ты же в сельском хозяйстве! Как же так-то? А?» — «Чего?» — «Брось дурачка из себя строить! Тебя русским языком спрашивают: будешь в субботу работать?» — «Нет. Между прочим, насчет дурачка — я ведь могу тоже... дам влоб разок, и ты мне никакой статьи за это не найдешь. Мы тоже законы знаем. Ты мне — оскорбление словом, я тебе — в лоб: считается — взаимность». Вот и поговори с ним. Он даже на собрания не ходил в субботу.

Что же он делал в субботу?

В субботу он топил баню. Все. Больше ничего. Накалял баню, мылся и начинал париться. Парился, как ненормальный, как паровоз, — по пять часов парился! С отдыхом, конечно, с перекуром... Но все равно — это же какой надо иметь организм! Конский?

В субботу он просыпался и сразу вспоминал, что сегодня — суббота. И сразу у него распускалась в душе тихая радость. Он даже лицом светлел. Он даже не умывался, а шел сразу во двор — колоть дрова.

У него была своя наука — как топить баню. Например, дрова в баню шли только березовые: они дают после себя стойкий жар. Он колот их аккуратно, с наслаждением...

Вот, допустим, одна такая суббота.

Погода стояла как раз скучная — зябко было, сыро, ветрено — конец октября. Алеша такую погоду любил. Он еще ночью слышал, как пробрызнул дождик — постукало мягко, дробно в стекла окон — и перестало. Потом в верхнем правом углу дома, где всегда гудело, загудело — ветер наладился. И ставни пошли дергаться. Потом ветер поутих, но все равно утром еще потягивал — снеговой, холодный.

Алеша вышел с топором во двор и стал выбирать березовые кругляши на расколку. Холод полез под фуфайку.. Но Алеша пошел махать топориком и согрелся.

Он выбирал из поленницы чурки потолще... Выберет, возьмет ее, как поросенка, на руки и несет к дровосеке.

— Ишь ты... какой, — говорил он ласково чурбаку. — Атаман какой... — Ставил этого «атамана» на широкий пень и тюкал по голове.

Скоро он так натюкал большой ворох... Долго стоял и смотрел на этот ворох. Белизна, и сочность, и чистота сокровенная поленьев, и дух от них — свежий, нутряной, чуть стылый, лесовой...

Алеша стаскал их в баню, аккуратно склал возле каменки. Еще потом будет момент — разжигать, тоже милое дело.

Алеша даже волновался, когда разжигал в каменке. Он вообще очень любил огонь.

Но надо еще наносить воды. Дело не столько милое, но и противного в том ничего нет. Алеша старался только поскорей натаскать. Так сменял ногами, когда нес на коромысле полные ведра, так выгибался длинной своей фигурой, чтобы не плескаться из ведер, смех смотреть. Бабы у колодца всегда смотрели. И переговаривались.

— Ты глянь. Глянь, как пружинит! Чисто акробат!..

— И не плескает ведь!

— Да куда так несется-то?

— Ну, баню опять топит...

— Да рано же еще!

— Вот — весь день будет баней заниматься. Бесконвойный он и есть... Алеша.

Алеша наливал до краев котел, что в каменке, две большие кадки и еще в оцинкованную ванну, которую он купил лет пятнадцать назад, в которой по очереди перекупались все его младенцы. Теперь он ее приспособил в баню. И хорошо! Она стояла на полке, с краю, места много не занимала — не мешала париться, — а вода всегда под рукой. Когда Алеша особенно заходил на полке, когда на голове волосы трещали от жары, он курял голову прямо в эту ванну.

Алеша натаскал воды и сел на порожек покурить. Это тоже дорогая минута — посидеть покурить. Тут же Алеша любил оглядеться по своему хозяйству в предбаннике и в сарайчике, который пристроен к бане — продолжал предбанник. Чего только у него там не было! Старые литовки без черенков, старые грабли, вилы... Но был и верстачок, и был исправный инструмент: рубанок, ножовка, долота, стамески... Это все — на воскресенье, это завтра он тут будет упражняться.

В бане сумрачно и неуютно пока, но банный терпкий, холодный запах разбавился уже запахом березовых поленьев — тонким, еле уловимым — это предвестье скорого праздника. Сердце Алеши нет-нет да подмоет радость — подумает: «Счас». Надо еще вымыть в бане: даже и этого не позволял делать Алеша жене — мыть. У него был заготовлен голичок, песочек в баночке... Алеша снял фуфайку, засучил рукава рубахи и пошел пластать, пошел драить. Все перемыл, все продрал голиком, окатил чистой водой и протер тряпкой. Тряпку ополоснул и повесил на сучок клена, клен рос рядом с баней. Ну, теперь можно и затопить. Алеша еще разок закурил... Посмотрел на хмурое небо, на унылый далекий горизонт, на деревню... Ни у кого еще баня не топилась. Потом будут, к вечеру, — на скорую руку, кое-как, пых-пых... Будут

глотать горький чад и париться. Напарится не напарится — угорит, придет, хлястнется на кровать еле живой, — и думает, это баня. Хэх!.. Алеша бросил окурок, вдавил его сапогом в мокрую землю и пошел топить.

Поленья в каменке он клал, как и все кладут: два — так, одно — так, поперек, а потом сверху. Но там — в той амбразу-ре-то, которая образуется-то, — там кладут обычно лучины, бумагу, керосином еще навадились теперь обливать, — там Алеша ничего не клал: то полено, которое клал поперек, он его посередке ершил топором, и все, и потом эти заструги поджигал — загоралось. И вот это тоже очень волнующий момент — когда разгорается. Ах, славный момент! Алеша присел на корточки перед каменкой и неотрывно смотрел, как огонь, сперва маленький, робкий, трепетный, — все становится больше, все надежней. Алеша всегда много думал, глядя на огонь. Например: «Вот вы там хотите, чтобы все люди жили одинаково... Да два полена и то сгорают неодинаково, а вы хотите, чтоб люди прожили одинаково!» Или еще он сделал открытие: человек, помирая — в конце в самом, — так вдруг захочет жить, так обнадеется, так возрадуется какому-нибудь лекарству!.. Это знают. Но точно так и палка любая: догорая, так вдруг вспыхнет, так озарится вся, такую выкинет шапку огня, что диву даешься: откуда такая последняя сила?

Дрова хорошо разгорелись, теперь можно пойти чайку попить.

Алеша умылся из рукомойника, вытерся и с легкой душой пошел в дом.

Пока он занимался баней, ребятишки, один за одним, ушлепали в школу. Дверь — Алеша слышал — то и дело хлопала, и скрипели воротца. Алеша любил детей, но никто бы никогда так не подумал — что он любит детей: он не показывал. Иногда он подолгу внимательно смотрел на какого-нибудь, и у него в груди ныло от любви и восторга. Он все изумлялся природе: из чего получился человек?! Ведь не из чего, из малой какой-то малости. Особенно он их любил, когда они были еще совсем маленькие, беспомощные. Вот уж, правда что, стебелек малый: давай цепляйся теперь изо всех силенок, карабкайся. Впереди много всякого будет — никаким умом вперед не скинешь. И они растут, карабкаются. Будь на то Алешина воля, он бы еще пятерых смастерил, но жена устала.

Когда пили чай, поговорили с женой.

— Холодно как уж стало. Снег, гляди, выпадет, — сказала жена.

— И выпадет. Оно бы и ничемго, выпал-то, — на сырую землю.

— Затопил?

— Затопил.

— Кузьмовна заходила... Денег занять.

— Ну? Дала?

— Дала. До среды, говорит, а там, мол, за картошку получи...

— Ну и ладно. — Алеше нравилось, что у их можно, например, занять денег — все как-то повеселей в глаза людям смотришь. А то наладились: «Бесконвойный, Бесконвойный». Глупые. — Сколько попросила-то?

— Пятнадцать рублей. В среду, говорит, за картошку получи...

— Ну и ладно. Пойду продолжать.

Жена ничего не сказала на это, не сказала, что иди, мол, или еще чего в таком духе, но и другого чего — тоже не сказала. А раньше, бывало, говорила, до ругани дело доходило: надо то сделать, надо это сделать — не день же целый баню топить! Алеша и тут не уступил ни на волос: в субботу только баня. Все. Гори все синим огнем! Пропади все пропадом! «Что мне, душу свою на куски порезать?!» — кричал тогда Алеша не своим голосом. И это испугало Таисью, жену. Дело в том, что старший брат Алеша, Иван, вот так-то застрелился. А довела тоже жена родная: тоже чего-то ругались, ругались, до того доругались, что брат Иван стал биться головой об стенку и приговаривать: «Да до каких же я пор буду мучиться-то?! До каких?! До каких?!» Дура-жена вместо того, чтобы успокоить его, взяла да еще подъялдыкнула: «Давай, давай... Сильней! Ну-ка, лоб крепче или стенка?» Иван сгреб ружье... Жена брякнулась в обморок, а Иван полыхнул себе в грудь. Двое детей осталось. Тогда-то Таисью и предупредили: «Смотри... а то — не в роду ли это у их». И Таисья отступилась.

Напившись чаю, Алеша покурил в тепле, возле печки, и пошел опять в баню.

А баня всю топилась.

Из двери ровно и сильно, похоже, как река заворачивает, валил, плавно загибаясь сверху, дым. Это первая пора, потом, когда в каменке накопится больше жару, дыму станет меньше. Важно вовремя еще подкинуть: чтоб и не на угли уже, но и не набить тесно — огню нужен простор. Надо, чтоб горело вольно, обильно, во всех углах сразу. Алеша подлез под поток дыма к каменке, сел на пол и несколько времени сидел, глядя в горячий огонь. Пол уже маленько нагрелся, парит; лицо и коленки достает жаром, надо прикрываться.

Да и сидеть тут сейчас нежелательно: можно словить незаметно угару. Алеша умело пошевелил головешки и вылез из бани. Дел еще много: надо заготовить веник, надо керосину налить в фонарь, надо веток сосновых наготовить... Напевая негромко нечто неопределенное — без слов, голосом, Алеша слазил на потолок бани, выбрал там с жердочки веник плотнее, потом насек на дровосеке сосновых лап — поровней, без сучков, сложил кучкой в предбаннике. Так, это есть. Что еще? Фонарь!.. Алеша нырнул опять под дым, вынес фонарь, поболтал — надо долить. Есть, но... чтоб уж потом ни о чем не думать. Алеша все напевал... Какой желанный покой на душе, господи! Ребятишки не болеют, ни с кем не ругался, даже денег займы взяли... Жизнь: когда же самое главное время ее? Может, когда воюют? Алеша воевал, был ранен, поправился, довоевал и всю жизнь потом с омерзением вспоминал войну. Ни одного потом кинофильма про войну не смотрел — тошно. И удивительно на людей — сидят смотрят! Никто бы не поверил, но Алеша серьезно вдумывался в жизнь: что в ней за тайна, надо ее жалеть, например, или можно помирать спокойно — ничего тут такого особенного не осталось? Он даже напрягал свой ум так: вроде он залетел — высоко-высоко — и оттуда глядит на землю... Но понятней не становилось: представлял своих коров на покотине — маленькие, как букашки... А про людей, про их жизнь озарения не было. Не озаряло. Как все же: надо жалеть свою жизнь или нет? А вдруг да потом, в последний момент, как заорешь — что вовсе не так жил, не то делал? Или так не бывает? Помирают же другие — ничего: тихо, мирно. Ну, жалко, конечно, грустно: не так уж тут плохо. И вспоминал Алеша, когда вот так вот подступала мысль, что здесь не так уж плохо, — вспоминал он один момент в своей жизни. Вот какой. Ехал он с войны... Дорога дальняя — через всю почти страну. Но ехали звонко — так-то ездил бы. На одной какой-то маленькой станции, еще за Уралом, к Алеше подошла на перроне молодая женщина и сказала:

— Слушай, солдат, возьми меня — вроде я твоя сестра... Вроде мы случайно здесь встретились. Мне срочно ехать надо, а никак не могу уехать.

Женщина тыловая, довольно гладкая, с родинкой на шее, с крашеными губами... Одета хорошо. Ротик маленький, пушок на верхней губе. Смотрит — вроде пальцами трогает Алешу, гладит. Маленько вроде смущается, но все же очень бесовестно смотрит, ласково. Алеша за всю войну не коснулся ни одной бабы... Да и до войны-то тоже — горе: на вечеринках только целовался с девками. И все. А эта стоит смотрит

странно... У Алеши так заломило сердце, так он взволновался, что и оглох, и рот свело.

Но, однако, поехали.

Солдаты в вагоне тоже были взволновались, но эта, ласковая-то, так прилипла к Алеше, что и подступаться как-то неловко. А ей ехать близко, оказывается: через два перегона она уж и приехала. А дело к вечеру. Она грустно так говорит:

— Мне от станции маленько идти надо, а я боюсь. Прямо не знаю, что делать...

— А кто дома-то? — разлепил рот Алеша.

— Да никого, одна я.

— Ну, так я провожу, — сказал Алеша.

— А как же ты? — удивилась и обрадовалась женщина.

— Завтра другим эшелоном поеду... Мало их!

— Да, их тут каждый день идет... — согласилась она.

И они пошли к ней домой. Алеша захватил, что вез с собой: две пары сапог офицерских, офицерскую же гимнастерку, ковер немецкий, и они пошли. И этот-то путь до ее дома, и ночь ту грешную и вспоминал Алеша. Страшная сила — радость не радость — жар и немота, и ужас сковали Алешу, пока шли они с этой ласковой... Так было томительно и тяжело, будто прогретое за день июньское небо — опустилось, и Алеша еле передвигал пудовые ноги, и дышалось с трудом, и в голове все сплюснулось. Но и теперь все до мелочи помнил Алеша. Аля, так ее звали, взяла его под руку... Алеша помнил, какая у нее была рука — мяконькая, теплая под шершавеньким крепдешинном. Какого цвета платье было на ней, он, правда, не помнил, но колючечки остренькие этого крепдешина, некую его теплую шершавость он всегда помнил и теперь помнит. Он какой-то и колючий и скользкий, этот крепдешин. И часики у нее на руке помнил Алеша — маленькие (трофейные), узенький ремешок врезался в мякоть руки. Вот то-то и оглушило тогда, что женщина сама — просто, доверчиво — взяла его под руку и пошла потом прикасаться боком своим мяконьким к нему... И тепло это — под рукой ее — помнил же. Да... Ну, была ночь. Утром Алеша не обнаружил ни Али, ни своих шмоток. Потом уж, когда Алеша ехал в вагоне (документы она не взяла), он сообразил, что она тем и промышляла, что встречала эшелоны и выбирала солдатиков поглупей. Но вот штука-то — спроси она тогда утром: отдай, мол, Алеша, ковер немецкий, отдай гимнастерку, отдай сапоги — все отдал бы. Может, пару сапог оставил бы себе.

Вот ту Алю крепдешинную и вспоминал Алеша, когда оставался сам с собой, и усмехался. Никому никогда не рассказывал Алеша про тот случай, а он ее любил, Алю-то. Вот как.

Дровишки прогорели... Гора, золотая, горячая, так и дышала, так и валил жар. Огненный зев нет-нет да схватывал синий огонек... Вот он — угар. Ну, давай теперь накаляйся все тут — стены, поломк лавки... Потом не притронешься.

Алеша накидал на пол сосновых лап — такой будет потом Ташкент в лесу, такой аромат от этих веток, такой вольный дух, черт бы его побрал, — славно! Алеша всегда хотел не суетиться в последний момент, но не справлялся. Походил по ограде, прибрал топор... Сунулся опять в баню — нет, угарно.

Алеша пошел в дом.

— Давай бельишко, — сказал жене, стараясь скрыть свою радость — она почему-то всех раздражала, эта его радость субботняя. Черт их тоже поймет, людей: сами ворочают глупость за глупостью, не вылезают из глупостей, а тут, видите ли, удивляются, фыркают, не понимают.

Жена Таисья молчком открыла ящик, усунулась под крышку... Это вторая жена Алеши. Первая, Соня Полосухина, умерла. От нее детей не было. Алеша меньше всего про них думал: и про Соню, и про Таисью. Он разболочся до нижнего белья, посидел на табуретке, подобрав поближе к себе босые ноги, испытывая в этом положении некую приятность. Еще бы закурить... Но курить дома он отвык давно уж — как пошли детишки.

— Зачем Кузьмовне деньги-то понадобились? — спросил Алеша.

— Не знаю. Да кончились — от и понадобились. Хлеба небось не на что купить.

— Много они картошки-то сдали?

— Вова два отвезли... Кулей двадцать.

— Огребут деньжат!

— Огребут. Все копят... Думаешь, у их на книжке нету?

— Как так нету! У Соловьевых да нету!

— Кальсоны-то потеплей дать? Или бумажные пока?..

— Давай бумажные, пока еще не так ниже.

— На.

Алеша принял свежее белье, положил на колени. Посидел еще несколько, думая, как там сейчас в бане.

— Так... Ну, ладно.

— У Кольки ангина опять.

— Зачем же в школу отпустила?

— Ну.. — Таисья сама не знала, зачем отпустила. — Чего будет пропускать. И так-то учится — через пень-колоду.

— Да... — Странно, Алеша никогда всерьез не переживал болезнь своих детей, даже когда они тяжело болели, — не думал о плохом. Просто как-то не приходила эта мысль. И ни

один, слава богу, не помер. Но зато как хотел Алеша, чтоб дети его выучились, уехали бы в большой город и возвысились там до почета и уважения. А уж летом приезжали бы сюда, в деревню, Алеша суетился бы возле них — возле их жен, мужей, детишек ихних... Ведь никто же не знает, какой Алеша добрый человек, заботливый, а вот те, городские-то, сразу бы это заметили. Внучатки бы тут бегали по ограде... Нет, жить, конечно, имеет смысл. Другое дело, что мы не всегда умеем. И особенно это касается деревенских долбаков — вот уж упрямый народишко! И возьми даже своих ученых людей — агрономов, учителей: нет зазнавитее человека, чем свой, деревенский же, но который выучился в городе и опять приехал сюда. Ведь она же идет, она же никого не видит! Какого бы она малого росточка ни была, а все норовит выше людей глядеть. Городские, те как-то умеют, собаки, и культуру свою показать, и никого не унизить. Он с тобой, наоборот, первый поздоровается.

— Так... Ну, ладно, — сказал Алеша. — Пойду.

И Алеша пошел в баню.

Очень любил он пройти из дома в баню как раз при такой погоде, когда холодно и сыро. Ходил всегда в одном белье, нарочно шел медленно, чтоб озябнуть. Еще находил какое-нибудь заделье по пути: собачью цепь распутает, пойдет воротца хорошенько прикроет... Это чтоб покрепче озябнуть.

В предбаннике Алеша разделся донага, мельком оглядел себя — ничего, крепкий еще мужик. А уж сердце заньло — в баню хочет. Алеша усмехнулся на свое нетерпение. Еще побыл маленько в предбаннике... Кожа покрылась пупырышками, как тот самый крепдешин, хэ-х... Язви тебя в душу, чего только в жизни не бывает! Вот за что и любил Алеша субботу: в субботу он так много размышлял, вспоминал, думал, как ни в какой другой день. Так за какие же такие великие ценности отдавать вам эту субботу? А?

*Догоню, догоню, догоню,
Хабибу догоню!.. —*

пропел Алеша негромко, открыл дверь и ступил в баню.

Эх, жизнь!.. Была в селе общая баня, и Алеша сходил туда разок — для ощущения. Смех и грех! Там как раз цыгане мылись. Они не мылись, а в основном пиво пили. Мужики ворчат на них, а они тоже ругаются: «Вы не понимаете, что такое баня!» Они — понимают! Хоть, впрочем, в такой-то бане, как общая-то, только пиво и пить сидеть. Не баня, а недоразумение какое-то. Хорошо еще не в субботу ходил; в

субботу истопил свою и смыл к чертовой матери все воспоминания об общественной бане.

...И пошла тут жизнь — вполне конкретная, но и вполне тоже необъяснимая — до краев дорогая и родная. Пошел Алеша двигать тазы, ведра... — стал налаживать маленький Ташкент. Всякое вредное напряжение совсем отпустило Алешу, мелкие мысли покинули голову, вселилась в душу некая цельность, крупность, ясность — жизнь стала понятной. То есть она была рядом, за окошечком бани, но Алеша стал недосыгаем для нее, для ее суетни и злости, он стал большой и снисходительный. И любил Алеша — от полноты и покоя — попеть пока, пока еще не наладился париться. Наливал в тазик воду, слушал небесно-чистый звук струи и незаметно для себя пел негромко. Песен он не знал: помнил только кое-какие деревенские частушки да обрывки песен, которые пели дети дома. В бане он любил помурлыкать частушки.

*Погляжу я по народу —
Нет моего милого, —*

спел Алеша, зачерпнув еще воды.

*Кучерявый зуб большой,
Как у Ворошилова.*

И еще зачерпнул, еще спел:

*Истопила мама баню,
Посылает париться.
Мне, мамаша, не до бани —
Миленький венчается.*

Навел Алеша воды в тазике... А в другой таз, с кипятком, положил пока веник — распаривать. Стал мыться... Мылся долго, с остановками. Сидел на теплом полу, на ветках, плескался и мурлыкал себе:

*Я сама иду дорогой,
Моя дума — стороной.
Рано, милый, похвалился,
Что я буду за тобой.*

И точно плывет он по речке — плавной и теплой, а плывет как-то странно и хорошо — сидя. И струи теплые прямо где-то у сердца.

Потом Алеша полежал на полкем — просто так. И вдруг подумал: а что, вытянусь вот так вот когда-нибудь... Алеша даже и руки сложил на груди и полежал так малое время. Напрягся было, чтоб увидеть себя, подобного, в гробу. И уже что-то такое начало мерещиться — подушка вдавленная, новый пиджак... Но душа воспротивилась дальше, Алеша встал и, испытывая некое брезгливое чувство, окатил себя водой. И для бодрости еще спел:

*Эх, догоню, догоню, догоню,
Хабибу до-го-ню!*

Ну ее к черту! Придет — придет, чего раньше времени тренироваться! Странно, однако же: на войне Алеша совсем не думал про смерть — не боялся. Нет, конечно, укрывался от нее, как мог, но в такие вот подробности не входил. Ну ее к лешему! Придет — придет, никуда не денешься. Дело не в этом. Дело в том, что этот праздник на земле — это вообще не праздник, не надо его и понимать, как праздник, не надо его и ждать, а надо спокойно все принимать и «не суетиться перед клиентом». Алеша недавно услышал анекдот о том, как опытная сводня учила в бардаке своих девок: «Главное, не суетиться перед клиентом». Долго Алеша смеялся и думал: «Верно, суетимся много перед клиентом». Хорошо на земле, правда, но и прыгать козлом — чего же? Между прочим, куда радостнее бывает, когда радость эту не ждешь, не готовишься к ней. Суббота — это другое дело, субботу он как раз ждет всю неделю. Но вот бывает: плохо с утра, вот что-то противно, а выйдешь с коровами за село, выглянет солнышко, загорится какой-нибудь куст тихим огнем сверху... И так вдруг обогреет тебя нежданная радость, так хорошо сделается, что станешь и стоишь, и не заметишь, что стоишь и улыбаешься. Последнее время Алеша стал замечать, что он вполне осознанно любит. Любит степь за селом, зарю, летний день... То есть он вполне понимал, что он — любит. Стал случаться покой в душе — стал любить. Людей труднее любить, но вот детей и степь, например, он любит все больше и больше.

Так думал Алеша, а пока он так думал, руки делали. Он вынул распаренный душистый веник из таза, сполоснул тот таз, навел в нем воды попрохладней... Дальше зачерпнул ковш горячей воды из котла и кинул на каменку — первый, пробный. Каменка ахнула и пошла шипеть и клубиться. Пар вцепился в уши, полез в горло... Алеша присел, переждал первый натиск и потом только забрался на полкомк. Чтобы доски полкам не поджигали бока и спину, окатил их водой из тази-

---

ка. И зашуршал веничком по телу. Вся-то ошибка людей, что они сразу начинают что есть силы охаживать себя веником. Надо сперва почесать себя — походить веником вдоль спины, по бокам, по рукам, по ногам... Чтобы он шепотком, шепотком, шепотком пока. Алеша искусно это делал: он мелко тряс веник возле тела, и листочки его, точно маленькие горячие ладошки, касались кожи, раззадоривали, вызывали неистовое желание сразу исхлестаться. Но Алеша не допускал этого, нет. Он ополоснулся, полежал... Кинул на каменку еще полковша, подержал веник над каменкой, над паром и поприкладывал его к бокам, под коленки, к пояснице... Спустился с полкам, приоткрыл дверь и присел на скамеечку покурить. Сейчас даже малые остатки угарного газа, если они есть, уйдут с первым сырым паром. Каменка обсохнет, камни снова накалятся, и тогда можно будет париться без опаски и вволю. Так-то, милые люди.

...Пришел Алеша из бани, когда уже темнеть стало. Был он весь новый, весь парил. Скинул калоши у порога и по свежим половичкам прошел в горницу. И прилег на кровать. Он не слышал своего тела, мир вокруг покачивался согласно сердцу.

В горнице сидел старший сын Борис, читал книгу.

— С легким паром! — сказал Борис.

— Ничего, — ответил Алеша, глядя перед собой. — Иди в баню-то.

— Сейчас пойду.

Борис, сын, с некоторых пор стал — не то что стыдиться, а как-то неловко ему было, что ли, — стал как-то переживать, что отец его — скотник и пастух. Алеша заметил это и молчал. Попервости его глубоко обидело такое, но потом он раздумался и не показал даже вида, что заметил перемену в сыне. От молодости это, от больших устремлений. Пусть. Зато парень вымахал рослый, красивый, может, бог даст, и умишком возьмет. Хорошо бы. Вишь, стыдится, что отец — пастух... Эх, милый! Ну, давай, давай — целься повыше, глядишь, куда-нибудь и попадешь. Учится хорошо. Мать говорила, что уж и девчонку какую-то провожает... Все нормально. Удивительно вообще-то, но все нормально.

— Иди в баню-то, — сказал Алеша.

— Жарко там?

— Да теперь уж какой жар!.. Хорошо. Ну, жарко покажется, открой отдушину.

Так и не приучил Алеша сыновей париться: не хотят. В материну породу — в Коростылевых.

Сын пошел собираться в баню, а Алеша продолжал лежать.

Вошла жена, склонилась опять над ящиком — достать белье сыну.

— Помнишь, — сказал Алеша, — Маня у нас, когда маленькая была, стишок сочинила:

*Белая березка
Стоит под дождем,
Зеленый лопух ее накроет,
Будет там березке тепло и хорошо.*

Жена откачнулась от ящика, посмотрела на Алешу.. Какое-то малое время вдумывалась в его слова, ничего не поняла, ничего не сказала, усунулась опять в сундук, откуда тянуло нафталином. Достала белье, пошла в прихожую комнату. На пороге остановилась, повернулась к мужу.

— Ну и что? — спросила она.

— Что?

— Стишок-то сочинила... К чему ты?

— Да смешной, мол, стишок-то.

Жена хотела было уйти, потому что не считала нужным тратить теперь время на пустые слова, но вспомнила что-то и опять оглянулась.

— Боровишку-то загнать надо да дать ему — я намешала там. Я пойду ребятишек в баню собирать. Отдохни да сходи приберись.

— Ладно.

Баня кончилась. Суббота еще не кончилась, но баня уже кончилась.

ПЕРЕДАЧА КРЫМА УКРАИНЕ НЕСПРАВЕДЛИВА И НЕЗАКОННА

В этом году исполнилось 55 лет со дня выведения Крымской области из состава РСФСР и передачи ее Украинской ССР. Это, безусловно, траурная дата в российской истории. Решение, принятое в 1954 году, было сомнительным даже с точки зрения соблюдения норм и процедур советского законодательства той поры. Достаточно сказать, что соответствующее постановление Президиума Верховного Совета РСФСР в нарушение закона не было обсуждено и подтверждено решением самого Верховного Совета РСФСР. Все готовилось в спешке в обстановке управленческого своеволия и волюнтаризма тогдашнего первого секретаря ЦК КПСС Никиты Хрущева. Напомню, что решение о передаче Крыма было принято всего лишь через год после смерти Сталина, в условиях, когда всякая инициатива сверху подлежала безусловному и неукоснительному исполнению.

Люди в те времена еще не отвыкли от мысли, что любая критика и сомнение в принимаемых партией решениях может быть не просто основанием для выговора, но сопряжена с риском для жизни. Несмотря на это, первый секретарь Крымского обкома компартии протестовал против этого решения, за что вскоре был смещен с занимаемого поста.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Безусловно, в 1954 году передача Крыма от России к Украине не казалась чем-то фатальным в условиях, когда существовало единое советское государство. Это, скорее, рассматривалось как исключительное хозяйственное решение. Люди, которые поддерживали передачу Крыма УССР, нисколько не задумывались о возможных последствиях. Конечно, они не могли допустить и мысли о том, что Советский Союз когда-либо распадется. Можно сказать, что это решение имело «отложенный» эффект. По-настоящему оно сработало только в результате распада СССР, то есть после 1991 года, когда Россия и Украина на практике стали независимыми друг от друга государствами.

В нашей стране, я уверен, решение 1954 года теперь все больше воспринимают именно как трагедию, а продолжение нахождения Крыма в составе Украины как историческую несправедливость. Хочу особо подчеркнуть, что это не является следствием пропаганды или наущения «по указке из Москвы». Это глубоко народная, распространенная среди всех слоев российского общества (невзирая на национальную принадлежность) точка зрения.

Такой острой реакции широкой общественности на факт нахождения Крыма в составе Украины не было бы, если бы прошедшие годы продемонстрировали наличие реального содружества между Россией и Украиной в решении как общих, так и собственных, внутригосударственных задач наших стран. Но в условиях, когда на Украине (особенно после победы «оранжевой революции») форсированными темпами проталкивается дерусификация, впервые за все время после распада СССР в таких масштабах затрагивающая Крым и его население, возмущение по поводу принятого в 1954 году решения в России закономерным образом возрастает. И это возмущение может сыграть очень опасную роль во взаимоотношениях между РФ и Украиной, поскольку передача Крыма Украине, безусловно, была несправедлива и незаконна. Но, как это часто бывает в истории, просто так вот взять и снять эту проблему (приняв обратное решение) неимоверно сложно. Ясно, что сегодняшняя политическая элита Украины в большинстве своем ни в малейшей степени не готова признать факт сомнительной правомочности нахождения Крыма и Севастополя в составе Украины.

О Севастополе в этом контексте стоит сказать особо, поскольку еще в 1948 году этот город был выделен в самостоятельный административно-хозяйственный центр. И, как всем хорошо известно, до распада СССР Севастополь был закрытым городом и военно-морской базой, финансируемой из ис-

---

точников Министерства обороны СССР. С этой точки зрения Севастополь как административная единица был передан в состав Украинской ССР лишь по умолчанию. То есть по этому поводу даже не были приняты необходимые решения.

В результате ратификации Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве с Украиной в 1999 году Российская Федерация окончательно согласилась с тем, что Крым и Севастополь являются территорией Украины. Ратификация Большого Договора утвердила признание прежних административных (внутренних) границ между двумя союзными республиками — РСФСР и УССР в качестве государственной границы Российской Федерации и Украины. Однако это обстоятельство никоим образом не отменяет того факта, что миллионы людей в России с законной ссылкой на Конституцию своей страны могут сказать и говорят так: «Ни мы, ни наши предки, родственники, соседи или совсем незнакомые нам граждане РФ никогда не принимали сознательного решения в поддержку передачи Крыма и Севастополя Украине». То есть не голосовали на референдуме, который должен был быть проведен в процессе отчуждения части своей территории в пользу другого государства.

Еще раз повторюсь, отношение к этой проблеме в России могло бы быть иным, если бы правящие круги на Украине не проводили бы такой одиозный антироссийский курс. Сегодняшние (как, впрочем, и вчерашние) украинские власти увлеклись очень опасными экспериментами в Крыму, где они фактически сеют межнациональную рознь и сталкивают между собой основную массу населения полуострова и zaangażированный, экстремистки настроенный междис крымско-татарского народа.

Если такая политика будет продолжаться, то я не исключаю, что никакого авторитета центральной власти РФ не хватит, чтобы сдерживать то возмущение, которое может приобрести в нашей стране непредсказуемый характер. Уже сегодня такого рода настроения о возможности военного конфликта из-за Крыма проникают в среду населения России. Достаточно посмотреть опросы общественного мнения по этому поводу. На самом деле это очень опасно и должно быть предотвращено.

Как мне кажется, единственный путь выхода из этой ситуации — это добиться того, чтобы украинские власти вели себя по отношению к Крыму, его праву на культурное своеобразие и самоуправление ответственно. Чтобы официальный Киев перестал рассматривать Крым как «временно оккупированную территорию». Кроме того, он должен перестать

действовать по принципу «все, что плохо для Крыма и крымчан, то хорошо для Украины в целом». В противном случае украинская власть встанет на те же рельсы (и с тем же результатом), что и власть самостоятельной Грузии по отношению к Южной Осетии и Абхазии. А нынешнее развитие событий может привести к очень серьезным катаклизмам.

Поэтому я считаю, что сейчас вопрос заключается в том, можем ли мы быть на самом деле уверенными в том, что сама власть на Украине способна сделать необходимые выводы и измениться в ходе демократических процедур (выборов и перевыборов). Так, чтобы к рулю украинской политики пришли здравомыслящие люди, которые не будут разыгрывать «крымскую карту» в ущерб русскому населению, отношениям с Россией, а, в конечном итоге, в ущерб самой Украине.

Если мы считаем, что подобные надежды небезосновательны, то в таком случае нужно очень осторожно относиться к разговорам о передаче Крыма от Украины к России. Россия, конечно, не может их реально поддержать своими действиями, несмотря на все сочувствие крымчанам, поставленным в дискомфортные условия, если есть обоснованная надежда, что завтра ситуация начнет меняться к лучшему. Есть и другая причина: при любом изменении статуса автоматически возникает вопрос о будущем наших соотечественников — русского и русскоязычного населения на Востоке Украины и Украине в целом. Если бы сегодня РФ поставила своей целью только возвращение Крыма, то мы обнаружили бы, что расходимся с нашими ближайшими союзниками на Востоке Украины, которые в этой ситуации принуждены были бы бороться с русофобией на Украине без помощи крымчан. Таким образом, прозападные силы получили бы преимущество в борьбе за будущее украинского государства. Чаша весов в споре между Востоком и Западом находится в динамическом равновесии. Сейчас, как следствие «оранжевой» революции, есть существенный перекося в сторону Запада, но маятниковое течение политических процессов на Украине предполагает, что завтра и вектор, и баланс могут измениться. Изъятие Крыма из внутриукраинского контекста означало бы нанесение критического ущерба для пророссийских сил в украинской политике.

РФ вернется к вопросу о принадлежности Крыма, если исчерпает все возможности компромисса с украинской властью. Такое ответственное решение может быть принято, только если Россия исчерпает всякую надежду на возможность достижения компромисса не столько в «крымском вопросе», сколько вообще в вопросе о компромиссном (нейтральном)

статусе всей Украины. Если украинские власти не сменят свою пронаатовскую ориентацию во внешней политике, если они получат шанс добиться членства в этом военном блоке (или каком-то еще), то, безусловно, отпадут всякие основания для продления Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между РФ и Украиной. Он неминуемо будет денонсирован с российской стороны.

Возникнет совершенно новая ситуация, которая вновь породит проблему Крыма как территориальный спор между Россией и Украиной. Фактически мы войдем в такое же состояние, в котором в течение многих десятилетий находимся в отношениях с Японией.

Как известно, несмотря на определенное развитие российско-японских отношений, проблема неурегулированности статуса Курильских островов продолжает сохраняться (по крайней мере, для Японии). Япония продолжает рассматривать часть Курильской гряды как «оккупированные Россией территории».

Так же и мы в случае окончательного расхождения с Украиной (и разрыва нашей цивилизационной общности) будем вынуждены вернуться к рассмотрению вопроса о нахождении Крыма в составе Украины как неурегулированной проблеме, которую нужно решать заново.

УКРАИНСКИЙ ВОЛАПЮК: ЦЕЛЬ И МЕТОДЫ СОЗДАНИЯ

Волапюк, как известно, представлял собой искусственный международный язык, изобретенный в 80-е годы XIX столетия пастором Шлейером в герцогстве Баденском, в местечке Лиццельштеттене, близ Констанца. Пастор считал, что наличие у людей разных национальностей единого языка значительно облегчит им взаимопонимание и поможет избежать международных конфликтов, очень часто завершающихся кровавыми войнами. Несмотря на весь утопизм идеи, у Шлейера нашлось немало сторонников, и тысячи кружков его последователей в короткий срок расползлись по всей Европе. Безумное стремление многих тысяч людей отказаться от собственного национального языка стало первым демонстративным проявлением набиравшего силу глобализма. Но в тот момент из этой абсурдной затеи ничего не вышло, и очень скоро волапюк стал синонимом тарабарщины и мешанины непонятных слов. Что отнюдь не ослабило усилий по подрыву национальных языков. Так, в 1887 г. варшавским врачом Заменгофом на основе грамматических и лексических элементов ряда западноевропейских языков был создан еще один искусственный язык — эсперанто. Судьба этого новояза была более успешной, и еще во второй половине XX столетия можно было встретить его сторонников,

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

которые даже умудрялись проводить международные «научные» конференции, но и эсперанто, в конце концов, отправился на свалку истории, хотя отдельные секты его почитателей существуют до сих пор.

Так называемый «украинский язык» из разряда тех же искусственных языков, разве что не претендует на статус международного средства общения, и все проблемы его функционирования и распространения связаны именно с искусственным характером его происхождения и формирования.

Еще две сотни лет назад никакого «украинского языка» в Малороссии и в помине не было и никому не приходило в голову вынашивать планы его создания. Малорусский этнограф А.Ф. Шафонский (1740—1811), составивший в конце XVIII века описание Черниговского наместничества (южной половины Черниговской губернии и западной половины губернии Полтавской), о языке малорусского населения писал, что он есть славянорусский и отличается от великорусского (русского) только произношением и выговором некоторых слов, а в сущности, вся Малая Россия со всей Российской Империей **употребляет один язык.**

Конечно, попытки литературного использования разговорной малороссийской «мовы», сложившейся за время трехсотлетней польской оккупации и представлявшей собой смешанный русско-польский диалект, имели место уже в XVIII веке в виде интермедий и виршей (поздравительных, шуточных, любовных), но спрос на такую литературу был невелик, а лексический багаж ее крайне беден. И в дальнейшем усилия придать ей литературный характер носили спорадический характер, и только на заре XIX столетия среди малороссов появился ряд любителей, писавших на «мове» более или менее удачные произведения. Наибольшую известность среди них приобрела «Перелицованная Энеида» И.П. Котляревского (1769—1838), для которой он воспользовался готовой канвой и даже стихотворной формой Русской «Энеиды наизнанку» Осипова. Богатая русскими лексическими заимствованиями, эта пьеса представляла собой скорее поэтический *шарж*, чем «высокую литературу», и не зря Шевченко презрительно называл ее «смеховиной на московский лад». Да и сам Котляревский смотрел на свои малорусские произведения как на «баловство», и именно этим объясняется то обстоятельство, что его «Энеида» увидела типографский станок помимо желания автора.

Тем не менее, у Котляревского нашлись подражатели: харьковский поэт В.Г. Маслович (1793—1841), помещавший с 1816 года малорусские стихотворения в им же издаваемом

сатирическом журнале «Харьковский Демокрит», и П. П. Гулак-Артемовский (1790—1865), студент, а затем и ректор Харьковского университета, печатавший с 1818 г. плоды своей малорусской музыки в харьковском же периодическом органе «Украинский вестник». Большую популярность приобрела басня Гулака «Пан та собака», представлявшая переделку двух произведений польского писателя Красицкого («Pan i pies» и «Pan nie wart slugi»).

Но все эти попытки по-прежнему не выходили за рамки вполне безобидного чудачества, своего рода литературного эпатажа и носили характер случайный и эпизодический. Даже для их создателей они представляли занятие побочное и второстепенное, а основным языком их общения и творчества являлся именно русский. Лишь со временем в этих по виду чисто литературных опытах все более ясно стала сказываться политическая составляющая. Типичным выразителем ее явился историк Н. И. Костомаров (1817—1885). Будущий идеолог малороссийского сепаратизма до двадцати лет не только не говорил на «мове», но и совершенно ее **не знал**. Не понимал и произведений, написанных на ней. В своей «Автобиографии» он признается, что поначалу в качестве «учителя» и «переводчика» ему служил его шестнадцатилетний слуга, выходец из Малороссии. «Кроме того, где только я ни встречался с коротко знакомыми малороссами, то без церемонии осаждал их вопросами: что значит такое-то слово или такой-то оборот речи?» К созданию собственных произведений на «мове» Костомарова подталкивало уже не литературное «баловство», а сугубо политические мотивы. Именно литературу на разговорном малорусском диалекте выставлял он впоследствии в качестве «неопровержимого» доказательства существования отдельного «украинского народа». Между тем все сочиненные им «вирши» (изданные в Харькове в 1839 г. под названием «Украинские баллады») со всей очевидностью демонстрируют, что в момент их создания никакого отдельного от русского «малороссийского языка» не существовало, ибо написаны они, хотя и *намеренно испорченными*, но все же русским языком. С. Н. Щеголев называл эти стихотворения «опытами выворачивания русского языка на малорусский лад», и в обоснование своей мысли цитировал следующие перлы «малорусской поэзии» Костомарова:

*Не нам, Боже, розгадаты
Небесны глаголы;
Суди, Боже, нашу долю
Та по Твоій волі.*

---

*Свиты, зоре, на всю землю,
Поки сонце зійде,
Поки Божій день на землю
Красотворный прійде.*

* * *

*Нас неволя, наша доля,
На свит породила,
Подражншла свободою,
Тай не вдовольныла.
Свитять зори, як свитылы,
И будуть свитыты,
А мы на их надивывшись,
Ляжем в землю тлиты.*

Конечно, и сам Костомаров прекрасно знал, что «самостоятельный малорусский язык» еще только предстоит создавать, почему и двадцать лет спустя, приступая к изданию украинского журнала «Основа», по-прежнему был озабочен разработкой аргументов, которые подтверждали бы наличие отдельного «украинского языка», принципиально отличного от русского. В письме к А. Котляревскому он писал (1859): «Необходимо написать большую, ученую, филологическую работу, где показать, что *южнорусское* наречие есть самостоятельный язык, а не неорганическая смесь русского с польским. Это необходимо, от этого зависит наше дело».

Странная вывернутая логика: разрабатывать «научные» доказательства наличия «языка», который еще только намеревались создать. В 1857 г. еще один столп малорусского сепаратизма П.А. Кулиш (1819—1897), хлопоча об издании украинского журнала, писал: «Если бы был журнал, то есть деньги на него, то можно б и найти дельных ребят, которые поняли бы, что нам нужно, и **создали бы свой язык** не хуже чехов и сербов». Сам Кулиш был как раз из таких «дельных ребят» и с чувством законной гордости сообщал своему корреспонденту: «Вот я, отдыхаячи, перевел по-нашему первую песню Чайлд Гарольда так, будто и нет на свете московской речи, а только английская и наша...»

«Отдыхаячи» можно, конечно, состряпать псевдолитературный жаргон (дурное дело — нехитрое!) и даже строчить на нем свои бездарные произведения, но проблема *читателей* подобного чтива при этом остается неразрешимой. Что, собственно, и произошло с первым украинским журналом «Основа», на который идеологи малорусского сепаратизма возлагали исключительные надежды. Не просуществовав и

двух лет (с января 1861-го по сентябрь 1862 года), он без всякого давления со стороны властей заглох сам собою по одной-единственной причине — отсутствию читателей. Уже тираж за 1861 г. не был распродан до конца, а с начала 1862-го журнал стал испытывать серьезные финансовые затруднения из-за недостатка подписчиков, постоянно задерживал выход очередных номеров и совсем закрылся к концу года. Ничего удивительного: «украинский язык», на котором публиковалась большая часть его материалов, был понятен считанным единицам, а именно тем, кто принадлежал к избранному кругу его непосредственных изобретателей. Ни в Петербурге, ни в самой Малороссии читающая публика ничего не знала о существовании такого языка и, естественно, не могла его понимать.

В этом плане весьма показательный эпизод случился в 1861 году. Именно в «Основе» П.А. Кулиш решил предпринять попытку официального издания на «малорусском наречии» «Положения 19 февраля» об отмене крепостного права. Его хлопоты в этом направлении увенчались успехом и 15 марта 1861 г. последовало разрешение на «перевод». Работа закипела. Кулиш при посредничестве Костомарова, Маркевича и официального редактора «Основы» В.М. Белозерского (1825—1899) разработал (т.е. придумал) юридическую терминологию. В апреле (темпыковки новых слов просто неслыханные!) уже были отпечатаны корректурные листы первых 114 параграфов «Положения» и отданы на рассмотрение Государственного Совета. Здесь-то и обнаружилась вся нелепость затеи. Вместо непонятных крестьянину юридических терминов и других выражений официального (русского) текста, которые ему мог легко растолковать любой местный интеллигент (священник, мировой посредник, местный учитель) в малорусском «перекладе» кишмя кишели и полонизмы, и исковерканные русизмы, и вновь образованные слова, смысл которых составлял секрет изобретателей и заведомо был недоступен расшифровке читателем-малороссом любого уровня грамотности. Получив соответствующие разъяснения от секретаря Госсовета, Кулиш должен был отказаться от своей фантастической затеи. «Перевод» так и остался незавершенным. «Українська мова» упорно не приживалась на русской почве...

Даже публикация в каждом номере «Основы» произведений Тараса Шевченко (ум. в феврале 1861 г.) не спасла журнал от краха. Не вдаваясь в оценку творчества «малорусского кобзаря», заметим только, что едва ли не большую часть своих произведений он написал по-русски, причем на русском языке писал во всех родах словесности: и поэмы, и по-

---

вести, и драмы. В 1841 году написаны им повесть в стихах «Слепая», драма «Никита Гайдай» и историческая мелодрама «Невеста». К 1842 г. относится написание драмы «Данило Рава», к 1843 — драмы «Назар Стодоля». В 1844—1846 годах он написал повесть «Наймычка», в 1845 — повесть «Варнак». К этому же периоду относятся его рассказы на русском языке: «Художник», «Музыкант», «Прогулка» и ряд других. Даже свой дневник (!) Шевченко писал по-русски. Но утвердиться в русской литературе, где в это время тон задавал великий Гоголь, у него не было никаких шансов. Слишком убогим и примитивным был его поэтический дар. Иное дело произведения на «малорусском наречии». Да при этом еще и с русофобской начинкой. В тогдашнем Петербурге, где вовсю уже орудовали идейные наследники декабристов, спрос на такого рода литературу был гарантирован. Талант при этом особой роли не играл. Шевченко, не без помощи Кулиша и Костомарова, быстро сориентировался в выгодах момента и стал ударно штамповать свои злобные, ненавистнические «вирши». Три четверти из них были подражательны, безвкусны, глубоко провинциальны и невысоко котировались в стане истинных ценителей поэзии. Зато любители «революционных потрясений» по достоинству оценили их разрушительный пафос и массово тиражировали под видом оригинальной «малороссийской литературы», вознеся Шевченко в ранг «национального пророка» и поэтического «гения». У того естественным образом закружилась голова, но даже после этого он не стал экспериментировать с языком и по-прежнему писал свои произведения на том разговорном малороссийском суржике, который знал с детства и который, несмотря на известную полонизацию, сохранял свою русскую основу, почему и был понятен любому русскому читателю. Если Шевченко и проявлял пристрастие к политическому малорусскому сепаратизму, то в литературном сепаратизме грешен не был. М.П. Драгоманов (1841—1895) замечал по этому поводу: «Шевченко не имел мысли непременно создавать отдельную украинскую литературу, ибо он писал свои повести по-русски, так же писал свой дневник, сценарий к «Стодоле» и тому подобное; видимо, Шевченко выбирал себе язык более легкий и более подходящий для данного случая, а не думал непременно создавать особую самостоятельную литературу и язык». В этом плане он ничем не мог помочь Кулишу и компании...

Многочисленные неудачи на пути создания псевдонародного «украинского языка» нисколько не поколебали энтузи-

---

азма его творцов. Впрочем, успехов им тоже не добавили. Показательна в этом плане судьба еще одного украинского журнала «Громада», издание которого предпринял М.П. Драгоманов. В 1876 г. он покинул Россию и со специальной целью основать за границей «свободное украинское слово» осел в Женеве, где и начал выпуск «Громады». Журнал издавался на пожертвования, собранные в Малороссии. Здесь же обсуждался вопрос, на каком языке публиковать его материалы, и мнение тех, кто собирался в нем сотрудничать, было единодушным: по-украински. «И что же? — вспоминал Драгоманов позднее. — Как только дошло до распределения статей для первых книг “Громады”, сразу же послышались голоса, чтобы допустить не только украинский, но и русский язык». Те, кто гордо величали себя «украинцами», с пеной у рта доказывая, что существует особый “украинский язык”, ничего не могли на нем написать. Поэтому, когда от слов перешли к делу, число тех, кто обещал печатать свои материалы в журнале, резко пошло на убыль. Десять из двенадцати главных его сотрудников «не написали в нем ни одного слова». Из двух десятков людей, «обещавших сотрудничать в “Громаде” и кричавших, что надо “отомстить” правительству за запрещение украинской печати в России, осталось при “Громаде” только четверо. Двум из них пришлось импровизированным способом превратиться в украинских писателей».

Столь же «импровизированный» характер носил и язык, на котором эти «писатели» созидали свои «украинские» произведения: кроме них самих, его никто не понимал. «Нас не читали даже ближайшие друзья, — признает Драгоманов. — Для них просто тяжело было прочесть по-украински целую книжку, да еще написанную прозой, и они не печатали своих статей по-украински ни в “Громаде”, ни где бы то ни было, тогда как часто печатались по-русски». «Украинский язык» и на исходе XIX века, несмотря на лихорадочную деятельность по его конструированию, все еще представлял собой искусственный, мертворожденный *жаргон*, обслуживающий потребности членов немногочисленной *политической секты*. Неудивительно поэтому, что у авторов, пишущих на нем, напроць отсутствовала читательская аудитория. «За все время существования женевского издательства, — пишет Драгоманов, — я получал от самых горячих украинофилов советы писать по-украински только про специальные краевые дела (домашний обиход!), а все общие вопросы освещать по-русски». Драгоманов раскрывает и «секрет» этого стойкого неприятия «ридной мовы» даже в стане «щирых украинцев»: «Для украинской интеллигенции, так же как и для украино-

---

филов, русский язык еще и теперь является родным и природным». Родной была для них и русская литература: «Российская письменность, какова бы она ни была, является до сих пор своей, родной для всех *просвещенных украинцев*, тогда как *украинская* существует у них для узкого круга, для “домашнего обихода”, как сказали Ив.Аксаков и Костомаров».

Само творчество на «украинском языке» являлось для этих «писателей» не более чем выражением их политической оппозиции и этнического нигилизма, и собственно к литературному творчеству не имело отношения. Это вынуждены были признавать даже самые завзятые «украинцы». Тридцать лет спустя после признания М.П. Драгоманова украинский литературный критик Сриблянский отметит (1910): для большинства наших писателей литература не является средством проявления своего внутреннего «я», а отождествляется с патриотизмом (естественно, «украинским»). Чтобы быть патриотом, господин Х начинает писать по-украински, не зная украинского языка... Попутно замечу: только «украинец» способен на такое: творить на языке, которого **не знает!** И только благодаря такого рода «подвигам» процесс созидания «украинской литературы» пусть и медленно, но шел вперед. Но в силу тех же причин «становление» этой «литературы» еще и в начале XX столетия носило откровенно болезненный и карикатурный характер, когда десятки «малых Тарасиков», в основе своей представлявших горькую, обидную бездарность, тоннами штамповали виршованную макулатуру на украинском новоязе. Ю.А. Яворский (1873—1937), воочию наблюдавший этот патологический процесс в Галиции, так определял его смысл:

«Нужно только ближе рассмотреть всю современную мало-русскую или, как она величается, “украинскую” литературу, чтобы убедиться, что это только **болезненный нарост** на русском народном теле. Приглянувшись, мы увидим, что все эти Школиченки, Подоленки, Торбенки и другие “енки” — не писатели, не поэты, даже не литературные люди, а просто **политические солдаты**, которые **получили приказание: сочинять литературу**, писать вирши по заказу, на срок, на фунты. Вот и сыплются как из рога изобилия безграмотные литературные “произведения”, а в каждом из них “ненька Украина” и “клятый москаль” водятся за чубы. Ни малейшего следа таланта или вдохновения, ни смутного понятия о литературной форме и эстетике не проявляют эти “малые Тарасики”, как остроумно назвал их Драгоманов, но этого всего от них и не требуется, лишь бы они заполняли столбцы “Зори” и “Правды” (газеты

украинофильской партии в Галиции. — С.Р.), лишь бы можно статистически доказать миру, что, дескать, как же мы не самостоятельный народ, а литература наша не самостоятельная, не особая от “московской”, если у нас имеется целых 11 драматургов, 22 беллетриста и 33,5 поэта, которых фамилии оканчиваются на “енко”?»

Этот откровенно заказной характер производства «украинских произведений» привел к небывалому распространению в среде «украинских авторов» самого беспардонного плагиата. Творцы «украинской литературы» без всякого стыда и стеснения заимствовали сюжеты у других писателей (в основном, у тех, кто писал по-русски), переносили действие на малороссийскую почву, переименовывали литературных героев на местный манер и, таким образом, выдавали на-гора очередной «шедевр» «украинской литературы». Нередко подобное воровство обнаруживалось, и тогда вспыхивали скандалы, дело доходило даже до судебных процессов, что несколько не меняло направления «творческих поисков» самостоятельных авторов.

Первый конфуз на этой почве случился в 1863 г. в области «украинской музыки», когда на сцене Мариинского театра в Петербурге впервые была поставлена опера С.С. Гулака-Артемовского (1813—1873) «Запорожец за Дунаем». Опера имела большой успех, но уже в следующем сезоне ее сняли с репертуара. Оказалось, что музыку для «своей» оперы Гулак-Артемовский большей частью «позаимствовал» у... Моцарта (из оперы «Похищение из сераля»), лишь добавив туда несколько народных малороссийских песен и чуть-чуть переработав отдельные места. Разразился скандал. Театральные критики обвинили «композитора» в плагиате. Но, несмотря на конфуз в Петербурге, в Малороссии опера стала очень популярной. Как отмечал современник, фрагменты из этого произведения «часто поют украинские любители пения, не подозревая, что они исполняют музыку Моцарта. Опера Моцарта “Похищение из сераля” на Украине никогда не исполняется, а “Запорожца за Дунаем” хорошо знает каждый украинский театрал». И в самом деле: зачем нужен Моцарт, когда имеется свой украинский Гулак?..

Но особенно отличились на поприще присвоения чужих идей и сюжетов украинские драматурги: М.П.Старицкий (1840—1904), М.Л. Кропивницкий (1840—1910), И.К. Карпенко-Карый (1845—1907), Н.К. Садовский (1856—1933) и другие, менее известные их «коллеги». Сюжеты они «одолживали» у А.Н. Островского, А.Ф. Писемского и других русских писателей. М.П. Старицкому в этом «почетном» спис-

---

ке справедливо принадлежит первое место. Позднее литературоведы установили, что сюжеты всех пьес этого «автора», кроме одной, определенно «позаимствованы» у других (не только у известных русских литераторов, но и деятелей провинциальной малорусской литературы). Лишь по поводу пьесы «Не судилось», очень похожей по содержанию на пьесу М.Л. Кропивницкого «Доки сонце зійде, роса очі виїсть», специалисты не пришли к однозначному выводу: кто у кого украл.

Не отставали от «драматургов» и творцы других отраслей «украинской литературы». Так, при рассмотрении цензурой в 1894 г. рукописи басен Л.И. Глибова было установлено, что из 107 помещенных там «произведений» 87 (!) заимствованы у И.А. Крылова и лишь переведены на «малорусское наречие», а остальные взяты у других, менее известных русских авторов. Между тем издатели (сам Глибов к тому времени уже умер) пытались выдать эти басни за оригинальные произведения «украинского байкаря». Цензура книгу запретила, после чего посыпались жалобы на «притеснения» и, что самое интересное, «украинцы» добились-таки разрешения издать сборник басен, хотя и в несколько урезанном виде...

С началом нового XX века вал «украинской литературы» с каждым годом количественно возрастал, но качественно она так и продолжала оставаться никому не нужной макулатурой, которую — ввиду отсутствия спроса — приходилось распространять в основном бесплатно. Ее искусственно мутированный «украинский язык», несмотря на титанические усилия его создателей по внедрению своего детища в жизнь, был так же чужд населению Малороссии, как и столетие назад, когда появились первые произведения на «мове». Даже снятие всяких официальных ограничений, приведшее к лавинообразному росту украиномовной литературы, в том числе прессы, нисколько не изменило положения. Один из активнейших деятелей украинства Ю.Сирый (Тищенко) писал об этом времени: «Помимо того **маленького круга украинцев**, которые умели читать и писать по-украински, для многомиллионного населения Российской Украины появление украинской прессы с новым правописанием, с массой уже забытых или новых литературных слов и понятий и т.д. было чем-то не только новым, а и тяжелым, требующим тренировки и изучения».

Но желающих «потренироваться» в изучении искусственно сконструированного украинского новояза было немного, поэтому, по свидетельству того же Тищенко-Сирого, даже «Рідний край», одна из самых распространенных украино-

---

мовных газет, имела всего около 200 подписчиков, (да и тех, в основном, из среды украинских политдеятелей). «И это в то время, когда такие враждебные украинскому движению и интересам украинского народа русские газеты, как «Киевская мысль», «Киевлянин», «Южный край» и т.д., выходящие на Украине, имели огромные десятки тысяч подписчиков и это подписчиков-украинцев, а такие русские журналы, как «Родина», «Нива» и т.д., имели на Украине сотни тысяч подписчиков».

Украинские газеты того времени наполнены жалобами на отсутствие всякого интереса к украинской прессе со стороны малороссов. Проанализировавший эту сторону вопроса С.Н. Щеголев приводит весьма красноречивые факты. Харьковский «Сніп» (1912) опубликовал письмо своего подписчика, который «изверился в необходимости развивать украинскую культуру, ибо... украинский народ не хочет читать своей литературы, украинская молодежь поднимает на смех свой язык и национальность... а украинского газетного языка народ не понимает». «Рада» приводила выдержку из письма одного бывшего участкового агронома (1912): «Скажу вам, что в Екатеринославщине, Херсонщине и Таврии население говорит почти по-русски; украинские книги здесь уже не понятны. Я сам раздавал “Розмови про сільське хазяйство”, и большинство крестьян возвращало их обратно, высказывая сожаление, что ничего не понимают. Обыкновенно просят дать книг **русских**». А вот картинка с Волини из села Жеребков (1910). Люди здесь «ревностны к науке»: каждый хозяин обязательно посылает своих детей в местную одноклассную школу, а то и в двуклассную школу соседнего местечка. Много молодых хлопцев учится по городам в различных училищах, а есть и такие, что учатся в Петербургском университете... Большинство крестьян праздничную гульбу заменили чтением газет и книг. Здесь выписывают до 30 газет, исключительно русских. Из села Пасицели Херсонской губернии сообщали (1911), что открытая при потребительской лавке продажа книг идет вяло. Почти все книги на «украинском языке», но люди почему-то их неохотно берут. Возьмет человек книгу в руки, поглядит и со словами «Ще щось не по нашому» кладет ее обратно. По сообщению корреспондента «Рады» из Сумского уезда (1911) человек, впервые попавший в Сумы, никогда не подумает, что этот город украинский, а не московский, настолько люди тут «обрусели», настолько «отреклись от самих себя». Изю всего Сумского уезда, добавляет тот же корреспондент, лишь душ десять выписывают украинские газеты и журналы, прочие же читают

исключительно русскую литературу, «как более понятную, чем малороссийская»...

Несколько десятилетий титанических усилий по ускоренному созданию «украинского языка» так и не привели к какому-либо плодотворному результату: он по-прежнему находился в стадии формирования. Та же газета «Рада» в обращении к своим читателям в 1911 году вынуждена была признать, что «украинский литературный язык **только лишь вырабатывается** и еще не успел приспособиться к народному», а потому просила подписчиков, знающих только народное наречие, не смущаться, если для них **язык газеты непонятен**. Редакция затем сознавалась, что и сотрудники ее сами лишь **«учатся писать на своем языке»!** Такая вот «ридна мова», на которой взрослые образованные люди, насилуя себя, вынуждены были «учиться писать». Вечный нескончаемый ликбез...

Знаменитый фальсификатор русской истории масон М.С. Грушевский (1866—1934), принимавший самое непосредственное участие в разработке украинского новояза, рекомендовал апологетам самостийничества не падать духом и мужественно преодолевать возникающие при овладении «мовой» трудности, а для прочтения и уразумения украинских статей или книжек максимально «напрягать свое внимание» и почаще «заглядывать в словарик». Для пущего же вдохновения отсылал их к образам Священного Писания: «Ветхозаветная легенда повествует о своем национальном герое, что он в пылу гнева, не имея иного оружия, побил тысячи врагов ослиною челюстью, которая попалась ему под руку. Я думаю, что наши современные культурные орудия — литературный и научный язык (украинский. — С.Р.), терминология, правописание — представляют все-таки нечто лучшее той ослиной челюсти. Но если бы все это было действительно только ослиной челюстью, то и с этим орудием мы сумеем совершить великие подвиги на ниве культурно-национального возрождения нашего народа. Иного оружия, иных средств мы не имеем и не будем иметь».

«Язык» предлагался в качестве оружия и средства «истребления врагов». Такого рода «культурное орудие» и ковалось ускоренно в течение всего XIX века идеологами малороссийского сепаратизма. Иного оружия, действительно, не было дано.

Все нелепости формирования «украинского языка», его ответственность и нежизнеспособность как раз и объясняются той разрушительной ролью, которую изначально отводили вновь изобретаемому новоязу его творцы: **раскол единой**

Русской нации, отделение от нее малороссов и превращение их в отдельный «украинский народ». Так как малороссы хорошо помнили, что они именно Русские, следовало для них создать особый «украинский язык», внушить им, что именно он, а не русский, является для них «родным», приучить (**заставить**) их пользоваться им, а затем на этом основании объявить «украинцами». Для передовых русских людей эта **истинная цель** украинства уже в то время никакой тайны не составляла, и они повели решительную борьбу с самостийничеством. Однако поначалу им пришлось столкнуться с совершенно украинофильской позицией русского правительства и затратить немало усилий на то, чтобы изменить его отношение к малороссийскому сепаратизму.

С восшествием на престол нового Императора Александра II (1855—1881) Петербург превратился в самый настоящий центр и рассадник украинства. Были амнистированы осужденные в предыдущее царствование активисты тайного общества малорусских сепаратистов «Кирилло-Мефодиевское братство»: Костомаров, Кулиш, Шевченко и др. Снят запрет на публикацию их произведений. Возвращенный из ссылки Костомаров получил место профессора Петербургского университета. Его появление в университете было отмечено с невиданным триумфом — после первой лекции новопеченного профессора вынесли из аудитории на руках. У Кулиша в Петербурге появилась собственная типография. За 1860—1862 г. он издал в ней на «мове» в серии «Сельская библиотека» 39 различных брошюр, что равнялось числу «украинских книг» за предыдущие 40 лет. В 1858 г. вернулся в столицу и Шевченко. Деятельность сепаратистов закипела с еще большим размахом.

В связи с отменой крепостного права русское правительство и общественное мнение были озабочены развитием начального образования для крестьян. На эту благодатную почву прежде всего и перенесли свои усилия малороссийские самостийники и под видом распространения в народе грамотности принялись активно насаждать в его среде свои сепаратистские идеи. О размахе этой деятельности и полной ее открытости свидетельствовало уже то, что в начале 1862 г. в Петербурге и Москве можно было свободно купить шесть (!) «малороссийских букварей» разных авторов, в том числе Кулиша и Шевченко. Власти не только не чинили препятствий их изданию, но еще и ассигновали через министерство просвещения 500 рублей для печатания учебников на «мове» для народных школ, даже не задумываясь над тем, что само наличие подобной литературы дает в руки сепаратистам нео-

---

тразимый аргумент в пользу существования отдельного «украинского народа»: «самостийный» язык — «самостийный народ»!

О более чем солидных тиражах такого рода литературы говорит следующий факт. В начале 1861 г. группа харьковских «украинцев» отправила Киевскому митрополиту Арсению 6000 (!) экземпляров букваря Шевченко для использования в народных школах. То, что организаторы этой акции даже не запросили предварительно митрополита Арсения о его готовности принять книгу, но сразу послали ему такое огромное количество экземпляров, войдя в весьма серьезные расходы, свидетельствует о полной их уверенности в том, что никаких препятствий они не встретят.

Их и не было. Насколько далеко в этот момент заходила лояльность русской власти к нарождающемуся украинству, можно судить по позиции, занятой Святейшим Синодом, цензуре которого подлежали все книги религиозного содержания. В 1862 г. с его разрешения была напечатана на «малорусском наречии» подготовленная священником Степаном Опатовичем и предназначенная для народа «Священная история». Хотя со стороны «народа» никаких просьб на этот счет не поступало. Малороссов вполне устраивала православная литература на русском. В том же 1862 г. на русский язык было переведено Евангелие. О популярности русского перевода Евангелия среди крестьян Малороссии можно судить уже по тому, что только с 1863 по 1865 г. разошлось более 1 миллиона 250 тысяч экземпляров. Тем не менее Синод готов был согласиться и на публикацию Евангелия, переведенного на «малорусское наречие» Ф.С. Морачевским. Терпимое отношение Церкви к экспериментам с «украинским языком» предопределяло пассивность в этом вопросе не только русского общества, уже вполне пораженного заразой «либеральных устремлений», но и русской власти...

Самостийники с лихвой воспользовались предоставленными возможностями. Вот типичная для того времени картинка: «По украинским селам стали появляться, в бараньих шапках, усердные распространители малороссийской грамотности и начали заводить малороссийские школы... Начали появляться книжки на новосочиненном малороссийском языке. Наконец, одним профессором (речь идет о Костомарове. — С.Р.), составившим себе литературную известность, торжественно открыта национальная подписка для сбора денег на издание малороссийских книг и книжек». Кампания по сбору средств проходила при самом активном участии русского «передового общества». Например, 6 апре-

---

ля 1863 г. в петербургском Дворянском собрании состоялся литературно-музыкальный вечер в пользу издания книг для народа на «малороссийском наречии». На вечере выступали К. И. Бестужев-Рюмин, В. И. Каховский, Н. Г. Помяловский. Доклад самого Костомарова несколько раз прерывался оглушительными рукоплесканиями. И ни одному из присутствовавших «прогрессивных деятелей», устроивших овацию сепаратисту и считавших себя, по-видимому, очень умными, почему-то не пришло в голову, что через каких-нибудь полвека, не в последнюю очередь благодаря и их поддержке украинства, Киев, Полтава, Одесса и еще множество русских городов и весей будут объявлены «иностранными»...

Но не все были столь слепы и глухи к нарождавшейся угрозе. Национально мыслящие Русские люди обратили, наконец, внимание на деятельность «украинцев», явным образом направленную на раскол Русской нации и деформацию ее национального сознания. Первыми забили тревогу малороссы. Так, профессор филологии Киевского университета С. С. Гогоцкий (1813—1889), автор первого в России многотомного философского словаря — «Философский лексикон» (тт. 1—4), дал достойную отповедь усиленным попыткам сепаратистов внедрить в отношении Малороссии и ее жителей новые термины «Украина», «украинцы», «украинский»: невозможно «*придать Украине, этому обыкновенному названию местности, территориальной окраины, такое значение, которого она никогда не имела, не имеет и иметь не может... Украина это название вовсе не одновременное с происхождением первичных частей Древней Руси, а гораздо позднейшее, и притом название, как мы сказали, только полосы территории на юг от Киева, или даже от Роси... **Наш юго-запад не украина, с древнейших времен русской истории этот русский край носит уже название Руси, русского... Оттого и до сих пор на юго-западе говорят, например, русский фольварок, в отличие от польского... но никто никогда не говорил и не говорит: «украинский фольварок»... По какому же праву мы позволяем себе вторгаться с украинскими планами в землю издревле русскую, а не украинскую? Ведь подобные названия — не кличка, которую можно переменять как угодно. Кто в самом деле уполномочивал украинолюбцев отнимать у нас древнее название Русских и все принадлежности этого названия, в том числе и наш общий, культурный русский язык, выработавшийся таким долговременным и многотрудным процессом нашей истории, и все это заменять чьим-то украинским, т. е. возникшим гораздо позднее, чисто частным и обозначающим только крайнюю местность?.. Смешное и жалкое увлечение, будто украинское может быть для нас выше и важнее русского!»***

Малороссы же первыми указали и на явно подрывной характер украинской «учебной» литературы для народа. Тот же С.С. Гогоцкий в своем письме в Петербург (19 декабря 1859 г.) священнику Василию Гречулевичу, автору одного из многих появившихся в то время «малороссийских букварей», отмечал антирусскую направленность его «учебника»:

«В букваре своем вы прекрасно сделали, что напомнили народу его же понятиями о всех подлостях Ляхов... Но мне кажется, вы не приняли во внимание обстоятельств всей Малороссии, когда: а) намекаете народу о какой-то самостоятельности. (Самостоятельность нас убила бы в один год.); б) хотя не прямо, но косвенно, молчанием **проводите разделение** между нами и великоруссами, тогда как именно нужно внушить нашему народу крепко, что наше благо только и только в единстве всех русских племен... в) вообще в вашем букваре вы, заметно, желаете **поставить наш народ во враждебное отношение к России** и напрасно устранили употребление литературного русского языка».

В этом же письме С.С. Гогоцкий указывал и на тех, кто был в первую очередь заинтересован в разжигании малороссийского сепаратизма, *поляков*:

«Мы должны всячески поддерживать единство трех племен Русских, а иначе... латино-ляшская партия его (малороссийский народ) сейчас же раздавит или по крайней мере прямо подавит и ассимилирует. Ляхи это отлично понимают, и потому-то они постоянно, под видом искреннейшего благожелания, нашептывают нам, что Малороссия может быть самостоятельной. Нас-то, западных малороссиян, обмануть трудно; но восточные малороссияне, как я заметил, легко даются и уже дались в обман. Они не замечают того, что ляхам и иезуитам только того и нужно, чтобы: 1-е, **развить нерасположение в малороссиянах к великоруссам**; 2-е, **развить мысль об отдельности**, и 3-е, **вытолкать употребление литературного русского языка**. Ляхи очень хорошо знают, что если бы Малороссия оторвалась от Великороссии, то первую, особенно Западную, они схватили бы тотчас и задушили, как кот мышку»...

Огромное влияние поляков в Малороссии, особенно на правобережье Днепра, объяснялось тем, что они и после присоединения края к России продолжали занимать господствующее положение не только в его экономике, но и в культурной жизни. Вплоть до 1864 г. русская власть ничего не сделала для того, чтобы освободить край от враждебного России польского влияния. Польские помещики продолжали удерживать

живать в своих руках господство над русской деревней. Сильные позиции сохраняли поляки и в органах дворянского самоуправления. Но особенно заметно польское влияние проявилось в сфере образования. В 1803 г. по указанию Императора Александра I был образован Виленский учебный округ из восьми губерний: Виленской, Гродненской, Минской, Могилевской, Киевской, Подольской и Волынской, то есть из тех русских областей, которые были присоединены к России в результате разделов Польши в XVIII веке. Попечителем этого округа вплоть до 1823 г. состоял поляк князь Адам Чарторыйский (1770—1861), личный друг Императора Александра, в течение четырех лет совмещавший должность «попечителя» со званием помощника государственного канцлера, а затем и министра иностранных дел. О политических пристрастиях этого польского деятеля можно судить по следующим фактам его биографии. В 1792 г. в рядах польской армии он участвовал в боевых действиях против Русских, после чего бежал в Англию. Узнав о восстании Костюшко (1794), попытался вернуться на родину, но по распоряжению австрийских властей был арестован в Брюсселе, и только этот арест помешал ему принять непосредственное участие в восстании. Во время польского мятежа 1830—1831 гг. Чарторыйский возглавил повстанческое «правительство», а после подавления мятежа осел в Париже, где продолжал активно составлять заговоры против России. Из этого краткого перечня можно понять, какими приоритетами на должности «попечителя» Виленского учебного округа руководствовался Адам Чарторыйский...

Ближайшим «просветителем» правобережной Малороссии стал еще один **поляк** Тадеуш Чацкий (1765—1813), друг и единомышленник Чарторыйского. С 1803 г. и вплоть до самой своей смерти он состоял визитатором (ревизором) учебных училищ в Киевской, Подольской и Волынской губерниях. Училищный устав, выработанный Чацким при участии известного польского террориста Гугона Коллонтая, был в 1805 г. утвержден Александром I. В том же году состоялось открытие классической гимназии в городе Кременце, переименованной в 1819 г. в лицей. О национальном составе учащихся этого учебного заведения можно судить уже по тому, что оно притягивало в свои стены польскую молодежь даже из Австрии и Пруссии, а в 1831 г., когда был получен указ о закрытии лицея, там не нашли ни одного ученика: все были в рядах польских повстанцев. Кстати, именно перу Чацкого принадлежал псевдонаучный труд «О названии "Украина" и зарождении казачества» (1801), в котором этот польский граф до-

---

казывал, что «украинцы» произошли от укров, особой орды, пришедшей на место будущей «Украины» из-за Волги в VII веке! От укров — «Украина», от «Украины» — «украинцы», такую схему этногенеза «украинского народа» проповедовал «ревизор» Чацкий. Следует ли после этого удивляться тому, что, например, в Уманском училище Киевской губернии учителя-поляки открыто учили, что Россия за Днепром, а здесь — «Украина», населенная особой ветвью польского народа — «украинской». А если учесть, что по протекции Чарторыйского и Чацкого польские преподаватели заполнили едва ли не все учебные заведения Малороссии, направленность гуманитарного образования в крае была вполне очевидной. Недаром же идейные взгляды большинство деятелей малороссийского сепаратизма формировались под непосредственным влиянием польских «наставников». Политическое кредо Костомарова, например, во время организации «Кирилло-Мефодиевского братства» во многом оформилось под воздействием поляка Зеновича — бывшего профессора Кременецкого лицея, а «Книги бытия украинского народа» (1847), написанные Костомаровым как некое подобие историософской «платформы» этого самого «братства», по сути, являются перепевом «Книг польского народа и польского пилигримства» Адама Мицкевича. Уже знакомый нам Гулак-Артемовский, поступив в число студентов Харьковского университета, одновременно занял там в 1818 г. преподавательскую кафедру польского языка и польской литературы. Польский дух господствовал в университете. До 1831 г. там преподавали профессора-поляки Данилович, Криницкий, Валицкий, Александр Мицкевич, Галицкий, Станиславский и Ильдефонс Коссов. Попечителем учебного округа 12 лет состоял еще один друг Чарторыйского граф Северин Потоцкий. В этой польской культурной атмосфере и формировалось украинское мировоззрение Гулака-Артемовского, Костомарова и многих других деятелей малороссийского сепаратизма...

Нам неизвестно, как отреагировал о. Василий (Гречулевич) на сделанные С.С. Огоцким замечания, но в частном письме киевского профессора отразились настроения и опасения, господствовавшие в то время в Малороссии.

«У нас в Киеве только теперь не более пяти упрямых хохломанов из природных малороссов, а то (прочие) **все поляки**, более всех хлопотававшие о распространении малорусских книжонки, — в это же время сообщает видный малорусский общественный деятель К.Говорский. — Они сами, переодевшись в свитки, шлялись по деревням и раскидывали эти кни-

---

жонки; верно пронырливый лях почувал в этом деле для себя поживу, когда решился на такие подвиги».

Издававшийся в Киеве историко-литературный журнал «Вестник Юго-Западной и Западной России» в 1862 г. писал о польских замыслах: «Старинным блажелателям России хотелось бы во что бы то ни стало ослабить ее могущество, поразить и втянуть в свои сети южную и юго-западную Русь и вот снова искусно пускается в ход мысль между нами малороссами, проникнутая по-видимому самым бескорыстным ей желанием добра: к чему единство с Россией? Как будто вы не можете употреблять только свой малороссийский язык и образовать самостоятельное государство? Самая коварная злоба в этих змеиных нашептываниях так очевидна, что при малейшей доле проницательности можно бы понять ее... И однако же некоторые пустые головы сами не зная того, кем они втянуты в сети, готовы вторить об отдельности южной Руси, издеваться над образованнейшим из всех славянских языков — языком русским».

Против этих-то «пустых голов», не отдающих себе отчета в том, что происходит, и выступал журнал: «Не книги малороссийские, а эти слепые усилия навязать нам вражду к великорусскому племени, к церкви, к духовенству, к правительству, т.е. тем элементам, без которых наш народ не избег бы снова латино-польского ига, **заставляет нас же, малороссов, негодовать на некоторых любителей малорусского языка, сознательно или даже бессознательно превращающихся в сильное орудие давних врагов южной Руси**».

В сущности, попытки узаконить «малороссийский диалект» являли собой откровенное **лакейство** перед поляками некоторой части малорусской интеллигенции, наглядно демонстрируя моральную и нравственную ее зависимость от бывших панов. Об этом писал один из авторов того же журнала: «Малорусское просторечие как явление временное, случайное, как говор, сложившийся для выражения бедной жизни народа русского под влиянием польским, есть явление для нас понятное, почти безразличное в устах запорожца времен Мазепы; но отстаивать, тем более обособлять это наречие теперь, после вековой почти, нераздельной жизни разных членов семьи русской?..» Подобное намерение означает попытку «окаменять это наречие, увековечивать в нем ржавчину, ввешуюся в кости русские от цепей чуждого рабства».

Кроме того, малорусский диалект, функционируя исключительно на бытовом уровне, не в состоянии выполнять роль полноценного языка образования и науки. «Чтобы создать из подобного наречия язык, а особенно литературу, нужно

сделать то же, что должен был бы сделать человек, у которого нет и гроша, а ему хочется иметь миллион, то есть украсть его или одолжить. Чтоб и просторечье малорусское сделать органом всех выводов, изобретений и наблюдений науки, создать то есть малорусскую литературу, для этого оно непременно должно или украсть, или взять на прокат у языка русского или польского очень многое», прежде всего в плане грамматики и терминологии. Заимствования из русского литературного языка представляется наиболее логичным и вполне естественным. Но в этом случае «порченное наречие, малорусский жаргон преобразится в чисто русский язык», сделав саму затею сепаратистов совершенно **бессмысленной**. Поэтому они и идут путем заимствований из польского языка: «Кроме закрепления бесчисленных чуждых русской речи слов и оборотов, насильно вторгшихся в нее от причин, теперь несуществующих, они поминутно обращаются к лексикону своих и наших приятелей (т.е. поляков. — С.Р.) только лишь для того, чтобы не обращаться к словарю родному, русскому. Сюда относятся: “погляд”, “оповідання”, “омана”, “наданий”, “одностайний”, “жаданье” и многие другие, которых нет в малорусском говоре, происхождение которых очевидно. Когда все эти непрошенные протекторы обособления малорусского наречия начнут подвигаться по этому пути вперед, они незаметно попятятся назад, в объятия латинопольской пропаганды: их наречие из порченного русско-славянско-польского обратится, может быть, в язык, но, конечно, порченный польский, и они, изменив языку предков, запишут в истории имена свои рядом с теми из них, которые изменили вере предков».

Особо следует подчеркнуть, что это возмущение, по сути, **предательской деятельностью** малорусских самостийников, разделялось большинством населения Малороссии. Достаточно полно передает отношение тогдашних малороссов к затеянной сепаратистами возне по выработке самостийного «украинского языка» письмо председателя Киевского цензурного комитета Новицкого, отправленное им министру внутренних дел П.А. Валуеву 27 июня 1863 года. В нем Новицкий указывал, что «само возбуждение вопроса о пользе и возможности употребления этого (малороссийского) наречия в школах принято большинством малороссиян с негодованием. Они весьма основательно доказывают, что **никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может**, и что наречие их, употребляемое простонародьем, есть тот же русский язык, только испорченный на него влиянием Польши». «Общерусский язык», говорилось далее в письме,

---

для народа «гораздо понятнее, чем теперь сочиняемый для него некоторыми малороссами и в особенности поляками так называемый украинский язык. Лиц того кружка, который усиливается доказывать противное, большинство самих малороссиян упрекает в каких-то сепаративных замыслах, враждебных России и гибельных для Малороссии». Завершалось письмо указанием на то, что явление малороссийского сепаратизма «тем более прискорбно и заслуживает внимание правительства, что оно совпадает с политическими замыслами поляков и едва ли не им обязано своим происхождением»...

Но малороссы не только возмущались, но и действовали. В 1862 г. Комитет для рассмотрения уставов под председательством профессора Киевского университета И.Я. Нейкирха единогласно постановил заменить в уставах низших и средних учебных заведений слова «отечественный язык» на «русский язык». А в следующем 1863 г. Гогоцкий и учитель Нежинской гимназии И.Кулжинский выпустили в Киеве специальные брошюры, направленные против применения «украинского языка» в школах Малороссии. При этом Кулжинский в своей брошюре особенно подчеркивал, что «малороссийское наречие есть тот же общерусский язык, только испорченный в то время, когда Малороссия стенала под игом Польши. Со времени возвращения Малороссии и сплочения в одно целое с прочею Россией, малороссийское наречие начало очищаться от проказы полонизмов и с каждым днем более и более сближаться с родным своим русским языком». Даже безграмотные крестьяне понимали, что именно русский язык является для них родным, почему, например, с возмущением встречали намерения отдельных батюшек произносить церковные проповеди на малороссийском наречии. Рассказав об одной из таких попыток, Кулжинский отмечал: «Простолюдины обиделись таким оборотом проповеди, многие тотчас вышли из церкви, а другие начали шушукаться между собой и переглядываться. Потом хотели было жаловаться архиерею на священника за то, что он посмеялся над ними в церкви и заговорил до них такую мовою, как они в шинке лаются меж собою». Другой автор из Нежина А.Добротворский, обращаясь к украинофилам, писал о том же самом (февраль 1863): «Местные внимательные наблюдения... убедили бы вас, между прочим, что нашему малороссу-простолюдину гораздо понятнее общерусский наш язык, нежели сочиняемый вами книжный украинский. Причина в том, что первый есть язык естественный, временем выработанный, а потому язык живой, до известной степени чистый,

---

общеупотребительный и современный; а ваш книжный украинский — есть язык или совершенно **искусственный**, или слишком местный (полтавский, черниговский), значительно долею слов и оборотов своих давным-давно **устаревший и следовательно свое время отживший...** “Основа” очень кстати к каждой книжке своей прилагает объяснение неудобопонятных южнорусских слов. Без этого словаря, действительно, не понять бы малороссийских сочинений, помещаемых в “Основе”, не только великороссу, но и малороссу».

Начатую в Киеве борьбу с малороссийским сепаратизмом в Москве поддержал М.Н. Катков (1818—1887) в издаваемых им «Московских ведомостях» и «Русском Вестнике». Поначалу он тоже относился к деятельности «украинцев» вполне терпимо, но со временем сумел разгадать подлинные устремления инспирируемого ими движения: «Прежде с.-петербургские украинофилы смиренно заводили журналец для того, чтобы помещать в нем, между прочим, малороссийские сказочки и стишки, и трепетали, чтобы какие-нибудь неосновательные подозрения не помешали им в этом невинном и добродушном занятии; а теперь эти господа берут под свою опеку десять миллионов Русского народа и хотят навязать им особую народность, переводят на вновь сочиняемый ими язык законы Российской Империи и Священное писание, открывают общественную подписку на издание малороссийских учебников, затевают издавать в Киеве народную газету на этом *вновь сочиняемом языке* и питают надежду, что правительство окажет им свое могущественное пособие на образование малороссийских школ, которых малороссийский народ не хочет, и которых могут хотеть только заклятые враги русской народности».

Отметил знаменитый публицист и полную абсурдность самой идеологии сепаратистов, выразившуюся, в частности, в экзотической теории Н.И. Костомарова о существовании «двух (?) русских народностей» и соответственно «двух (?) русских языков». М.Н. Катков по этому поводу писал: «Различия и противоположности между многими элементами германской и французской народности гораздо более резки, чем различие не только между особенностями великороссийскими и малороссийскими, но между разными славянскими народами, и однако же ни во Франции, ни в Германии, на основании этих особенностей, нет бессмысленной речи о двух французских народностях или языках, о двух немецких народностях или языках. Сколько нужно иметь отваги или сколько нужно иметь презрения к здравому смыслу общества, чтобы проповедовать возможность двух русских народностей или возможность двух русских языков!»

Указывал М.Н. Катков и на тех, кто поощрял и поддерживал развитие сепаратистского движения — петербургское «передовое общество». «Может быть, в скором времени к украинофилам присоединятся еще какие-нибудь *фильи*», — от мечал он новую опасность, ссылаясь на информацию о проекте издания в Вильно газеты на «белорусском наречии», и обвинял в этих планах «либеральный Петербург», который «во что бы то ни стало хочет оплодотворить все наши жаргоны и создать столько русских народностей и языков, сколько окажется у нас годных к отсечению частей»...

И тем не менее все эти предупреждения о грозящей русскому единству опасности никакой реакции в правительственных кругах не вызвали. До какой степени доходило попустительство власти деятельности сепаратистов, можно судить по следующему эпизоду. В июне 1862 г. военный министр Д.А. Милютин передал начальнику III отделения кн. В.А. Долгорукову письмо графа Б.Ф. Сиверса, в котором тот указывал на существование в Киеве «общества под названием хлопоманов, действующего для возмущения крестьян против помещиков и распоряжений правительства с целью восстановления независимости Малороссии... Нисколько не скрывая принадлежности к обществу, молодые люди эти ходят в национальном малорусском платье и разъезжают по деревням». Среди активистов общества Сиверс упоминал В.Антоновича, Ф.Рыльского, П.Чубинского и др.

Речь шла о деятелях киевской «Громады» — полуполюгальной организации, координировавшей усилия «украинцев» по распространению самостийнической пропаганды. Ее ядро еще в 1860 г. составили бывшие члены польской нелегальной студенческой организации — «гмины»: поляки В.Антонович, Т.Рыльский, Б.Познанский, К.Михальчук и др. Сам Антонович говорил об основателях «Громады»: «мы, поляки-украинцы». Кстати, и само понятие «громада» было заимствовано сепаратистами у поляков...

Тем не менее, несмотря на всю серьезность полученной информации, к тому же исходившей от столь высокопоставленного сановника, каким был граф Сиверс, никаких активных действий III отделение так и не предприняло...

Неизвестно, сколько бы еще продлилось благодушие русской власти в отношении малороссийского сепаратизма, если бы не польское восстание 1863 года.

В какой-то степени оно оказалось полной неожиданностью для русского правительства. Казалось, что особых причин для недовольства у поляков в тот момент не могло быть.

Освободительные реформы Александра II затронули в немалой степени и Польшу. Сразу же после своего восшествия на престол Царь разрешил вернуться на родину польским эмигрантам, участникам восстания 1830—1831 гг., были освобождены и те из них, кого сослали в Сибирь. Из Польши отозвали Паскевича, а во главе администрации поставили поляка маркиза Велёпольского. Наместником Царства Польского стал либерально настроенный брат Царя Великий Князь Константин Николаевич. В 1861 г. было принято решение вновь дать Польше самоуправление (Конституцию), намечен ряд других преобразований, успешно проводимых маркизом Велёпольским. Чем же ответили поляки на уступки России? Революционным террором и покушениями на Великого Князя и Велёпольского, а также созданием многочисленных «тайных обществ», развернувших подготовку всеобщего восстания. Однако самым удивительным в этом революционном брожении было то, что на первый план выдвинулись призывы «возродить великую Польшу до Западной Двины и Днепра!» Собранные в Варшаве Велёпольским (сентябрь 1862) представители польской шляхты вместо того, чтобы разработать меры по пресечению революционного террора и проведению необходимых реформ, потребовали от русского правительства восстановления Царства Польского в границах 1772 года! Иными словами Россия должна была вернуть Польше свои исконные земли с проживавшим на них Русским населением! «Безумием» назвал Велёпольский подобное требование, но именно таким был ответ поляков на сделанные им уступки. Такими понятиями бредило (и жило!) польское «освободительное» движение. Таков был главный нерв начатого восстания, причем обе участвовавшие в нем партии, «белые», представлявшие крупных магнатов и костел, и «красные», опирающиеся на социальную демагогию «всеобщего равенства и братства», были совершенно едины в своих территориальных претензиях к России.

Пламя давно подготавливаемого пожара вспыхнуло со всей силой. В ночь на 11 января 1863 г. русские войска, расквартированные в Польше в деревнях и местечках по частным квартирам, были почти повсеместно неожиданно атакованы повстанцами. В некоторых местах мятежники убивали русских солдат прямо в постели. А в деревне около Седльца, где русские мужественно оборонялись в занимаемом ими доме, их сожгли заживо. Впрочем, все эти «успехи» были мимолетны и хрупки. Несмотря на первоначальный размах, восстание скоро приобрело вполне карикатурный характер, и сразу стало очевидным, что поднято оно было в

уповании на «помощь Европы» (и по ее прямому подстрекательству). Однако попытка Англии, Франции и Австрии выдвинуть ультиматум России завершилась безрезультатно, и поляки остались один на один с Русской армией. Они явно на это не рассчитывали и никакого серьезного сопротивления не оказали. Прямые столкновения с русскими войсками неизменно завершались полным разгромом повстанцев и их последующим бегством. Тогда поляки решили изменить тактику и перешли к методам партизанской войны, нападая только на мелкие отряды, да и то, как правило, исподтишка. Помимо этих мелких нападений, их «освободительная борьба» ничем больше не отметилась, разве что неслыханной жестокостью, когда жандармы польского революционного жонда (подпольного правительства) убивали и истязали православных священников и безоружных белорусских крестьян или изуверски издевались над взятыми в плен русскими солдатами. К лету 1864 года последние шайки борцов «за нашу и вашу свободу!» были ликвидированы, а следы затеянного ими мятежа окончательно исчезли. Но именно благодаря этому мятежу правительство России обратило, наконец, внимание на весь комплекс проблем, связанных с польской подрывной деятельностью, в том числе и на малороссийский сепаратизм.

Малороссии в планах повстанцев отводилась особая роль. Военный руководитель восстания генерал Л. Мерославский (1814—1878) взывал к своим единомышленникам: «Раздуем ненависть и споры в русском народе. Русские будут рвать себя собственными когтями, а мы будем расти и крепнуть». А в программе, составленной им же еще в 1861 г., о возникшем в крае украинском движении говорилось следующее: «Неизлечимым демагогам нужно открыть клетку для полета на Днепр; там обширное пугачевское поле для нашей запоздавшей числом хмельниччины. Вот в чем состоит вся наша панславистская и коммунистическая школа. Вот весь польский герценизм!.. Пусть себе заменяют анархией русский царизм, пусть обольщают себя девизом, что этот радикализм послужит для “вашей и нашей свободы”».

Цинично и откровенно поляки провозглашали программу использования «неизлечимых демагогов» от украинства в своих польских интересах. В этом ключе они действовали и в ходе восстания. Польскими пропагандистами были спровоцированы студенческие волнения в Киеве. А правобережье Днепра польские агитаторы завалили прокламациями, в которых говорилось о совместных судьбах «исторического трилистника» — Польши, Литвы и Западной Руси, давались

обещания о создании самостоятельного малороссийского государства «от Кавказа до Карпат» и другие столь же фантастические, сколь и лживые «обязательства» польской стороны. Народ, естественно, не купился на всю эту лживую чушь, а количество неизлечимых украинских демагогов было еще слишком мизерным, чтобы существенно повлиять на ситуацию. Польский мятеж завершился крахом, а подрывная деятельность «украинцев», наконец-то, привлекла внимание правительства...

1863 год прервал бездействие власти в этом направлении. Обеспокоенность русских патриотов начала находить, пусть и не сразу, отклик в среде русских государственных деятелей.

В начале марта 1863 г. шеф жандармов кн. В.А. Долгоруков получил анонимное письмо из Киева, написанное, судя по его тексту, высокопоставленным духовным лицом (или лицами). Отмечая, что украинофилы «привлекли к своей партии в Киеве и Санкт-Петербурге несколько людей значительных, хоть и слепотствующих», авторы письма продолжали: «Все мы благонамеренные малороссы, вполне понимающие нужды и желания народа и затеи наших хлопоманов-сепаратистов, умоляем употребить всё, чем только вы можете располагать, чтобы защитить нашу святыню от поругания, а отечество от распада и опасного раскола». Потребовав далее запретить «малорусский» перевод Евангелия, авторы заканчивали письмо недвусмысленным предупреждением: «Впрочем, если моление наше, теперь одинокое, не принесет ожидаемых от вашей ревности к пользам церкви и отечества результатов, мы явимся с протестом нашим гласно, перед лицом всего русского мира».

Содержание этого письма свидетельствовало не только о том, что его авторы прекрасно понимали, какую конечную цель преследуют создатели «украинского языка» («поругание святыни и опасный раскол отечества»), но, одновременно, и о том, что писавшие его священнослужители не очень надеялись на активные действия власти по пресечению этих замыслов. Как мы уже могли убедиться, эти опасения были вполне оправданы, ведь сигналы в III отделение поступали и ранее, однако никакой реакции не вызывали. Но теперь начавшееся в Польше восстание в корне изменило ситуацию. Смычка украинофилов с польскими мятежниками была слишком реальной угрозой, чтобы игнорировать ее. В этот раз Долгоруков действовал оперативно и немедленно переправил полученное письмо киевскому генерал-губернатору ген. Н.Н. Анненкову с просьбой охарактеризовать ситуацию.

Последний в своем ответе отметил, что «польская и малорусская партии, расходящиеся в окончательной цели своих стремлений, сходятся в средствах, ибо и поляки стали в званиях своих к простому народу тоже напоминать им о прежней независимости Украины, о козачестве». Затем Анненков обратился к языковому вопросу, сравнив малорусский язык с «особыми наречиями жителей некоторых великорусских губерний». В этой связи планировавшееся издание Священного Писания на малорусском наречии он характеризовал как «предприятие скорее политического характера». Вывод его был таков: «До сих пор в литературе идет спор о том, составляет ли малороссийское наречие только особенность русского языка или это язык самостоятельный. Добившись же перевода на малороссийское наречие Священного Писания, сторонники малороссийской партии достигнут, так сказать, признания самостоятельности малороссийского языка, и тогда, конечно, на этом не остановятся и, опираясь на отдельность языка, станут заявлять притязания на автономию Малороссии».

Притязания, впрочем, уже в тот момент шли гораздо дальше «автономии», ведь граф Б.Ф. Сиверс в своем письме общал об агитации в пользу «независимости Малороссии». Но как бы там ни было, правительство решило, наконец, действовать. Было арестовано около двух десятков активистов украинского движения. Для рассмотрения их дел Царским указом была утверждена особая следственная комиссия под председательством кн. А.Ф. Голицына. Семеро арестованных в Полтаве и Чернигове обвинялись в «деятельном участии в образовании кружков для возбуждения, под видом общества грамотности, неудовольствия народа к правительству, с целью отделения Малороссии». Но хотя речь шла об «отделении Малороссии», т.е. **государственном преступлении**, вынесенные приговоры оказались неоправданно мягкими. Обвиняемых всего лишь сослали, при этом, как и членов «Кирилло-Мефодьевского братства», не в отдаленные части Империи, а в ее европейские губернии, и с определением на службу. Карьера некоторых впоследствии развивалась весьма успешно, так что первый обвиняемый по этому делу полтавский учитель А.И. Стронин кончил свои дни в Петербурге членом совета Министерства путей сообщения. Из четверых арестованных в Полтаве сослали только студента Киевского университета В.Синегуба, и опять же «с устройством на службу». Та же мера наказания была определена П.П. Чубинскому (1839—1884) и А.Я. Конисскому (1836—1900). Но последнего уже в 1865 г. выпустили за границу, а в 1866 разрешили

снова вернуться в Малороссию. О положении П. Чубинского в ссылке можно судить уже по тому, что он оттуда оказывал материальную помощь своему отцу, регулярно присылая ему деньги. А в хлопотах о его скорейшем возвращении принимали участие не только столичные литераторы, но и несколько высокопоставленных чиновников, в том числе сменявшие друг друга за это время архангельские губернаторы. Все ссылки в конце 60-х годов благополучно вернулись домой. Таков был характер «репрессий» русского правительства в отношении малороссийских сепаратистов.

Для сравнения. В мае 1865 г. в Омске полиция раскрыла общество сибирских сепаратистов, выступавших за создание самостоятельного государства на пространстве от Урала до Тихого океана. Состав преступления был тот же самый, что и у выше поименованных «украинцев». Тем не менее по завершении следствия (1868), Сенат приговорил лидера общества Г. Н. Потанина к пятнадцати годам каторжных работ, а Н. М. Ядринцева — к десяти годам заключения в крепости. Позднее приговоры были несколько смягчены, но пять лет в Свеаборге Потанин отсидел. Такая вот была дифференциация сепаратистов. Наверное, поэтому Сибирь еще наша, а Малороссия уже нет...

В том же 1863 г. был остановлен перевод на «малорусское наречие» Священного Писания. А 18 июля 1863 года издан знаменитый Валуевский циркуляр о приостановлении издания книг духовного и учебного характера на «малороссийском наречии».

Нынешние украинские самостийники все трудности в распространении «украинского языка» в Малороссии и *переобучения* на нем местного населения традиционно объясняют «репрессиями» русского правительства, которое якобы на протяжении всего XIX века запрещало любую литературу на «мове», не допускало ее в сферу образования и сурово расправлялось с теми, кто эти запреты нарушал. Насколько «суровыми» были «репрессии» против малороссийских сепаратистов, мы уже показали. Оценим теперь «запреты» в отношении украинского новояза.

Наибольшую известность среди этих «запретов» получил циркуляр министра внутренних дел графа П. А. Валюева (1815—1890). Именно на него особенно часто ссылаются самостийники. Примечательно однако то, что при этом они никогда не приводят его текст полностью, ограничиваясь одной только фразой из циркуляра: «...никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может». Все.

Всегда только эти несколько слов, а уже в качестве комментария к ним целые тома о «покараннях», «пэрэслидуванні» и «забороне» «риднои мовы». Между тем, Валуевский циркуляр в плане запретительных мер являл собой обычный паллиатив, полумеру, к тому же носящую временный характер, т.е. никакого существенного влияния на развитие украиномовнои литературы не оказал.

О том, что министр внутренних дел рассматривал свой циркуляр именно как временную меру, говорилось уже в начальных его предложениях, когда констатировалось, что «в последнее время вопрос о малороссийской литературе получил иной характер вследствие обстоятельств чисто политических, **не имеющих никакого отношения к интересам собственно литературным**». Эти «политические обстоятельства», как указывалось в циркуляре, выразились в том, что к изданию книг для народа оказались причастны члены тайных обществ, причем «в числе подобных деятелей находилось множество лиц, о преступных действиях которых производилось следственное дело в особой комиссии».

Отметив далее, что в киевский цензурный комитет поступает немалое количество «дешевых книг на южнорусском наречии», министр пишет: «Сей последний особенно затрудняется пропуском упомянутых изданий, имея в виду следующие обстоятельства». Следует их перечисление: «Обучение во всех без изъятия училищах производится на общерусском языке и употребление в училищах малороссийского языка нигде не допущено; самый вопрос о пользе и возможности употребления в школах этого наречия не только не решен, но даже возбуждение этого вопроса принято большинством малороссиян с негодованием, часто высказывающимся в печати».

И сразу же за этим следует предложение, из которого самостийники выхватывают лишь несколько слов: «Они (т.е. «большинство малороссиян». — С.Р.) весьма основательно доказывают, что никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может, и что наречие их, употребляемое простонародьем, есть тот же русский язык, только испорченный влиянием на него Польши».

Как видим, утверждение о том, что «**никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может**» принадлежит не министру внутренних дел, и не русскому правительству, а «большинству малороссиян», с негодованием выступающих и против самого обучения на нем малороссов. Именно этот убийственный для украинских самостийников факт и пытаются они завуалировать, выдергивая из валуевского циркуляра несколько слов, теряющих свой истинный смысл

вне общего контекста документа. Ведь и последующие слова циркуляра являются всего лишь выражением мнения этого большинства: «...что общерусский язык так же понятен для малороссов, как и для великороссиян, и даже гораздо понятнее, чем теперь сочиняемый для них некоторыми малороссами, и в особенности поляками, так называемый украинский язык. Лиц того кружка, который усиливается доказывать противное, большинство самих малороссов упрекает в сепаратистских замыслах, враждебных к России и губительных для Малороссии. Явление это тем более прискорбно и заслуживает внимания, что оно совпадает с политическими замыслами поляков, и едва ли не им обязано своим происхождением, судя по рукописям, поступавшим в цензуру, и по тому, что большая часть малороссийских сочинений действительно поступает от поляков».

С учетом выше изложенного и приняв во внимание «настоящее тревожное положение общества, волнуемого политическими событиями», министр внутренних дел признал необходимым: «Относительно печатания книг на малороссийском языке, сделать по цензурному ведомству распоряжение, чтобы к печати дозволялись только такие произведения на этом языке, которые принадлежат к области изящной литературы; пропуск же книг на малороссийском языке как духовного содержания, так учебных и вообще назначаемых для первоначального чтения народа, приостановить».

Сама формулировка «приостановить» свидетельствовала о временном характере меры, к тому же и распространялась она не на все виды украиномовной литературы, а только на учебную и духовную ее части. Сепаратисты по-прежнему могли стряпать свои произведения на «мове» в каком угодно количестве под видом «научной» или «изящной» продукции. Циркуляр создавал помехи лишь для той ее части, в которой под видом «книг для первоначального чтения, букварей, грамматик, географий и т.п.» самостийники распространяли агитки, пропагандировавшие «отделение Малороссии».

Тем не менее уже несколько поколений украинских историков преподносят валуевский циркуляр в качестве «запрета» не просто отдельных видов книжной продукции на «мове», а «украинского языка» как такового. Вот лишь несколько мнений наиболее известных из них.

И.П. Крипьякевич: «В 1863 г. министр внутренних дел Валув дал приказ цензуре не допускать к печати учебников и изданий популярно-научных и религиозных, предназначенных для народа, потому что “никакого отдельного малороссийского языка не было, нет и быть не может”».

Д.И. Дорошенко: «Наконец в 1863 г. министр внутренних дел Валуев издал циркуляр с запрещением издавать украинские книги для школы и народного чтения, мотивируя тем, что “не было, нет и быть не может никакого украинского языка”».

Канадский историк О.Субтельный: «В июле 1863 г. министр внутренних дел Петр Валуев издал тайный циркуляр о запрещении украинских научных религиозных и в особенности педагогических публикаций. Печатать “малороссийским наречием” позволялось только художественные произведения. Валуев заявил, что украинского языка “никогда не было, нет и быть не может”».

Современный львовский историк В.Мороз: «...известный валуевский указ 1863 года о запрещении украинского языка, которого, мол, “не было, нет и не может быть”».

Если Крипьякевич, Дорошенко и Субтельный привирают наполовину (признавая отчасти, что циркуляр не запрещал всю литературу на «малороссийском наречии»), то В.Мороз врет уже всю, говоря о запрете языка. И именно это последнее утверждение на уровне газетно-журнальной публицистики преподносится в качестве *реального факта*.

Между тем, мы могли убедиться, что валуевский циркуляр не только *не запрещал* «языка», но в целом не предусматривал никаких кардинальных мер по запрету литературы на «мове». Вообще его текст представлял собой компиляцию из донесений киевского генерал-губернатора Н.Н. Анненкова и тамошнего цензурного комитета, также не предлагавших решительного запрета украиномовной литературы. Конечно, циркуляр на некоторое время приостановил распространение в Малороссии «книг для народа» на вновь изобретенном для него сепаратистами «украинском языке», но принципиально проблемы не решал, что уже видно из самого его текста, а откладывал ее решение на будущее. Успешное подавление польского мятежа в очередной раз притупило бдительность правительства и с начала 70-х годов всё, в сущности, вернулось на круги своя: циркуляр не был отменен, но и на практике **не выполнялся**. Вернувшиеся из ссылки самостийники вновь принялись за то, над чем усердно трудились в 1863 г., практически не встречая препятствий в своей деятельности. К середине 70-х годов их активность достигла апогея и вновь привлекла внимание властей, породив так называемый «Эмский указ» (18 мая 1876), а точнее документ под названием «Выводы Особого Совещания для пресечения украинофильской пропаганды». И «Эмский указ», в сущности, являл собой «запрет» того же рода, что и валуевский цир-

---

куляр, т.е. демонстрировал некие *намерения*, которые совершенно не применялись на практике.

Особое Совещение начало свою работу еще в 1875 г., «ввиду проявлений украинофильской пропаганды и в особенности переводов и печатания учебников и молитвенников на малорусском языке». Уже сам предмет обсуждений Совещения ясно указывает на то, что валуевский циркуляр на практике **не выполнялся**, и находившееся под запретом издание учебников и духовной литературы на малорусском наречии **продолжалось**. То есть продолжалась, по сути, открытая агитация за отделение Малороссии. Почему и возникла необходимость в разработке очередного пакета решений по данному вопросу. Были привлечены эксперты. В записке, подготовленной для Особого Совещения Главным Управлением по делам печати (ГУП), говорилось:

«Цензурное ведомство давно уже обратило внимание на появление в печати значительного числа книг, издаваемых на малорусском наречии, не заключающих в себе, по-видимому, ничего политического, и вращающихся единственно в сфере интересов чисто научных и художественных. Но следя с особенным вниманием за направлением всех расплодившихся во множестве изданий для народа на малорусском наречии, нельзя было не прийти к положительному заключению в том, что вся литературная деятельность так называемых украинофилов должна быть отнесена к прикритому только благовидными формами посягательству **на государственное единство и целость России**. Центр этой **преступной деятельности** находится в настоящее время в Киеве. Стремление киевских украинофилов породить литературную рознь и, так сказать, обособиться от великорусской литературы, представляется опасным и потому еще, что совпадает с однородными стремлениями и деятельностью украинофилов в Галиции, постоянно толкующих о 15-миллионном южнорусском народе, как о чем-то совершенно отдельном от великорусского племени. Такой взгляд рано или поздно бросит галицийских украинофилов, а затем и наших, **в объятия поляков, не без основания усматривающих в стремлениях украинофилов движение в высшей степени полезное для их личных политических целей**. Несомненным доказательством этому служит поддержка, оказываемая Галицкому украинофильскому обществу “Просвита” сеймом, в котором преобладает и господствует польское влияние.

...Очевидна и та конечная цель, к которой направлены усилия украинофилов, пытающихся ныне **обособить малорусов медленным, но до известной степени верным путем обособле-**

ния малорусской речи и литературы. Допустить создание особой простонародной литературы на украинском наречии значило бы положить прочное основание к развитию убеждения в возможности **осуществить в будущем**, хотя, может быть, и весьма отдаленном, **отчуждение Украины от России.** Относясь снисходительно к развивающемуся ныне поползновению обособить украинское наречие путем возведения его в степень языка литературного, правительство не имело бы никакого основания не допустить такого же обособления и для наречия белорусов, составляющих столь же значительное племя, как и малороссы».

В качестве эксперта к работе Особого Совещания был привлечен и председатель Киевской Археографической комиссии М. В. Юзефович (1802—1889). В своей записке он, изложив историю украинофильского движения, характеризовал его исключительно как «измышление австрийско-польской интриги». А для иллюстрации этой мысли подробно рассказывал историю обращения в украинство Кулиша поляком М. Грабовским, впоследствии министром просвещения Царства Польского при А. Велёпольском. Целью исторических трудов Костомарова, по мнению Юзефовича, являлось намерение «подорвать у Малороссиян сочувствие к Русскому государству унижением и опозорением его истории». Обращал Юзефович внимание Совещания и на содержание брошюр, распространяемых украинофилами среди крестьян. Наряду с произведениями Шевченко многие из них содержали украинский перевод гоголевского «Тараса Бульбы», в котором слова «русская земля, русский устраниены и заменены словами Украина, украинская земля, украинец, а в конце концов пророчески провозглашен даже свой будущий украинский Царь»...

Записка Юзефовича произвела сильное впечатление на участников Особого Совещания, и именно ему было поручено составить проект решения, который, с небольшими изменениями, внесенными другими участниками Совещания и лично Александром II, был утвержден в качестве окончательного, а в обществе стал известен как «Эмский указ». Он состоял из 11 пунктов. Первые три предусматривали запрет ввоза из-за границы любой литературы на «малорусском наречии», без особого на то разрешения ГУП. Запрещалась публикация на том же наречии любых произведений, за исключением исторических памятников и «изящной словесности», но с тем, чтобы эти последние «издаваемы были без отступления от общерусской орфографии», т.е. не печатались так называемой «кулишовкой». Воспрещались также сценические

представления и публичные чтения на малорусском языке, «как имеющие в настоящее время характер украинофильских манифестаций». Пункты пятый и десятый предусматривали закрытие украинофильской газеты «Киевский Телеграф» и на неопределенный срок Киевского отдела Императорского Географического Общества. Пункты 6, 7, 8 и 9 относились к министерству народного просвещения. В них предлагалось не допускать преподавания на малорусском наречии в школах, «очистить библиотеки всех низших и средних учебных заведений» от книг на малорусском, а также направлять неблагонадежных преподавателей из Киевского, Харьковского и Одесского учебных округов в великорусские губернии, а выпускников тамошних училищ в Малороссию. Одиннадцатый пункт предусматривал немедленную высылку из края Драгоманова и Чубинского.

Очевидно, что и решения, предложенные Особым Совещанием, представляли собой все тот же паллиатив, полумеру, лишь ограничивавшую поле деятельности сепаратистов, вместо того, чтобы подвергнуть ее полному и окончательному запрету, подкрепленному соответствующими мерами уголовного наказания. Реальность же представляла еще более унылую картину «борьбы» с «украинофильской пропагандой».

Весьма показательна в этом плане «расправа» над М. Драгомановым и П. Чубинским. Драгоманов, слухи о грядущей высылке которого ходили с 1875 г., благополучно убыл за границу еще в феврале 1876 г. Причем непосредственное содействие оказал ему тогдашний киевский генерал-губернатор А. М. Дондуков-Корсаков. Не имея возможности своей властью выдать Драгоманову заграничный паспорт, как находившемуся под надзором полиции, Дондуков-Корсаков отправил депешу министру внутренних дел Потапову, и тот 10 января подписал разрешение, а уже на следующий день канцелярия киевского генерал-губернатора с небывалой оперативностью выдала Драгоманову заграничный паспорт. Не оставили в беде и Чубинского, уже вторично привлекавшегося за подрывную деятельность. Невзирая на это, все тот же Дондуков-Корсаков 2 августа отправил исполнявшему тогда обязанности министра внутренних дел Лобанову-Ростовскому пространное письмо с просьбой разрешить Чубинскому оставаться на полгода в Киеве в связи с тем, что тот «занят управляющим сахарного завода». Уже через неделю Лобанов-Ростовский сообщил о разрешении задержаться на три месяца.хлопоты на этом не прекратились и 26 ноября Царь, оставив в силе решение о высылке, разрешил Чубинскому

жить в столицах, что позволило ему из Киева сразу перебраться в Петербург. Здесь его устроили на службу в министерство путей сообщения, а в начале 1879 г. после настойчивых ходатайств министра путей сообщения адмирала К. Н. Посыетта и с согласия нового киевского генерал-губернатора М. И. Черткова он смог вернуться в Малороссию. Такою получилась «ссылка» лидеров украинского движения...

Столь же «сурово» поступила власть и с «неблагонадежными преподавателями» Харьковского, Киевского и Одесского учебных округов, замеченных в пропаганде украинства. В Киевском округе таковых было выявлено восемь человек, но куратор округа П. Антонович в своем докладе министру внутренних дел всех их взял под защиту, настойчиво доказывая, что в одних случаях обвинения неосновательны, в других — украинофильские симпатии носят поверхностный характер. Пятеро из упомянутых преподавателей, в том числе братья П. и И. Житецкие, были поставлены перед выбором: принять предложенные им аналогичные должности в великорусских губерниях, самим найти себе место за пределами Малороссии или уволиться из министерства народного просвещения, если они хотят в Малороссии остаться. Е. Дьяконенко принял предложенное ему место в Уфе, Т. Беленький сам нашел место в Баку, Н. Билинский уволился, П. Житецкий перешел на работу в военное ведомство! Последний после отъезда Чубинского стал ключевой фигурой в киевской «Громаде». И занимался все той же подрывной деятельностью. Весной 1877 г. киевский генерал-губернатор Чертков доносил в III отделение, что «Громада» под руководством П. Житецкого активно собирает средства для женевских изданий Драгоманова... В Одесском округе был выявлен один украинофил, который согласился на перевод в Тулу. Куратор Харьковского округа ответил, что неблагонадежных преподавателей не выявлено.

В этом же русле шла «борьба» с украинофильскими манифестациями, маскировавшимися под «сценические представления и публичные чтения на малорусском языке». Украинские спектакли устраивались не только по всей Малороссии, но и в самом Петербурге, а на некоторых из них присутствовали даже члены Царской семьи. В октябре же 1881 г. запрет на сценические представления на малорусском языке вообще был отменен. Причем отмены его добивались два южных генерал-губернатора: харьковский Дондуков-Корсаков и киевский М. И. Чертков, при этом оба вообще настаивали на снятии всех ограничений с литературы на украинском новоязе. Имея столь высоких покровителей, сепаратис-

---

ты в том же 1881 г. добились разрешения на печатание мало-русских словарей.

Да что там говорить, если откровенно русофобский «Кобзарь» Тараса Шевченко был едва ли не самой издаваемой книгой в России. Еще до 1863 г. он выдержал три издания: в 1840, 1844 и 1860 годах. В 1867 г., т.е. уже после появления Валуевского циркуляра, вышло 4-е издание «Кобзаря» под названием «Чигиринский торбанист-певец». В том же году Кожанчиков издал сочинения Шевченко в двух томах, содержавших 184 произведения. Через два года, в 1869 г., вышло 6-е издание Шевченко. 7-е издание «Кобзаря» появилось в Петербурге в 1884 г. С того времени по 1903 г. «Кобзарь» выдержал еще не менее семи изданий, причем одно из них имело тираж 60 тыс. экземпляров! Значительными тиражами публиковались и отдельные произведения Шевченко, например, «Наймичка» в 1892 г. в Харькове — 50 тыс. экземпляров.

Для успешной «украинофильской пропаганды» одного шевченковского «Кобзаря» было уже вполне достаточно. Но ведь и это было не все. Продолжалось издание дешевых брошюр для народа. Более того, часть такой литературы печаталась за **государственный счет**! Скрупулезно исследовавший данный вопрос С.Н. Щеголев, современник и очевидец описываемых событий, отмечал: «Количество этих брошюр росло на книжном рынке из года в год; применяясь к цензурным условиям, издатели в 80-х годах прикрывали различные темы (медицинские, сельскохозяйственные и т.п.) беллетристической формой. В 90-х годах эта предосторожность во многих случаях уже казалась излишней. Смысл правил 1876 г. был позабыт; правила казались мертвым формализмом и агенты правительства все чаще и чаще допускали отступления от них».

В 1890-х годах в России действовали уже четыре издательства, специализировавшиеся на выпуске украинской литературы. Особенно большой размах приняла издательская деятельность Б.Д. Гринченко в Чернигове. С 1894 по 1901 гг. он издал более 50 названий книг, по 5—10 тыс. экземпляров каждого названия. Помимо собственных сочинений Гринченко издавал произведения Т.Г. Шевченко, М.М. Коцюбинского, Е.П. Гребенки, П.А. Грабовского, Ю.Федьковича и др., а также «целый ряд научно-популярных работ — по медицине, технике, истории, естествознанию». «Украинских книжек выходит у нас много, — с гордостью сообщал в частном письме (13 января 1903) один из активнейших творцов украинской литературы» И.С. Нечуй-Левицкий, — изданы сочинения Марка Вовчок, Кулишевой (вдовы П.А. Кулиша — Ганны Барвинок), поэтов Крымского, Чернявского, Свид-

---

зинского, Руданского, “Літературний збірник” в Киеве и множество популярных книжечек».

Такие вот «запреты»: «Украинских книжек у нас выходит много...»

Подытоживая результаты противодействия русской власти усилиям сепаратистов по созданию украинского новояза, тот же С.Н. Щеголев отмечал (1912):

«Указ 1876 года, подтвердивший и развивший правила 1863 года, явился планомерным государственным актом, стремившимся удержать малорусскую письменность в возможной близости к малорусской народной речи (где ее сфера обращения была природной) и воспрепятствовать искусственному введению в эту письменность неологизмов и употреблению правописания, отличающегося от изучаемого в государственной школе. Применение этого закона могло действительно обеспечить многочисленным малорусским диалектам успешный ход постепенной ассимиляции с **родным русским государственным языком**. Ассимиляция эта, конечно, не могла быть остановлена потугами украинофильства, но все же более или менее ими тормозилась. К сожалению, система, принятая правительством, **не была им проводима с достаточной последовательностью...** Вред от таких “некоординированных движений” русской государственной политики, забывающей сегодня то, что вчера еще казалось установленным принципиально, сам по себе велик, но он еще более усугублялся от различных **снисхождений и поблажек**, а также от различного толкования ограничительных правил (иногда приближавшегося к попустительству) со стороны отдельных органов правительственной власти».

Выводы С..Н. Щеголева лишены всякого налета субъективности и построены на основе анализа реального содержания правительственной политики в рассматриваемую эпоху. И, оценивая эту политику непредвзято, следует признать: утверждения нынешних самостийников о якобы имевших место «запретах» украинского новояза и «репрессиях» против его изобретателей являются намеренной ложью, цель которой — вылить очередной ушат грязи на столь ненавистную сепаратистам Россию.

В реальности все обстояло как раз наоборот: чем более возрастала опасность малороссийского сепаратизма, тем менее эффективными становились меры по его пресечению. Неспособность официальных инстанций адекватным образом реагировать на усиленное внедрение в Малороссии изобретенной сепаратистами «мовы» — наглядное тому подтверж-

---

дение. Вот лишь один из множества эпизодов этой неадекватности. В октябре 1880 г. в Киев с инспекцией прибыл сенатор А.А. Половцев. Ознакомившись на месте с деятельностью украинофилов, он сразу увидел всю фальшивость их утверждений о том, что введение украинского новояза в школах Малороссии якобы является единственным средством распространения грамотности среди ее населения. В своем письме в Петербург А.А. Половцев об этом требовании писал следующее: «В настоящий момент украинофильский вопрос ставится поборниками его так, что преподавание в школах на Малороссийском наречии составляет единственное средство распространения грамоты. Такой тезис не более как софизм (т.е. уловка, выдумка. — С.Р.). Малороссийское наречие необходимо народному учителю для того, чтобы объяснить начинающему учиться деревенскому мальчику те первоначальные понятия, которые ему необходимы на первых порах, но из этого никак не следует, чтобы школа должна была создавать людей, игнорирующих наш великий русский язык (а не великорусское наречие)».

Все правильно. Но что же рекомендовал правительству сенатор, который все так правильно понимал? Свое длинное письмо Половцев заканчивал такого рода «предложениями»: «...покамест никаких мер, особенно решительных и бесспорных, принимать не следует», и вообще «серьезная сторона требует тщательного и многостороннего *обсуждения*».

Вот и все содержание государственной политики: никаких **«решительных и бесповоротных мер не предпринимать»**.

И не предпринимали. Вся деятельность сводилась к «тщательным и многосторонним обсуждениям». Ими и заканчивалась. Не хватало энергии (и ума) выполнять даже ранее принятые положения. Тот же А.А. Половцев наглядно демонстрирует нам, до какой степени доходила система «снисхождений и поблажек» украинству со стороны русских государственных деятелей. Этот сенатор во время своего пребывания в Киеве не только поддержал избрание В.Б. Антоновича, признанного идеолога украинского движения, деканом историко-филологического факультета Киевского университета, но и позволил совершить в Софийском соборе панихиду по Шевченко, превратившуюся в очередной украинский шабаш. Он же, в нарушение Правил 1876 г., разрешил в Киеве представление «Наталки-Полтавки». Понятно, насколько деморализующее влияние оказывали подобные действия высших представителей власти на русских патриотов в Малороссии, и сколь вдохновляли и распоясывали местных сепаратистов...

И на чем, собственно, базировалась установка «ничего решительного не предпринимать»? Даже «украинофил» Г.П. Галаган, крупный землевладелец, оказывавший в конце 50-х годов щедрую финансовую поддержку Кулишу и компании, благодаря которой те смогли наладить издание «Основы», — даже такой деятель прямо заявил А.А. Половцову во время их встречи в Киеве: что «самый народ **не желает** обучения на этом (украинском. — С.Р.) языке, что крестьяне всегда говорят, что дети их в школах должны учиться тому языку, на котором писан царский закон». И харьковская деятельница украинского движения Х.Д. Алчевская, много лет посвятившая украинизации народного образования, признавала, что «малорусским крестьянам более нравится (более понятен) Островский, чем Кропивницкий». Почему же, при таком отношении народа, следовало избегать «решительных и бесповоротных мер» в отношении украинского новояза? Ведь предотвращение украинизации народного образования в Малороссии любыми мерами, в том числе запретами и уголовными карами, в корне подрывало деятельность сепаратистов, все свои усилия сосредоточивших именно в этой сфере. Вот что писал С.Н. Щеголев по поводу титанических усилий, предпринимаемых самостийниками по украинизации сельской школы: «Можно сказать, что на этом вопросе сконцентрированы теперь все усилия украинской партии как единственном рычаге, способном сделаться точкой опоры для всех будущих построений, намеченных украинством. Успехи в этом направлении непосредственно увеличивают число сторонников партии на Юге; неудачи грозят самому ее существованию. Украинизация школы является, следовательно, не простым козырем партийной программы, а той питательной средой, откуда партия черпает свои соки; прекращение доступа к этим сокам — смертный приговор для партии и превращение ее лидеров в безвреднейших маньяков-резонеров».

Совершенно точно подмечено: лишь насильственная украинизация придавала хоть какой-то смысл деятельности «украинцев», ибо перевод населения края на украинский волапюк давал в их руки «доказательство» отдельности малороссов от остальных Русских. Все иные «доказательства» — исторические, этнические, культурные — просто не выдерживали критики. К самой же разговорной малорусской «мове» вновь изобретенный украинский новояз не имел абсолютно никакого отношения. Родным языком Малороссии испокон веку был русский. Сами сепаратисты неоднократно вынуждены были это признавать. Вот лишь одно из таких свидетельств. В сентябре 1904 г. в Киев для обучения в мест-

---

ном университете приехал убежденный «украинец» В.В. Садовский (1886—1947), впоследствии — министр в петлюровском правительстве. И вот какое самое первое и яркое его киевское впечатление: «Киев поразил меня **полным отсутствием** украинских внешних признаков. Вокруг звучал русский язык, на нем говорили не только интеллигенты. Вспоминаю, как неприятно меня поразил, когда я подъезжал к Киеву, московский язык пригородных рабочих, которые начали садиться на поезд в Фастове, едучи на работу в Киев. Не было сомнения, что они происходили из окрестных сел. Так точно всеохватывающе господствовал русский язык и в университете среди студентов. Лишь кое-где в небольших кружках слышал я временами отдельные украинские выражения и украинский жаргон, но это не был тот литературный язык, которого я искал».

Этот «украинский литературный язык» и невозможно было найти в реальной жизни, потому что наспех созданный за предыдущие пятьдесят лет он дальше границ кабинетов его творцов да страниц их бездарных «произведений» никогда и не выходил...

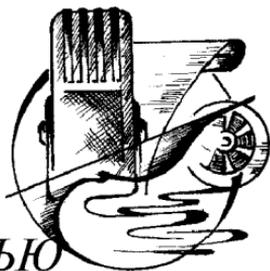

Юрий БОНДАРЕВ,
Владимир ЮДИН

БЕСКОНЕЧНОЕ ТЕРПЕНИЕ – СМЕРТНЫЙ ГРЕХ

— Юрий Васильевич, недавно опубликованное в печати интервью, взятое мной у Вас еще в 1999 году, вызвало, без преувеличения, широчайший интерес, буквально взбудоражило общественное сознание. Читатели пишут: плестись в хвосте западных демократий, бездумно подражать хваленой Америке нам не пристало — это не наш, не российский путь. Это тупик. Негоже нам, гражданам России, с тысячелетними корнями, чтящим героические деяния своих предтеч, глупо обезьянничать, копировать чужой образ жизни, примеривать на себя чужие одежды...

Нынче грянул страшный кризис в экономике всех стран. Но больше других он потряс страны буржуазного мира. Еще больше опасен кризис духовный, нравственный, захвативший в свое лоно и Россию. Хотелось бы услышать ваш анализ современного состояния нашего национального духа. Осталась ли хоть капля надежды на его исцеление и возрождение? Что происходит с русской литературой, которая во все времена шла на острие жизни, отстаивала наши вековые ценностные ориентиры, защищала униженных и оскорбленных? Вспомним «Слово о полку Игореве»,

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

«Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, гуманистическое слово Пушкина, Толстого, Достоевского, Шолохова... Не засиделись ли на печи, подобно Илье Муромцу, в праздном созерцании духовные вожди нации, способные своим страстным зовом зажечь сердца людей надеждой и повести в будущее, к добру и свету, а не назад, в глухую темень?..

— Я не знаю, где зарыт камень мудрости, но точно знаю, что неудержимая дозволенность свободы без берегов порождает умственный примитивизм, злое малодушие, зависть и делает из бывших сотоварищей недругов, если даже они когда-либо прежде считались единомышленниками. Изошренная хлестаковская ложь, открытая неприязнь разъединенных писательских станом наделяет так называемых творцов качеством болезненной психики, а это, в конце концов, приближает литературу к омертвлению слова.

В 80-х, 90-х, особенно в 93-м году, в возбужденных залах и на уличных трибунах при каждой выкрикнутой политической пошлости и во время танковой стрельбы по окнам парламента, «свободолюбивая» толпа с сознанием демократических неандертальцев, надрываясь, кричала «браво» вместе с ельцинистской интеллигенцией.

— Не садистский ли был это бунт больной психики?

— Не сомневаюсь, что за обезумелую танковую победу ельцинистов придется рано или поздно расплачиваться несчастьем неизбежного поражения. Но возьмется ли за ум Россия, все-таки поверив в собственную, незаемную энергию, вернув к действию недюжинные свои способности? Пока нет ответа.

Продолжается затянувшаяся пора жестоких несуразностей, занесенных острыми сквозняками с Запада и США, эпидемией командных наскоков на здравый смысл, устанавливающих свои ориентиры среди русского робкого затишья. И трудно объяснить, почему длится и длится инфантильная доверчивость, сонная неподвижность нашего существования, разукрашенная клоунадой «демократических» реформ, слепленных из куска чужеземной глины.

— Иной раз слышу: омертвела воля народа, испарилась его пассионарность, выродился некогда гремевший славой по всему миру непобедимый русский дух. Мол, люди сами повинны в своей горькой судьбе...

— Мудрые суждения знатоков русской души не всегда попадают в точку. Мы не вправе легковесно судить народ, самонадеянно указывать ему порядок, меру и истину поступков, но так или иначе пришло время каждому из нас с горе-

---

чью взглянуть в глубинную жизнь, взглянуть в самих себя, собратьев по перу, испытывая мучительную душевную боль и неуспокоенность. Но, как это ни поразительно, мы живем в ожидании излечения от чужих нереальных идей, от псевдодемократических формул. И еще верим, что сила слова резко выявит искажение мира и напомним о смысле существования рода людского — жить по самому главному закону природы сохранения человека в человеке.

— Известная истина — кадры решают всё, очевидно, и в литературе, искусстве, духовном бытии является определяющей. Скажем, везде и всюду последними словами ругают наше окаянное телевидение. Но не дикторы же и не телеведущие всевозможных шоу тут, в конце концов, виноваты! Повинны те достопочтенные господа, кто телевидением, СМИ верховодит, кто с помощью денег и власти дергает за ниточки. Рыба гниет с головы, как издавна говорят в народе.

— К большому сожалению, наша талантливейшая художественная культура оккупирована слабо одаренными, подчас бездарными людьми. И Содом и Гоморра празднуют и торжествуют. Обласканные бульварные творцы, сфабрикованные лжезвезды, растлевая читателя, в нетерпении суча ногами, ждут сигнал сбрасывания в мусорные ямы русской и современной классики.

Серьезные писатели разобщены, новорожденные «гении», мучимые жадой власти, объединены в агрессивные стаи. Алчность и зависть размыли подлинные критерии, покрылись свежей плесенью такие понятия, как художество, точность мысли и верность драгоценному слову, добропорядочность и вместе — профессиональное товарищество. Не труд, не сладкая каторга работы над правдой фразы, над словом, а клевета на правду и лукавое лицемерие отношений стали делом обыденным в обстоятельствах двадцатилетней перестроечной пандемии, едва ли быстро излечимой.

Сегодня привнесенное в Россию лихорадочное вождельное собственности, материального эгоцентризма, страсть к денежному знаку возобладали над душами людей и стали в среде писателей — да, писателей, творцов духа! — прельстительными ориентирами успеха.

В далеко заходящих спорах и обвинениях мы теряем или уже потеряли давних соратников и сотоварищей, а значит, утратили искренность общения, взаимное уважение и честь писательскую.

Ослепленные междоусобными схватками, мы унижаем самих себя и укрепляем действительных противников русской культуры...

Стоит только вспомнить торгашеский феномен новой «изящной словесности», оцениваемый рынком, заявления, интервью, газетные и телевизионные откровения литературных глашатаев, нелепые споры деятелей искусства и политиков, как только видишь на экране самонадеянные, артистически улыбающиеся лица или простодушную мимику «своего парня», едва не подмигивающего, модные галстуки, связанные толстыми узлами, как только лицемерно, льстиво играя доверием зрителя, начинает речь трибунное или телевизионное красноречие наделенных властью пророков, сладко обволакивающих грядущим процветанием «новой России», облагодетельствованной народолюбивыми реформами, подъемом прожиточного уровня, щедрыми пенсиями, разного рода пособиями, крупномасштабными премиями за успехи в культуре, которыми награждают счастливых под торжественный гром прессы, то сразу приходит на память классическая фигура либерально-демократического деятеля, которому для карьерной безопасности необходимо притворяться ценной купюрой, обеспеченной золотым запасом. К нашей беде, за всем этим стоит мелководе мысли, зыбкость решений, неуверенность действий, а точнее — непозволительное отсутствие знаний настоящей российской действительности.

— Кто же несет в первую очередь ответственность за не очень радостное настоящее и угадываемое из Ваших слов, Юрий Васильевич, не очень радостное будущее? Где корень зла?

— В 1946 году американский посол в СССР Дэвис посетил разрушенный Сталинград и, потрясенный сплошными пепелищами и руинами, сказал: «По моему мнению, город надо строить в другом месте. Этот город мертв». Неудивительно, что, будучи в настроении пессимистическом, посол не учел тогда главное — скрытую упругость советского народа, что не берут в толк современные бжезинские, считая, что в холодной войне политическая карта России навсегда бита, не додумывая, что всякая победа — лишь субъективный образ объективного мира: начала «игры», казалось бы, известны, ее конец — за семью печатями. В сороковые годы русский оптимизм проявил себя как воля: ведь до сих пор на Мамаевом кургане в горсти, взятого из-под ног грунта, больше металлических осколков, чем земли. И вместе с тем Сталинград в короткий срок был возрожден и возвращена к жизни опустошенная войной огромная территория. Это хорошо знакомо пристрастным ученикам истории и в первую голову писателям — самой природой таланта им не дано утрачивать историческую память, прошлое своего народа, которому не суждено стать абстрактным понятием так же, как и уничтоженной литературе.

С конца семидесятых годов грошовый кич, комиксы, детективно-уголовная, модернистская и порно-сексуальная чепуха завалили книжные рынки США, Канады и Европы, бесцеремонно оттолкнув на обочину серьезную национальную литературу. Новорожденные строители нынешней России, быстро усвоив рыночную психологию торговли словом, кинулись сочинять любезные обывателю, скверно пахнущие заброшенным предбанником, полусовременные, полуисторические романчики, поставангардистские опусы с сюжетами «разорванного сознания», черно-белой фотографией пустоты и ужасов, где нет никакой естественной связи с художественным объектом.

Власть денег в искусстве — концентрационный лагерь. Здесь нет спасения ни миллионеру, ни бедняку. Их ждет неизбежное: потеря миллионов и потеря последней копейки. Но сегодняшний «гомо сапиенс» настолько отравлен и испорчен базарным воздухом, что никогда не захочет расстаться с миллионным или копеечным богатством, презирая и смеясь над словами Сократа, имеющим только одежду: «Как много у меня ненужных вещей». И искусство России потонуло, захлебнулось в мировой масс-культуре, развращенное рыночным удушьем денег и новым реформенным названием литературы — товар. И это угрожает нашей недавно всемирного звучания словесности гибелью всерьез.

В двадцать первом столетии с ироническим смехом следовало бы заставить поборников извращенного масс-писания съесть свои «шедевры» широко распространяемых порноизданий, как это делается в Испании, и где суд порой выносит подобные решения известным «отцам» тошнотно-физиологического жанра.

— «Гнилой Запад», как некогда по справедливости его именovali, с помощью разлагающей массовой культуры задачу духовного обескровливания своих сограждан с лихвой перевыполнил. Со времен пресловутой «перестройки» и штормового разгула «свободы без берегов», по вашему выражению, в России это растление обрело обвальный характер. Но повинен ли в нем только «дикий запад»? Посмотрите, с каким плотоядным восторгом глотает масс-культные поделки наш обыватель-соотечественник!.. Выражаясь нынешним сленгом, «сексапильный» Санин М.П. Арцыбашева, как и в начале XX столетия, вновь стал «героем нашего времени»...

— Когда я вижу, как безмятежно у нас принимает мешанская публика отвратительное загрязнение в книгах и на экранах чистого прежде духа России, я испытываю горячую неприязнь не только к этой непристойности, занесенной гни-

---

лыми ветрами Запада, но и к тем, кто без брезгливости хлебает навозную жижу. Что ж, так мы достигнем в бравом широком марше новаторских вершин упоительного раскрепощения: нагишом начнем ходить в театр, на улицах и подоконниках предаваться обезьяньим любовным утехам, старательно изображаемым в «новых» романах.

Микробы пьянства, наркомании, растления, умственной ржавчины распространяются и на молодежь, стало быть, на будущее России.

Размножение смердящей отравы, аномальности, утверждение цинизма по отношению к человеку способны разложить и погубить любое общество, как это бывало в истории государств.

— И все-таки, получается, никто нам не поможет — ни Бог, ни царь и ни герой. Надеяться на духовное благоразумие, которое придет само по себе, возникнет, как птица Феникс из пепла, не приходится. Надеяться приходится на Мессию по имени Литература. Лишь высокое, духовно и нравственно очищающее Слово способно дать нам веру, надежду и любовь...

— В обстоятельствах почти двадцатилетней перестроечной эпидемии отдалается и ускользает надежда на победу здравомыслия, иссыкает вера в разум, а общественная жизнь пока еще пребывает полудремоте. И, по моему глубокому убеждению, народ сейчас, именно сейчас, нуждается в постоянной духовной поддержке. Его сегодняшние опекуны от культуры большей частью безличны, лицемерны, пусторечивы и, в сущности, равнодушны к народным чаяниям, к его ожиданиям. В 80-х и 90-х годах Россия, одурманенная ложью, горбачевским словоблудием о «плюрализме», простодушно внимала одержимой ультра-прессе, видя в ней призраки околдовывающих обещаний перед входом в построенный из тумана храм западноамериканского благоденствия.

«Личное» и «внеличное» — это духовный мир писателя, так же как слияние быта и бытия, где боль, страдание, помощь словом в пору бедственных испытаний есть родственная связь с народом, которую можно назвать реальной философией жизни, далекой от ветхой беллетристики, от «книжного» сочинительства. Серьезная литература — вторая действительность, сотворенная «личным» и «внеличным» автора, познающего самого себя, народную правду не в приятном путешествии созерцателя, а в муках душевных терзаний.

«Я оглянулся окрест меня и душа моя страданиями человеческими уязвлена стала». Так когда-то писал честнейший художник, гражданин России Радищев. Независимо от эпох

государственных структур человеческие страдания на земле не растворились, не потонули в красоте и аромате благодетельного расцвета. Они изменили в чем-то форму, оттенки, светотени на коварных поворотах истории. «Кто не страдает, тот не пишет», — говорил великий Достоевский. Подлинными страданиями народа живет и нынче истинная литература. Иначе — это не литература.

— После шокирующих приватизационных реформ, закрытия двух третей промышленных предприятий и развала половины сельских хозяйств, они омертвели. В десятках опустошенных деревень не живет ни одного крестьянина (вроде по нашей земле Мамай прошел, как говорят в народе). По серьезным, а не лжеподобным скользящим данным, Россия бездарно потеряла за время реформ 3 триллиона долларов, притом доходы бедных сравнительно с доходами богатых уменьшились в 14,3 раза. Легко представить предельно печальную картину мощной державы, если признать, что цифры — несмыслимое тавро времени: за 20 лет буржуазного строя в России мы уменьшились почти на 20 миллионов соотечественников.

Средняя продолжительность жизни сократилась на 10 лет, каждый четвертый трудоспособный мужчина — безработный, 50 процентов россиян живут за чертой бедности, часто называют цифру значительно выше. И венчает эту трагедию народа разразившийся мировой кризис, горестные последствия которого никто не в силах предсказать, но никто не сомневается, что для простых людей они станут поистине катастрофическими... Так в чем же неискупимая вина многострадальной России? В каких смертных грехах она провинилась, понеся огромные потери в Великой Отечественной войне и своим невиданным мужеством спасшая весь мир?

— Самоубийственная вина России в том, что она после 90-х годов безропотно, с немыслимым терпением и кровавыми слезами несет крест, надрываясь под его голгофной тяжестью — и не виден конец крестному пути. Терпение униженных и обездоленных — грех позорный, близкий к духовному одичанию. Славянское терпение?.. Думаю со скорбью об этом терпении нашего народа, фактически даром отдавшего едва ли не всю ведущую промышленность и половину всех национальных богатств в частные руки, необъяснимо откудато возникших и никому не известных «предпринимателей», молниеносно ставших олигархами, создавших 12-миллионное государство безработных, и «эту новую страну», которую раньше называли великой и могучей Россией. Какое, к дьяволу, славянско-ангельское терпение, если тысячи ученых уехали из страны и готовы уезжать целыми лаборатори-

---

ями! Где наше будущее, коли по данным вездесущего Интернета 6 млн. детей не охвачены школами, а число беспризорных превышает 4 миллиона?

Самое прочное качество правды — это прожитое и пережитое; правда сегодняшних дней имеет водянистую расплывчатость, правда грядущего вызывает сомнения. И нет устойчивости, потому что каждый хочет видеть собственную правду, которая ему выгодна и удобна. И теряя оптимизм, мы уже не можем быть твердо уверенными, что у лжи нет завтрашнего дня. Пока всё, что мы должны сделать ради общего благополучия, остается мечтательным намерением, неисчислимыми однообразными словами.

— Может быть, русская натура даже в добрые цели вносит идею хаоса и произвола? Знатоки русской души, отмечая ее несравненные прекрасные качества, в то же время заостряют внимание на нашей природной анархической сущности, неудержимой склонности к полярным крайностям и, как следствие, к саморазрушению...

— Вехи отсчета российских бед определены временной точностью. Начало общей беды имело государственные названия — «перестройка» и «новое мышление», — слитые в объятиях с либерализацией, беспринципной гласностью, вседозволенностью, захватнической приватизацией, наконец, расстрелом Дома Советов. Оглушающие «демократические деяния» пьяного реформатора были подобны взрыву, принесшему гигантские материальные и духовные потери всему народу. Был окончательно сделан уродливый зигзаг в сторону и назад, совершена роковая ошибка перед историей, перед экономикой, перед культурой.

Двери храма обещанного обустроенного благоденствия не открылись. И простодушная наивность народа, падение России в рыночное никуда теперь с болью напоминают невеселую восточную легенду о доверчивом простаке, потерявшем осознание добра и зла, ада ирая. И у меня нет ни малейшего сомнения, что не рыдания в пространство, а поддержка народа словом писателей особо необходима в наши дни туманной путаницы целей, ибо, право же, незачем негодовать, что самоубийственное разорение деревни, разруха в отечественной промышленности не мешают бодрой артикуляции, сочному утешающему голосу проповедника на телевизионном экране об укрепляющейся стабильности, о повышении жизненного уровня, придуманных жрецами развала социалистического прошлого при помощи чрезвычайно заостренной формулы, название которой — нелюбовь, мягко говоря, к былой, сытой и, в общем, благополучной России.

Известно, что держава есть народ, Отечество — нация. Но, как это ни прискорбно, общество наших дней состоит из многочисленных зомбированных обывателей, мечтающих жить не в цивилизации социализма, а в показательной, щедро размалеванной рекламами европейской цивилизации, не зная ее проблем и несчастий, ее скрытой от глаз совсем уж не роскошной действительности. Кроме того, группа «миротворцев» умело выказывая многознающую усмешку на меркантильном лице, зачастую с выражением истины о состоянии мира, не жалея восклицательных знаков, заявляет, что на земле 6—7 лет не было войн благодаря существованию структуры НАТО и тонкой политики России (журналист Радзиховский). Однако трезво оценивающий мировую обстановку политик Кургинян, с неопровержимыми аргументами раскрывающий глобально агрессивные цели НАТО, окружающего военными базами Россию, вовсе не расположен к сентиментальным заявлениям. Нет, не гибкая податливость, а достоинство и твердость российской позиции должна быть справедливой нормой отношений. В противном случае, куртуазная мягкость России станет необратимой трагедией. Это мы должны знать, если хотим существовать как государство.

Тем не менее, ток-шоу «Народ хочет знать», показанное некоторое время назад по телевидению, как представляется, с успокоительным намерением заставить не бояться новой войны, зомбирует обывателя, как это делалось в 1938 году легкомысленно мурлыкающими, что мировая война, гигантским пожаром закипавшая в Европе, коснется СССР лишь в 1943 году, внушая некрепким головкам некий домашний покой.

— Возвращаясь непосредственно к делам литературным, не считаете ли Вы, Юрий Васильевич, что разрушение Союза советских писателей как творческой организации убийственно как для отдельных творческих судеб, так и для всей отечественной словесности?

— Обратимся к нашей литературной истории.

В 30-х годах наши предшественники одолели разрушительный антагонизм Ассоциации литераторов, преобразовав ее не в политический клуб, а в Союз независимых профессионалов, сохранив авторитет писательского слова вплоть до безобразного хаоса в культуре 90-х годов. Злосчастная перестройка расколола общество, разбросала его по разным баррикадам, и возникла в литературе бездымная «гражданская война», превратив раздробленный Союз писателей чуть ли не в политические партии, настроенные на столкновения, на бессовестные унижения, на непристойные оскорбления вче-

---

рашних сотоварищей. В печати без зазрения совести использовались самые резкие обвинения, яростные наветы, подтасовки фактов и документов, то есть конфликт приобретал характер непримиримого неприятия позиций недавних единомышленников, возбудил позорную междоусобицу в писательской среде, где уже окончательную потерян был высший уровень истины — справедливость.

Взвесив все, что произошло с художественной интеллигенцией за последние годы, в Союзе писателей, со всеми нами, имеющими дело со словом, первородным человеческим началом, фундаментом нации, мне стало особенно ясно, что мы близки к саморазрушению, если не отбросим в выгребные ямы властолюбие и наши разногласия, не уйдем от прежних распрей, порожденных сатанинским меркантилизмом в книжном деле.

Призывая в советники здравомыслие, не хочется верить, что серьезная, думающая часть писательской интеллигенции против товарищеского и профессионального объединения в союз защитников слова, правды, верных адвокатов народа. Мы не хотим, чтобы зловещая сила тащила литературу в бездонный омут аморальных конфликтов, в которых энергия слова задохнется и погибнет бесславно.

— Пришла пора, думаю, не шельмуя друг друга, с полной серьезностью и глубиной понимания оценить, кто все-таки мы есть — писатели России? Сказать искренне, исповедально и глубоко о судьбоносных не только для литературы, но и всей нашей жизни проблемах.

— Хочу лишь подчеркнуть в заключение. Коли основа поступков — воля, то серьезность характера писательской организации должна проявляться согласно пониманию веры в единую нелегкую судьбу всех вместе и каждого в отдельности, защищая человечность в человеке, правду и совесть Родины. Слабость воли и, значит, слабость характера есть гибельное отсутствие праведного разума, что порождает товарную продажность образа мыслей и, как это ни странно, чувств. Наша спасательная истина в силе нравственных справедливостей.

«Чем труднее и тяжелее обстоятельства, тем необходимее твердость, деятельность и решимость» (Л. Н. Толстой). Наша забота — здоровье отечественной литературы и, стало быть, охрана жизни великого русского слова, данного судьбой нашей профессии.

ДНЕВНИК РУССКОГО

1987

18 мая.

В течение 16—18 мая совершил поездку в Тарусу и ее окрестности.

Л.М. Леонов в детстве (чаще всего с бабушкой) уезжал на лето из Москвы в деревню Полухино Беляницкой волости Тарусского уезда Калужской губернии, где жил у дяди — И.Л. Леонова. Ехали (по рассказам Леонова) следующим образом: из Зарядья — на Курский вокзал, далее поездом до Серпухова. В Серпухове бабушка нанимала тарантас, и ехали вдоль левого берега Оки и далее в деревню Полухино. Вся дорога из Серпухова до Полухина составляла примерно 50 км.

Эта дорога оставила у Л.М. Леонова неизгладимый след на всю жизнь. «Косой дождичек над Окой» он вспоминает в своих «Раздумьях у старого камня», написанных на пороге 70-летия. И действительно, дорога из Серпухова по своей топографии — идушими друг за другом увалами, по богатству лесов — сосна, береза, дуб, лиственница, по разнообразию посевов — хлеб, гречиха, конопля, овес — все это составляет необычайную картину, вызывающую в душе радость бытия.

Обычно Леонов уезжал в Полухино после окончания занятий в школе, за-

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

тем в гимназии, то есть в конце мая, когда еще цвели сады. Вдоль речек и по оврагам буйствовала черемуха. На всем пути без усталы пели соловьи, куковали кукушки...

Жизнь в деревне, окруженной лесами и полями, — все это легло на душу Леонову-ребенку и послужило неисчерпаемым кладезем впечатлений, воспоминаний, переживаний, мечтаний на всю жизнь. Конечным «продуктом» всего этого явился роман «Русский лес», о чем сам писатель неоднократно говорил в своих устных и печатных выступлениях.

Уезжая в Тарусу, чтобы из этого бывшего центра уезда добраться до места, где раньше была деревня Полухино, я знал, что в настоящее время деревни этой не существует. В связи с коллективизацией и последующими реорганизациями в сельском хозяйстве (укрупнением колхозов и совхозов) все жители из деревни Полухино уехали (кто в города, кто в другие деревни). Остатки домов были снесены, и само место, на котором стояла деревня Полухино, было запахано.

Все это я знал из рассказов Л. М. Леонова, который посетил пепелище на месте давней деревни во время съемки фильма о нем в конце 1960-х годов. Знать-то я знал, что деревни Полухино не существует, но никак не мог предположить, что никто, кого бы я ни спросил в Тарусе, не знает, где была Беляницкая волость и деревня Полухино, входившая в состав этой волости. Со своей просьбой-вопросом я обращался в редакцию тарусской районной газеты «Октябрь», в Тарусское бюро путешествий и экскурсий, в районный узел связи (почта, телеграф, телефон) и даже к дежурному районной милиции. Всего я опросил более ста человек, но никто не мог мне ответить.

С районной автобусной станции я сделал несколько выездов из Тарусы в разных направлениях так, чтобы расстояние от Серпухова до искомой деревни могло составить примерно 50 км. Один из маршрутов пролегал через Сивцево—Вознесение—Парсуки. Название последней деревни показалось мне симптоматичным. Не происходят ли леоновские «Барсуки» от деревни «Парсуки»? С этим вопросом я обратился к тарусскому охотоведу, кандидату биологических наук Александру Александровичу Родионову. Оказалось, что в Тарусском и соседних районах есть и деревня с названием Барсуки, но они далеко от Тарусы. Выходит, что топоним Барсуки распространен в Калужской области. Л. М. Леонов, когда работал в 1925 году над романом «Барсуки», мог использовать этот топоним, знакомый ему с детства.

А. А. Родионов оказался единственным человеком в Тарусе, кто смог ответить на вопрос о местоположении ныне сне-

---

сенной деревни Полухино. До нее можно было добраться двумя путями — от Сивцева или из села Вознесение (3—4,5 км) или с шоссе Таруса—Калуга от деревни Головино.

Я выбрал второй маршрут. Проехав минут 20 от Тарусы в направлении Калуги, я вышел, не доезжая примерно 4 км до деревни Петрищево, и свернул влево. Прошел полтора километра до деревни Головино. Там мне указали на хорошо видимый отовсюду бугор, где ранее была деревня Полухино. Место едва ли не самое красивое во всем районе. С него видно не менее 4—5 планов. В окрестностях деревни были леса, поля и луга. В лесу и по сей день бьют родники. Не здесь ли Леонов увидел тот знаменитый родник, что описал в «Русском лесе»?

21 мая.

Вечер у Леонова. Первым моим вопросом к Л.М. было: правильно ли я искал его деревню Полухино, где он в детстве жил у дяди Ивана Леоновича Леонова. Оказалось, что я побывал не в той деревне Полухино. Леоновское Полухино находится в 12 км от Высокиничей, что северо-западнее Тарусы, а я был в Полухино, которое в 12 км юго-западнее Тарусы. Придется съездить еще раз. Никакой реки рядом с леоновским Полухино нет, а есть ручей, питаемый ключами.

Я разложил перед Леоновым туристскую схему Калужской области. Л.М. вооружился лупой, и мы начали наше совместное «путешествие» по бывшему Тарусскому уезду. Оказывается, Л.М. ездил с бабушкой из Серпухова вовсе не через Тарусу, а напрямки — сначала по левому берегу Оки, а потом через реку Протву и в Полухино. Ближайшие большие деревни и села, которые запомнились Леонову с детства, были: Высокиничи, Белянки (волостной центр, почтовое отделение в 2 км от Полухино), Поречье, Недельное, Роша. Во всех названных селах устраивались торги, ярмарки, на которых Леонов бывал с бабушкой. Бабушка Леонова была родом из села Роша. Похоронена бабушка на приходском кладбище в 1,5 км от деревни Полухино. Кроме нее там еще похоронены его тетка и другие родичи. Приходской церкви, куда ходили молиться все Леоновы и у стен которой они упокоились, отец Л.М. подарил в свое время библиотечку художественной литературы в несколько десятков томов. Судьба этой библиотеки неизвестна, так как церковь в советское время была закрыта. В зрелом возрасте Леонов дважды бывал в Полухине и на кладбище у своей приходской церкви — в 1948 году и конце 1960-х годов, когда снимали телефильм о нем. Церковь к тому времени была сильно разрушена, клад-